

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Уральский государственный
университет им. А.М. Горького»
ИОНЦ «Толерантность, права человека и предотвращение конфликтов,
социальная интеграция людей с ограниченными возможностями»

Факультет международных отношений

Кафедра иностранных языков регионов
Учебно-методический комплекс дисциплины
«Язык и конфликт»

Хрестоматия

«Язык и конфликт»

Екатеринбург

2007

Составитель Вершинина Т.С., канд. филол. наук, кафедра иностранных
языков регионов УрГУ

Рекомендовано к печати протоколом заседания
кафедры _____
от _____ № _____.
(дата)

© Уральский государственный
университет, 2007

© Вершинина Т.С., 2007

Содержание

Статьи	6
Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Предмет и объект конфликта // Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В. Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002	6
Лебедева М.М. Возможные выходы из конфликтной ситуации // Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В. Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002	18
Фельдман Д.М. Международно-политические конфликты // Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В. Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002	27
Козер Л. Функции социального конфликта // Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В. Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002	38
Ройтер В. Роль ЮНЕСКО в защите прав человека. Культура мира - Программа ЮНЕСКО	44
Анчабадзе Г. Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе (традиции и современность) // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества / Материалы науч.-практ. конф. «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе», организованной Кавказским Форумом НПО / <i>Сост.</i> Ж.Крикорова, Б.Кобахия, А.Недолян, Г.Тер-Габриелян. 2001, 31 мая - 2 июня. Цахкадзор (Армения)	51

Кара-Мурза С.Г. Национализм как идеология	63
Микава Л. Этнопсихологические аспекты межнациональных конфликтов	74
Морозов А.В. Поведение в конфликтах	77
Муравьева Н.В. § 2. Механизм и сферы возникновения коммуникативных конфликтов. Способы предотвращения/разрешения коммуникативных конфликтов. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика. Коммуникативный кодекс и коммуникативный этикет. Кодекс и правила. Приемы и языковые средства // Язык и конфликт	92
Муравьева Н.В. Глава 4. Сфера контакта: общее коммуникативное пространство // Язык и конфликт	108
Муравьева Н.В. § 5. Общие особенности речевого поведения. Основные правила, связанные с кодом. Речевая стратегия. Конфликты речевых решений // Язык и конфликт	110
Муравьева Н.В. § 6. Изменения в сфере кода: актуальное состояние языка СМИ. Динамика речевого поведения. Основные мотивы речевого поведения и речевые стратегии // Язык и конфликт	132
Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: введение	144
Чижова Л.А. Лингвистическая психология культуры	153
Матвеева Г.Г., Петрова Е.Е. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи	157
Даниленко О.А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии	165
Автономова Н. Глава четвертая: Слово и разум // Автономова Н.С. Рассудок - Разум - Рациональность. - М.: Наука, 1988	181
Стернин И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании	202
Чудинов А.П. 6.3. О степени объективности метафорического зеркала // Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале:	

когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001	208
Лосева А.А. К проблеме возникновения речевых конфликтов в билингвальных группах	215
Тексты	222
Лужков Ю. Малые города — великое достояние страны (Вечерняя Москва. 1998. № 181. 12 авг.)	222
Лужков Ю. О политической и социально-экономической ситуации в стране и задачах организации: Доклад на Втором съезде Общероссийской политической общественной организации «Отечество» (24 апреля 1999 г., г.Ярославль)	226
Кириенко С. Что теперь будет? // Коммерсантъ, 14.04.2000	246
Проханов А. Русских офицеров – в дикторы ОРТ! // (Завтра. 2000. №38. Сент.)	265
Жириновский В. Закон, закон и еще раз закон!	268
Жириновский В. О проекте федерального закона об ограничениях оборота продукции, услуг зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской Федерации	274
Жириновский В. «Мы должны провести экономическую амнистию»	279

Статьи

А.Дмитриев, В.Кудрявцев, С.Кудрявцев

Предмет и объект конфликта

Понятие предмета конфликта. Всякий конфликт связан с теми или иными внешними и внутренними обстоятельствами, круг которых всегда достаточно широк, переменчив и не может быть перечислен с исчерпывающей полнотой. Однако что-то есть в его структуре основное, что позволяет в быту или в журналистских репортажах безошибочно идентифицировать именно этот конфликт или отнести, его к определенной категории. Упорядочивая множество понятий, связанных с конфликтом, обычно выделяют два из них, которые дают возможность более четко определить существо и направленность любого конфликта: это предмет конфликта и его объект.

Под предметом конфликта мы понимаем объективно существующую или мыслимую (воображаемую) проблему, служащую причиной раздора между сторонами. Каждая из сторон заинтересована в разрешении этой проблемы в свою пользу. Предмет конфликта - это и есть то основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство. Это может быть проблема власти, обладания теми или иными ценностями, проблема первенства или востимости (в когнитивном конфликте это и есть то, что называют предметом дискуссии). Поиск путей разрешения конфликта, как правило, начинается с определения его предмета, и сделать это часто оказывается весьма трудно...

Предмет конфликта может быть не только искомой целью посредника или арбитра, но и пунктом обсуждения сторон-участниц. Это общеизвестный способ переговоров между сторонами, о котором следует сказать особо.

Переговоры между объектами с точки зрения их глубинных психологических характеристик представляют собой специфический тип социального взаимодействия. Дело в том, что он имеет черты обоих выделенных нами ранее типов конфликтов - когнитивного конфликта и конфликта интересов, хотя проходит только в рамках конфликта интересов.

Предметом переговоров является предмет того самого конфликта интересов, который побудил стороны к переговорам. Но, однако, можно заметить, что стороны все же действуют иначе, чем в самом этом конфликте. Их разговор, если он ведется по правилам, может напомнить научную дискуссию или рыночный торг. Переговоры - это спор по поводу отношений, спор, в котором сталкиваются точки зрения по поводу решения противоречия в интересах.

В переговорах стороны могут прояснить предмет своего конфликта и даже убедиться в его иллюзорности. Но они могут и запутать проблему, осложнив конфликт дополнительными противоречиями. Но сам факт переговоров следует всегда оценивать позитивно хотя бы потому, что благодаря им у сторон есть возможность уяснить позиции друг друга, а у посредников нащупать «ядро» проблемы. Это «ядро», как станет ясно из дальнейшего изложения, нередко связано с тем, что называется «объектом» конфликта.

Объект конфликта. По мнению В.А. Ядова, «на самом деле во всех конфликтах речь идет о двух вещах или даже об одной: о ресурсах и о контроле над ними. Власть с этой точки зрения - это вариант контроля над ресурсами, а собственность - и есть сам ресурс. Можно ресурсы разделить на материальные и духовные, а последние, в свою очередь, дифференцировать на составляющие». Эта точка зрения, правда, не в столь категоричной форме, высказывается и многими другими специалистами. Высказывая сходные мысли, нередко используют понятие «объекта конфликта», под которым подразумевают ту конкретную материальную или духовную ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся обе стороны конфликта.

Объектом конфликта, по сути дела, может выступать любой элемент материального мира и социальной реальности, способный служить предметом личных, групповых, общественных, государственных интересов. Чтобы стать объектом конфликта, этот элемент должен находиться на пересечении интересов различных социальных субъектов, которые стремятся к единоличному контролю над ним. Примеров таких ситуаций можно найти множество: от ссоры малышей из-за красивой игрушки до напряженности в отношениях двух государств из-за неурегулированности вопроса о принадлежности той или иной территории. Объект конфликта в конкретной системе отношений - это всегда некий дефицитный ресурс. Одна должность директора, на которую претендуют два заместителя, ... один Черноморский флот и военный порт... Действительно, компенсация дефицита ресурсов во многих случаях может устранить возникшую неожиданно проблему. Именно этого хотел добрый старик Хоттабыч, заколдовавший каждому футбольному игроку по мячу ...

...Конфликт, однако, может и не иметь объекта. Наряду с «объектными» конфликтами мы выделяем категорию «безобъектных», не базирующихся на взаимных стремлениях к контролю над чем-то. Поясним, о чем идет речь. Начнем с примера. Легко можно представить себе ситуацию с двумя соседями в стандартном блочном доме с прекрасной слышимостью: один сидит за рабочим столом и пишет научную монографию, а другой играет на скрипке. Первый, которому скрипка мешает сосредоточиться, стучит в стену. Начинается конфликт. Ясно, что причина конфликта здесь не в том, что оба стремятся единолично контролировать какую-либо ценность, а просто в помехах, снижающих эффективность деятельности одного из оппонентов. Типичным для практики уголовного судопроизводства является случай, когда конфликт разгорается из-за того, что случайный прохожий делает замечание хулигану. Здесь также нет того объекта, обладать или пользоваться которым хотели оба субъекта. Просто один нарушает нравственные представления другого. Наконец, ситуация, в которой

отношения индивидов или группы пропитаны взаимной ненавистью и стремлением уничтожить друг друга также представляет собой ярчайший пример «безобъектности».

Явный и скрытый конфликты. Сложность анализа конфликтных процессов и явлений в значительной мере определяется тем, что внешненаблюдаемое противоборство субъектов очень часто не дает адекватного представления о его подлинных причинах. Характеризуя подобные случаи, М. Дойч использует понятия «скрытого» и «явного» конфликта». Его мысль заключается в том, что конфликт в реальности может основываться на противоречиях более глубоких (скрытый конфликт), чем те, которые служат предметом противоборства во внешнем плане (явный конфликт).

Достаточно часто можно встретить случаи, когда за внешненаблюдаемым когнитивным конфликтом скрыт его реальный предмет - то или иное столкновение интересов. Внешне конфликты выглядят как научная полемика, но его подлинной основой является борьба за значимый социальный статус (например, обоюдное стремление занять одну и ту же должность в институте). В таких случаях стороны сами абсолютно рационально или интуитивно выбирают «язык» когнитивного конфликта, чтобы скрыть свои истинные намерения.

...Событие или обстоятельство, являющееся толчком к началу конфликта, обычно называют поводом. Известно, что поводом к войнам нередко оказываются частные междоусобицы или инциденты, хотя истинные причины межгосударственного столкновения оказываются гораздо глубже. Подобные частные конфликты скорее утихнут, чем разрастутся в крупномасштабную войну, если нет «скрытого» конфликта. Повод не только возникает случайно, но и активно ищется или придумывается кем-либо из оппонентов. В этих случаях мы имеем дело с провокацией конфликта. Обычно провокация строится по следующей схеме: сторона, желающая развязать конфликт и через борьбу реализовать свои

интересы, выискивает, выстраивает или придумывает такую относительно частную ситуацию в отношениях с другой стороной, которую легко можно интерпретировать как проявление враждебности оппонента. Тогда в глазах посторонних заранее спланированная агрессия становится вполне оправданным актом возмущения. По этой схеме действовала гитлеровская Германия, начав в 1939 г. войну с Польшей. Аналогичным образом в СССР после убийства Кирова в 1934 г. был начат новый виток массового террора...

Одновременное существование двух (и более) планов конфликта может активно и сознательно поддерживаться сторонами, каждая из которых отдает себе отчет в том, что является истинным предметом конфликта. И делают они это из разных соображений. В научном споре или газетной полемике например, затем чтобы соблюсти нормы приличия и не быть обвиненными в «личных» пристрастиях или корыстных мотивах. Не всегда тем не менее участники конфликта осознают, из-за чего же они враждуют на самом деле. Их объяснение происходящего мотивировки подчас вовсе не соответствуют реальным мотивам поступков. Подлинный предмет конфликта скрыт и от них. Они, например, до хрипоты спорят о методах воспитания ребенка, хотя на самом деле весь вопрос состоит в том, кто в семье главнее.

Типология конфликтов

Основания классификации. ...противоречия и конфликты вечны и постоянны, их субъекты в чем-то тоже постоянны, а наличие этих обстоятельств диктует необходимость хотя бы частичного решения проблемы. Рассмотрим возможные подходы к ее решению. **Системный подход.** Для выработки типологии конфликта может быть применим, например, системный подход. Согласно этому подходу, действия системы и ее компонентов для достижения цели, действия с применением определенных средств есть не что иное, как осуществление функций системы и ее элементов. При этом функции последних производны от функции системы, они направлены на достижение системных целей. Однако,

«работая» на главную цель, компоненты выполняют и свои специфические функции, необходимые для достижения своей специфической (не системной, а частной, частичной) цели. На этом часто основан внутрисистемный конфликт.

Каждая данная общественная система не является неизменной, раз и навсегда данной. Она не абсолютна, ей присущи внутренние противоречия, она переживает время своего зарождения и становления, развития и расцвета, упадка и гибели. Время является неременной характеристикой системы.

Система постоянно испытывает на себе внутренние возмущения, являющиеся результатом ее внутренней противоречивости. Компонент и система, часть и целое; прерывное и непрерывное, структура и функция; внутреннее и внешнее; организация и дезорганизация; разнообразие и однообразие - такой далеко не полный перечень противоречивых сторон и отношений, присущих системам и порождающих конфликты. Каждая из этих характеристик способна служить базой для выделения конфликтов определенного типа.

Изучение структур и механизмов, обеспечивающие устойчивость социальных систем, предпринятое представителями структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис и др.), привело к созданию различных типологий как структур, так и функций систем, так или иначе связанных с конфликтами. По Парсонсу, например, можно выделить четыре обязательных требования к системе: адаптация к внешним объектам, целеполагание, поддержание бесконфликтного отношения между элементами системы (интеграция) и, наконец, поддержание институциональных нормативных предписаний («ценностного» образца). Это по сути предпосылки или условия бесконфликтного существования в обществе.

Р. Мертон, в отличие от Парсонса, сосредоточил внимание на дисфункциональных явлениях, возникающих вследствие противоречий и напряжений в социальной структуре. В работе «Социальная структура и аномия» он выделяет пять типов приспособления индивидов в обществе

(конформизм, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж). Отклонение от каждого из этих типов означает неизбежный конфликт - либо с властью, либо с так называемой репрезентативной группой.

Новейшие версии структурно-функционального анализа (Р. Александер и др.) модифицировали эти основные положения, однако основные идеи данной концепции сохранились (статичное, внеисторическое рассмотрение общества, абстрактный категориальный аппарат, «некорректное поведение» индивида в описании саморегулируемых систем и т.д.).

Вообще надо заметить, что классификация противоречий в рамках системного подхода по критерию этапности и последовательности их разрешения оказывается достаточно уязвимой. Как известно, в диалектике принято следующее описание последовательности развития: возникновение и созревание внутренних противоречий между элементами, частями подсистемами, т.е. становление системы, дестабилизация и разрушение системы через борьбу и отрицание одной противоположности другой и переход к новой системе. Современные исследователи признают возможность такого развития, но не считают его единственно возможным. Напротив, получила широкое распространение точка зрения, по которой изменения происходят не через разрушение системы, а через рост ее упорядоченности и усложнения. Рост же противоречий в системе рассматривается не как источник развития, а как причина типичного антисистемного действия.

...По его мнению (Э. Гидденс – Т.В.), каждый отдельный тип общества характеризуется плюрализмом форм господства и эксплуатации, которые не могут быть сведены к единому классовому принципу. При этом наряду с классовой эксплуатацией существуют три вида эксплуататорских отношений, которые до конца не объясняются, хотя и затрагиваются теорией классовой борьбы в общем и теорией прибавочной стоимости в частности. Это: а) эксплуататорские отношения между государствами, во многом формирующиеся военным господством; б) эксплуататорских отношения

междуэтническими группами, совпадающие или же не совпадающие по форме с эксплуататорскими отношениями первого типа; в) эксплуататорские отношения между мужчинами и женщинами (эксплуатация по половому признаку). Ни один из этих видов эксплуатации не может быть сведен к исключительному классовому уровню. Внутрисистемные противоречия, таким образом, могут лежать в основании типологии конфликтов, но их отнюдь не следует ограничивать классовыми противоречиями.

Сферы конфликтов. Наиболее простой и легко объяснимой является типология, основанная на выделении субъектов конфликта и сфер их проявления. По этим признакам конфликты можно разделить на экономические, политические, в том числе межнациональные, бытовые, культурные и социальные (в узком смысле слова). Стоит обратить внимание на экономические конфликты, суть и степень распространенности которых при переходе общества и рыночной экономике заметно изменяются. Ведь в обществе, где господствует государственная собственность и рынка по существу нет, почва для экономических конфликтов весьма ограничена. Отнюдь не пропагандистскими были утверждения, что в СССР нет безработицы, забастовок, борьбы классов. Мы не обсуждаем здесь вопроса о том, какой ценой это достигалось; важно отметить другое: в экономической сфере конфликты общегосударственного масштаба в течение многих лет практически не встречались или были весьма локальными и кратковременными. Это, разумеется, не относится к теневой экономике, всегда находившейся в состоянии скрытой войны с государством.

При переходе к рынку можно наблюдать другую картину. По сути дела сам рынок есть поле для постоянных конфликтов, не только в виде конкурентной борьбы или вытеснения противника, но прежде всего - в форме торговых сделок, которые всегда сопряжены с диалогом, а то и различными действиями (включая угрозы, шантаж, насилие), имеющими целью принудить партнера к выгодному соглашению. Наряду с этим в ситуации

рыночной экономики возникают и другие острые конфликтные ситуации: забастовки, люкауты, кризисы в денежном обращении и т. д. Рыночная экономика предполагает и постоянно возникающие трудовые конфликты, которые регулируются специально разработанными правилами. Хотя трудовые конфликты существуют при любом общественном строе, все же наиболее характерны они именно для рыночной экономики, которая базируется на купле-продаже любого товара, включая рабочую силу. Особенностью крупномасштабных экономических конфликтов является вовлечение в их сферу широких слоев населения. Забастовка авиадиспетчеров касается, понятно, не только авиационных компаний, но и тысяч пассажиров. Если же забастовка проводится врачами, это уже миллионы потерпевших. Поэтому институционализация трудовых конфликтов, включая запрет некоторых видов забастовок, является важным средством стабилизации общественной жизни.

Конфликты в политической сфере - в общем обычное явление в демократическом обществе. Их особенность состоит в том, что они могут перерасти в крупномасштабные общественные события: восстания, массовые беспорядки, в конце концов - в гражданскую войну.

Для многих современных политических конфликтов характерен межнациональный аспект; почти во всех случаях политический конфликт является одновременно национальным или во всяком случае имеет такую сторону, будь то «ура-патриотическое», сепаратистское или религиозное движение.

Далее, конфликты, проистекающие из противоречий интересов в сфере труда, здравоохранения, социального обеспечения, образования. Они тесно связаны с двумя названными выше видами конфликтов - экономическим и политическим. Эти конфликты не так непосредственно зависят от природы общественного строя, и масштабность их не столь велика. То же можно сказать и о бытовых конфликтах между людьми по месту их работы или жительства.

Иные типологии. Возможны и другие виды классификации конфликтов: по количеству участников, по степени урегулированности, по мотивам и т.д. ...

По сути дела многие особенности конфликта могут быть основаниями для типологизации. Таково, например, деление конфликтов по их длительности (долгосрочные, краткосрочные), по ресурсам (материальные, духовные, социальные), по степени ограниченности в пространстве и времени, по субъектам и т.д. ... в рамках конфликта какого-либо типа возможна дальнейшая классификация. Приведем одну из них, относящуюся к межнациональным конфликтам.

а) *Конфликты «неуправляемых эмоций».* Речь идет о конфликтах-бунтах или погромах. Для подобных конфликтов характерна неопределенность целей организаторов беспорядка, случайность конкретных событий. Часто внешние признаки таких событий скрывают за собой непроясненные до конца истинные причины. Это подтверждает анализ драматических ферганских событий 1989 г., когда погромам подверглись ни в чем не замешанные турки-месхетинцы, а также события в бывшей Югославии, во многом не поддающиеся рациональному толкованию.

б) *Конфликты «идеологических доктрин».* Они связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни. Национальные требования формируются не стихийно, а разрабатываются идеологами-теоретиками. Сторонники определенной идеи готовы пожертвовать за нее самой жизнью, поэтому такие конфликты могут носить длительный и ожесточенный характер. К такого рода конфликтам могут относиться споры по поводу принадлежности территорий, по поводу их государственного или административного статуса, неурядицы в связи с возвращением ранее депортированных народов и т. д.

в) *Конфликты «политических институтов»*. Это в основном споры о границах, о взаимоотношениях органов власти, о юрисдикции, о роли политических партий и движений и др. «Война законов» и «парад суверенитетов» относятся к числу конфликтов именно этого типа. Наконец, можно выделить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), и в то же время конфликты, протекание которых не урегулировано никакими механизмами. Если в конфликтах институционализированных существуют и действуют общие для сторон правила, согласно которым и разрешается проблема, то во втором типе конфликтов согласие сторон сведено к минимуму или вообще отсутствует и борьба развивается без ограничений. В промежутке между этими крайними полюсами наблюдается большое разнообразие видов противостояния сторон, которые урегулированы, хотя бы частично.

К какому виду конфликтов относится война? Вероятно, ко второму, но с известной оговоркой: человеческое общество в течение многих столетий вырабатывало и пыталось реализовать целый ряд правил ведения военных действий. В международном праве существуют «законы и обычаи войны», заключены конвенции почти между всеми государствами по этим вопросам, что, конечно, отнюдь не означает, что эти правила и нормы всегда и везде соблюдаются.

...Смысл всякой типологии в том, чтобы, исходя из особенностей данного случая, найти подходящий способ разрешения конфликта. Изучение типов конфликтов дает поучительные примеры их возникновения, развития и окончания...

Конфликты больших социальных групп

Роль больших социальных групп. Конфликт, определенный нами ранее как столкновение по поводу тех или иных микро или макросоциальных проблем, может быть связан и с малыми, и с большими группами людей, с их потребностями и интересами. Разумеется, любой индивид может участвовать в любом конфликте, т.е. быть его субъектом; в конечном итоге именно

действия множества людей составляют содержание объективных процессов. Однако, чтобы ответить на вопрос о причинах и характере тех или иных действий на индивидуальном или групповом уровнях, необходимы, с нашей точки зрения, поиск и объяснение общественного контекста этой деятельности. Здесь представляется несомненным наличие определенной связи между причинами конфликтного поведения индивидов и интересами социальных субъектов конфликта, в том числе социальных групп.

...Соперничающими оказываются весьма разнообразные субъекты: не только отдельные индивиды, малые трудовые коллективы, семьи, соседи, но и крупные сообщества; как сказано выше, это могут быть социальные слои, классы, государственные и религиозные организации, партии, массовые движения и т. д. Именно эти социальные общности и придают в конечном счете конфликту ярко выраженный социальный характер. Любой конфликт (от межличностного до международного) в широком смысле социален. Тем более очевидна социальная природа конфликта социальных общностей как элементов общественной структуры на том или ином этапе исторического процесса. Эти социально-структурные общности представляют собой такую связь между людьми, которая обусловлена совпадением или близостью их интересов, относительного сходства бытия и общности субъективных представлений. Эта общность складывается не только на базе объективных условий жизни индивидов и осознания ими своих интересов, но и в результате определенной деятельности по выработке и достижению своих целей...

Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В. Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002. - 312 с.

Возможные выходы из конфликтной ситуации

1. Пути, подходы и методы решений в конфликтной ситуации

... В ситуации конфликта существуют два пути поведения: попытаться разрешить конфликт с помощью односторонних действий (шагов), либо благодаря совместным действиям с партнером, т.е. путем переговоров и посреднических процедур.

При односторонних шагах участники не согласовывают свои действия, а принимают решения и ведут себя независимо друг от друга. Односторонние шаги подразумевают такие варианты поведения (подходы):

- реализация выигрыша одной из сторон (попытка одержать победу);
- капитулирование перед противником;
- игнорирование конфликтной ситуации;
- обращение в правовые инстанции.

При попытке завоевать победу (конфликтном подходе) стороны вступают в противоборство, суть которого в свое время хорошо выразил К. Клаузевиц, сказав, что если противник не подчиняется нашей воле, то мы должны поставить его в еще худшую ситуацию. Для этого могут использоваться различные средства, в том числе вооруженное противостояние, террористические акты, экономическая блокада, политические средства давления и т.п. В таком случае события обычно развиваются в сторону усиления конфликтных отношений и часто выливаются в форму вооруженного противостояния. Борьба может продолжаться до полного истощения сил обеих сторон. ...Опасность, таящаяся в таком подходе к «разрешению» конфликтов, заключается не

только в возможном насилии, разрушениях, экономическом упадке, но и в самом характере решения проблемы. Интересы и цели одной из сторон в случае победы другой оказываются нереализованными. Это оставляет проблему нерешенной, ведет к недовольству побежденной стороны, которая начинает искать возможности для реванша, что порождает основу для нового витка конфликта и не позволяет сохранить длительный и прочный мир...

Другой подход при реализации односторонних действий предполагает капитуляцию одного из участников конфликта без оказания какого-либо сопротивления. Обычно это происходит тогда, когда силы сторон явно неравны и более слабый участник уступает, чтобы избежать худших для себя последствий... Как и в ситуации борьбы, при капитуляции нереализованность интересов и целей побежденного или сдавшегося служит опасным источником дальнейшего развития конфликта.

Возможен и еще один подход к конфликту с использованием односторонних действий - игнорирование конфликтной ситуации. Его результатом является бездействие. Развитие событий в этом случае пускается на самотек... Яркий пример этого - история СССР конца 50-х - начала 80-х годов, когда национальные, экономические, социальные противоречия руководством не принимались всерьез. В результате в конце 80-90-х годов это вылилось во множество конфликтов по всей стране. Отчасти, игнорирование противоречий было перенесено и на международную сферу - в отношения с социалистическими государствами, а также с некоторыми странами третьего мира...

Наконец, последний вариант односторонних шагов - обращение участника конфликта в правовые инстанции. Исключение здесь составляет Международный Суд, который является одним из главных органов ООН. Международный Суд может рассматривать спор лишь при обоюдном согласии на это сторон. В подобных ситуациях, естественно, нельзя говорить об односторонних шагах, хотя и совместными в полном смысле этого слова

они не являются. Совместное здесь только само обращение, решение же остается за Судом.

... Причин, по которым не всегда возможно урегулирование конфликтов в рамках юриспруденции, несколько:

- многие конфликты возникают именно из-за того, что противоречия, лежащие в их основе, не описываются существующими нормами, либо в ходе самого конфликта стороны или одна из них стремятся изменить нормы, обязательства, имеющееся положение дел и т.п. Иными словами, конфликт возникает относительно правил и норм;
- при судебном разбирательстве вполне вероятно, что интересы одной из сторон будут полностью удовлетворены, а другой - нет. На перего-ворах можно выйти за пределы конкретного конфликта и увязать инте-ресы (подключив и такие, которые не затрагиваются конфликтом) так, что это будет выгодно обеим сторонам;
- обратившись в суд, стороны должны следовать принятым решениям, даже если они обе не согласны с ними, в то время как договорные ре-шения могут быть более гибкими, а значит, и более приемлемыми для сторон;
- судебные решения, как правило, не изменяют характера отношений сторон. Зачастую они так и остаются конфликтными. А это значит, что вероятность нового конфликта весьма высока.

Что касается международной сферы, то к названным причинам добавляются и другие:

- международные отношения не столь централизованы и структуриро-ваны, как отношения внутри отдельных государств, поэтому выполне-ние решений суда здесь имеет более ограниченный характер, «наказать» за невыполнение решения Международного Суда довольно сложно;

- Международный Суд не обладает автоматическим правом разрешать международные споры, а начинает действовать лишь тогда, как уже отмечалось, когда к нему обратятся все конфликтующие стороны.

Как следствие этих ограничений, деятельность, например, Международного Суда, учрежденного в 1945 г., в соответствии с его Статутом, не может охватывать все конфликтные вопросы, возникающие в сфере международных отношений. Лишь относительно небольшое число международных конфликтов разрешается с помощью Международного Суда.

Существует и второй путь урегулирования конфликтов - путь совместного с противоположной стороной решения проблемы. В отличие от ориентации на односторонние действия, этот путь означает следующее: участники исходят из того, что противоречия, возникшие между ними, должны быть обсуждены и в результате этого обсуждения должно быть найдено решение проблемы. Таков путь политического урегулирования конфликта. Он предполагает проведение прямых переговоров или переговоров с помощью посредника. Решение, которое принимается сторонами на переговорах, если они завершились договоренностями, всегда есть совместное решение, т.е. то, на которое согласились оба участника, подписав заключительный документ.

В этом случае стороны исходят из того, что в результате обсуждения можно найти взаимоприемлемое решение, которое затем закрепляется юридическими документами (договорами и соглашениями и т.п.).

Порой стороны одновременно пытаются реализовать и односторонние шаги, и совместные действия. Однако в любом конфликте один из этих путей доминирует как в конкретный период, так и при разрешении конфликта в целом. То, какой путь будет избран участниками в качестве главного, зависит от многих факторов, в том числе от существующих традиций и наличных механизмов разрешения конфликтов у его участников, от их установок и

навыков в этой области. Возможна и смена основного пути в ходе разрешения конфликта. Такая смена вызывается различными причинами. В международных отношениях это могут быть, например, внутривполитические изменения у того или иного участника конфликта, осознание невозможности реализовать свои интересы путем односторонних действий, влияние третьих стран и т.д. ...

Соотношение силовых и мирных методов разрешения конфликтов

Известные с древнейших времен военные и мирные методы разрешения конфликтов и на практике, и в научных исследованиях нередко противопоставляются друг другу. Особенно ярко это противопоставление проводилось и проводится в сфере международных отношений. Так, канадский исследователь переговоров Г. Уинхэм пишет, что переговоры выступали наподобие крепости или великой стены и были инструментом тех, кто инстинктивно старался сохранить достигнутое. Величайшим благом, которое могли дать переговоры, была стабильность, а самая большая угроза стабильности исходила именно от тех, кто стремился изменить международный статус-кво посредством военного насилия.

Аналогичное противопоставление двух видов средств проводит отечественный исследователь С.Н. Гончаров, занимающийся, казалось бы, совсем другой областью - историей и дипломатией Китая периода средних веков. С.Н. Гончаров указывает на наличие двух доктрин, распространенных в Китае в тот период: доктрины «мироустроительной монархии», согласно которой император карал «непокорных варваров» и тем самым «приводил мир в гармоничный порядок», и доктрины договорных отношений. Последняя подразумевала, что Китай является «одним из двух суверенных государств (партнеров)» во внешней политике...

В истории западной цивилизации первоначально роль политических переговоров сводилась главным образом к подведению итогов войны или попыткам переделки мира в ее преддверии. Российский автор В.Б. Луков замечает, что в течение столетий международные переговоры

использовались в основном как средство легализации результатов вооруженных конфликтов или как инструмент подготовки новых войн. В результате этого переговоры являлись частью военной стратегии, призванной компенсировать военную слабость государства, или они давали возможность полнее реализовать военное превосходство одной из сторон. Близкую точку зрения высказывает Г. Уинхэм. В частности, он замечает, что на заре истории дипломатии основным предназначением переговоров было восстановление отношений между государствами, которым угрожал конфликт или которые уже страдали от конфликта. В этом смысле они выполняли скорее вспомогательную функцию по отношению к силовым методам разрешения противоречий.

Исторических примеров, в которых мирные средства разрешения конфликтов играли второстепенную, подчиненную роль по отношению к силовым, можно привести множество от древности вплоть до наших дней... К таким «случаям из практики» относятся, например, описания переговоров на крупнейших конгрессах XVII-XIX вв. - Вестфальском (1648), положившему конец Тридцатилетней войне; Карловицком (1698-1699), на котором был заключен мир между Османской империей и «Священной лигой», включавшей в себя Россию, Австрию, Венецию и Речь Посполитую, и других конгрессах.

Отсутствие работ по обобщению переговорной практики, теории переговоров вплоть до второй половины XX столетия нашло отражение и в том, что, например, в толковом словаре русского языка, изданном в СССР в 1935-1940 годах под редакцией Д.Н. Ушакова, есть определение только мирных переговоров, которые проводятся по окончании войны. Иные переговоры вообще не упоминаются.

Такой приоритет силовых методов над переговорными в истории объясняется прежде всего тем, что на протяжении многих веков международные отношения строились главным образом как отношения, направленные на распределение и перераспределение сфер влияния, ресурсов

и т.д. Силовой фактор и военная мощь были доминирующими в определении роли государства на международной арене, именно поэтому, по замечанию отечественного исследователя А.А. Мурадяна, исторические факты говорят о том, что искусство дипломатии чаще всего преуспевало тогда, когда оно опиралось на значительную военную силу.

Из сказанного, однако, не следует, будто лишь развитие цивилизации повлекло за собой применение переговорных форм и методов урегулирования конфликтов... в традиционных культурах конфликты и споры необязательно разрешаются силой. Там существуют различные процедуры и механизмы для того, чтобы избежать насилия и разрешить конфликт мирным путем, в их числе и такие, как приглашение свидетелей для доказательства правоты в споре, моральное осуждение человека, нарушившего принятые нормы, убеждение и т.п.

Если же говорить о мире в целом, то эволюция соотношения переговорных и силовых средств воздействия на глобальном уровне все-таки шла по пути повышения роли переговоров при урегулировании конфликтов. И это несмотря на лавинообразное развитие конфликтов после окончания «холодной войны». Что же позволяет сделать такое заключение? Как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но главное здесь - развитие и совершенствование военных технологий. Подойдя к определенной грани - появлению средств массового уничтожения, мировое сообщество осознало, что сегодня резко ограничена возможность силового воздействия. В связи с угрозой полного уничтожения всех участников конфликта их применение стало бессмысленным. В результате во второй половине нынешнего столетия, как отмечает А.А. Мурадян, стояла набирать силу тенденция, суть которой заключается в том, что необратимый процесс утраты «силовым фактором» своей роли фундамента мировой политики способствовал росту значения политических инструментов. Акценты в современной политике и дипломатии постепенно смешаются от методов жесткого военного принуждения к искусству «урегулирования» и

«соглашения»... данный процесс противоречив и неоднороден, и все же он достаточно выразительно характеризует магистральное направление развития современной дипломатии.

Кроме того, односторонние, в первую очередь военные, действия все более ограничиваются не только растущей военной, но также экономической, экологической, информационной, социальной и прочей взаимозависимостью мира. Как следствие этих процессов, переговоры становятся не просто ведущим, а единственно возможным средством урегулирования крупнейших конфликтов.

Принципиальное изменение роли и места переговоров во второй половине XX в. привело, по мнению отечественного исследователя В.А.Кременюка, к формированию системы международных переговоров, которая обладает тенденцией отражать и по своей сути и по структуре существующую систему современных конфликтов и споров. Эта система становится все более универсальной, объединяющей в себе формальные и неформальные процедуры разрешения конфликтов и определенные правила поведения: ненасилие, ориентацию на совместный поиск решения, сотрудничество.

Развитие процесса политической и экономической интеграции в мире одновременно способствует укреплению и совершенствованию самого переговорного механизма, его институционализации. Это выражается, в частности, в создании постоянных переговорных форумов, таких как СБСЕ, оформившихся впоследствии в международную организацию ОБСЕ; в использовании международных организаций, в первую очередь ООН, для разрешения конфликтных ситуаций.

Совершенствование переговорного механизма на международном уровне сопровождается аналогичными процессами в отдельных странах. Так, перераспределение власти в ЮАР, ее отказ от апартеида, были подготовлены, по образному выражению известного исследователя в области

урегулирования конфликтов У. Зартмана, мириадами небольших переговоров на различных уровнях.

Определяя подход к решению конфликтных ситуаций в мире на глобальном уровне как переход от силовых методов к переговорам, следует сделать оговорку, что это может рассматриваться только в качестве самой общей исторической тенденции. Данный процесс сложен, противоречив и вовсе не исключает использования силовых методов в той или иной конкретной стране или регионе. Так, конец 80-х и начало 90-х годов характеризовались резким возрастанием числа вооруженных локальных конфликтов в Европе. Вообще же на локальном уровне силовые методы решения конфликтов остались весьма распространенными. Более того, здесь можно выделить такие тенденции, как продолжение использования террористических действий (примером тому могут служить конфликты в Северной Ирландии, Чечне и некоторых других регионах планеты), стремление сторон (или одной из них) «идти до конца», несмотря ни на какие жертвы (Чечня, Афганистан).

Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов:

Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В.

Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002. - 312 с. //

Международно-политические конфликты

Международно-политические конфликты также неотделимы от международных отношений, как международные отношения от человеческой истории. Если они и могли когда-то существовать друг без друга, то очень давно и недолго. Тем не менее повторяющийся на протяжении многих тысяч лет на различной цивилизационной, социальной, геополитической основе международно-политический конфликт изучен еще далеко не полно. Не только методологическая, но и политическая позиция исследователей заставляет их по-разному отвечать на, казалось бы, самые простые вопросы. Например, может показаться странным, что многие авторитетные исследователи, заслуженно прославившиеся своими трудами по конфликтологии, не считают необходимым различать международные и межгосударственные политические конфликты, путаются, отождествляя их. ... такая «путаница», как правило, связана пусть даже с неявно сформулированным, но тем не менее проявляющимся пониманием сути, самого основания политики и, в частности, политических отношений на международной арене.

Не случайно само понятие «международный конфликт» до сих пор не имеет точно зафиксированного содержания. ... среди определений этого понятия широкое признание и распространение в свое время получила довольно расплывчатая формулировка американского ученого К. Райта. Не проводя четкой грани между международным и межгосударственным конфликтом, он «в широком смысле» определяет международный конфликт как «отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях и в различных степенях. В этом смысле можно указать на четыре стадии конфликта: 1) осознание несовместимости; 2) рост напряженности; 3)

давление без применения военной силы; 4) война... Конфликт в узком смысле относится к ситуациям, в которых страны предпринимают действия друг против друга».

При этом, как правило, подчеркивается тесная взаимосвязь конфликта и сотрудничества. «В контексте конфликта мир, ограниченная и тотальная война взаимосвязаны... Дружественные, союзнические отношения и сотрудничество вовсе не исключают доли враждебности, а достижения мирных отношений могут трансформироваться в причины военных действий». В таком «контексте» международный конфликт понимается как элемент механизма саморегуляции системы международных отношений, делаются попытки раскрыть взаимосвязь «конструктивных» и «деструктивных» последствий международного конфликта.

С этой точкой зрения не следует смешивать понимание конфликта как сущности политики на мировой арене и всей системы международных отношений. В соответствии с этим считается, что «сущность мировой политики - конфликт и его регулирование группами людей, которые не признают общей роли верховной власти». Ученые, придерживающиеся такого понимания конфликта, как правило, акцентируют внимание на роли насилия, нередко усматривая в нем основное содержание международного конфликта. Международный конфликт, с их точки зрения, «есть проявление организованного насилия между группами, которые рассматривают себя как чуждые друг другу в культурном или в политическом отношениях (или в том и в другом) и являются либо этническими группами, либо государствами». Не удивительно, что при таком понимании международного конфликта мир трактуется как состояние, «где конфликт получает ненасильственное разрешение».

В последние годы за рубежом отмечается снижение интереса к поиску универсального определения понятия «конфликт». В значительной мере это относится и к международному конфликту. Вместе с тем поиски в этом направлении не прекращены полностью. Конкретизируя понятие

международного конфликта, некоторые исследователи указывают на его связь с той или иной социальной общностью. Так, авторы популярной, выдержавшей несколько изданий работы по теории международных отношений отмечают, что «понятие «конфликт» употребляется применительно к ситуациям, в которых одни группы людей (племенная, этническая, лингвистическая или какая-либо другая) находится в сознательном противостоянии к другой группе (или другим группам), поскольку все эти группы преследуют несовместимые цели»... Важно подчеркнуть, что понятию «власть» при этом отводится центральное место. В отечественных исследованиях международного конфликта, его роли и места в системе международных отношений, на протяжении нескольких последних десятилетий неизменно подчеркивается его политический характер. Более того, любой международный конфликт определялся как «политическое отношение двух или нескольких сторон, воспроизводящие в острой форме лежащие в основе этого отношения противоречия его участников».

... в значительной части отечественной литературы вплоть до конца 80-х гг. было не принято специально различать международные конфликты от межгосударственных по формам их протекания и даже конкретному составу участников. ...Н.И. Доронина предлагала понимать международный конфликт «как одну из форм проявления тех или иных противоречий во взаимоотношениях участников системы международных отношений на стадии значительного обострения этих противоречий, когда назрела необходимость их разрешения и когда, осознавая эту необходимость, стороны предпринимают взаимные открытые действия друг против друга, обращаясь к использованию всех доступных и могущих быть примененными в данной международной обстановке средств». ...В. В. Журкин в монографии, посвященной политическим отношениям на мировой арене, писал: «Международный конфликт - это прямое непосредственное политическое столкновение между государствами».

Резкие социальные изменения в России и на мировой арене, разрешение одних и возникновение множества других политических конфликтов, сопровождающих распад прежней системы международных отношений, недвусмысленно показали, что различие политической основы и специфически-политического значения международного и межгосударственного конфликта не является чисто академической, оторванной от жизни игрой ума досужих теоретиков. Стремление выявить политическое содержание конфликта в современной системе международных отношений порождает все новые и новые попытки теоретического осмысления меняющейся реальности.

... сам объективный ход конфликтов подтверждает оценки тех исследователей, которые считают мировую политику сферой взаимодействия не одних только государств, но любых социальных групп, имеющих политически значимые интересы. Корректировка и даже отказ от «государственно-центрической», характерной для «политического реализма» исходной методологической установки, конечно же, не означает ни отказа от изучения межгосударственных конфликтов и их политического содержания, ни умаления их значения.

... к числу международно-политических конфликтов целесообразно отнести не только те, которые являются результатом собственно политической деятельности государств и их объединений, но и конфликты, обусловленные действиями и других участников международных отношений, политическими аспектами любых (экономических, информационных, конфессиональных, культурных, научных и т. д.) международных отношений.

Такое понимание международно-политического конфликта позволяет получить, зафиксировать и использовать как методологические ориентиры несколько выводов, существенно важных для изучения как внутренних, так и международных политических конфликтов, а также самих политических отношений.

Во-первых, понятие «международно-политический конфликт» может быть применено не только к конфликту между государствами, но и к конфликту между любыми социальными общностями, взаимодействующими в системе властных отношений на мировой арене.

Во-вторых, сколько-нибудь полное изучение международно-политического конфликта не может быть ограничено выявлением его собственного, внутреннего политического содержания и функций, предпосылок возникновения и разрешения, но должно включать в себя определение его места и значения во внутренней и мировой политике, их влияния на генезис, суть и ход конфликта.

В-третьих, открывается принципиальная возможность соизмерения, «приведения к общему знаменателю» результатов, полученных благодаря применению каждого из сосуществующих и конкурирующих подходов, данных многочисленных национальных и международных исследовательских центров и школ, использующих различную методологию изучения внутривнутриполитического и международного политического конфликтов.

В-четвертых, отчетливо указывается этот «знаменатель», что дает ориентиры не только для теоретического изучения, но и для практического определения политического значения любого конфликта. Они состоят в ответе на «простые» вопросы: кому выгоден данный конфликт? чье господствующее (или подчиненное) положение он укрепляет, сохраняет или подрывает?

...Мировая политическая практика убедительно показала, что и в современном мире конфликтность обнаруживается как имманентная характеристика международных отношений, не связанная лишь «с борьбой сил мира и прогресса против империализма, колониализма и реакции» или с «противоборством двух мировых систем», «двух сверхдержав» и т. д. и т. п. Международные конфликты 90-х гг. в Восточной Европе, на Балканах, в Центральной Азии, Персидском заливе, на Африканском роге, Кавказе, в

других районах земного шара формально во многом оставаясь «войнами между развивающимися государствами», по сути явились столкновением интересов различных политических элит, этнических, конфессиональных и других социальных групп, стремящихся активно делать политику на международной арене, точками приложения сил и ресурсов тех, кто сознательно строит будущий мировой порядок, отвечающий их собственным интересам.

...Болезненный процесс освобождения отечественной политической науки от идеологической предвзятости позволяет утверждать, что российские политологи воспринимают отсутствие общепризнанной и официально утвержденной нормативной модели политического конфликта острее многих своих коллег из других менее конфликтных стран. По-видимому, это связано не только с укоренившейся привычкой опираться на теорию, которая провозглашалась «единственно правильной и подлинно научной», но также четко обозначать и различать «своих» и «чужих». Не меньшее значение здесь имеет все полнее осознаваемая современной отечественной политической наукой потребность выработки если не системы теоретических представлений, то хотя бы ориентиров, удовлетворяющих нужды повседневной практики и способных задать направление эмпирическим исследованиям конфликта, помогающим разработать технологию, алгоритм изучения (а еще лучше - разрешения) такой «типовой» международно-политической ситуации, как конфликт.

Инструментальное, прикладное значение этого хорошо видно на приме-ре международного политического конфликта. В отличие от многих других утверждений, констатация того, что международные конфликты, особенно вооруженные, несут участвующим в них странам, людям и государствам неисчислимы беды, часто угрожают самому их существованию, уничтожают материальные и духовные ценности, созданные трудом поколений, не вызывает возражений. Вместе с тем неумение или нежелание увидеть связь этих конфликтов с внутренней и мировой

политикой, выявить их роль в перераспределении или сохранении власти, неотделимость от всей системы властных отношений иногда приводит к «простым» и «логичным» рекомендациям для политической практики.

Суть их сводится к тому, что, осознав злобредность международных конфликтов, надо решительно устранить их из политики на мировой арене, закрепив это решение в резолюции какой-либо авторитетной организации, например. Организации Объединенных Наций. Такую идею высказывали, в частности, те юристы-международники, по мнению которых крах биполярного мира является предпосылкой всеобщего перехода от противоборства к сотрудничеству и «должен сопровождаться уяснением того, что вслед за запрещением силы и угрозы силой необходимо добиваться запрета на использование международного конфликта в качестве инструмента внешней политики и создания на международной арене таких условий, при которых пресекались бы не только акты агрессии, но и действия по эскалации международных споров, попытки уйти от урегулирования международно-правовыми методами и превратить их в международные конфликты».

... почему несмотря на десятки тысяч мирных договоров, соглашений, торжественных деклараций и единогласно принятых резолюций международный конфликт неизменно возникал и возникает во все времена, во всех странах и у всех народов?

Мы пытаемся дать ответ на этот вопрос, рассматривая мировую политику как специфическую часть политических отношений, а международно-политический конфликт как особый вид конфликтов, имманентно, т. е. внутренне, органически присущий этим отношениям. Именно с этих позиций, как мы увидим в дальнейшем, политология конфликта подходит к анализу функций политического конфликта, его инструментального значения для внутренней и внешней политики, выбору и проведению стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Задача выявления взаимовлияния и соотношения между социально-политическими сдвигами, происходящими в России в условиях перехода от тоталитаризма, и конфликтами между населяющими ее народами, а также между ними и народами других стран особенно остро встала перед отечественной политологией на рубеже 80 - 90-х гг. Жизнь недвусмысленно показала, что именно с такими конфликтами связаны как безопасность и целостность, так и само существование России, других постсоветских и постсоциалистических республик.

...Отечественная политология обратилась к выявлению особенностей международно-политических конфликтов при различном общественно-политическом устройстве лишь относительно недавно. При этом делается акцент на том, что плюрализм и демократия обеспечивают высокую степень открытости общества, его динамику, состязательность отдельных социальных общностей, групп и личностей. Почти полное отсутствие отечественного опыта, подтверждающего всеобщую значимость и полезность принятия демократических ценностей, обратило наших политологов к освоению опыта зарубежного. Как и во многих других случаях, здесь «перегнули палку». Можно понять и даже, может быть, простить то, что в этом зарубежном опыте увидели прежде всего одну сторону - легко согласились с тем, что, как пишут наши зарубежные коллеги, «лидеры демократического общества имеют много политических стимулов не вступать в конфликт. Демократическая общественность чаще воспринимает нападение на другое демократическое государство как внешнеполитическую неудачу, результат ошибок руководства. Лидеры демократических государств, учитывая это, менее склонны использовать военную силу во взаимоотношениях своих государств. Они с меньшей вероятностью прибегают к международным конфликтам для отвлечения внимания от внутренних проблем, например, таких, как падение своей популярности или экономический кризис».

Правильный «в принципе», этот тезис далеко не всегда находит свое подтверждение даже в политике самых демократических стран. Тем более необходимо указать и на другую сторону демократизма, плюрализма и состязательности, утверждающихся в нашем обществе. Сферой состязательности, включающей наряду с сотрудничеством соперничество и столкновение интересов, являются как внутриобщественные, в частности внутриполитические, так и международные отношения на мировой арене. Вследствие этого плюралистическая организация любой сферы общественной жизни не является неким «бесконфликтным» антиподом тоталитарной или авторитарной, каждой конкретной монополично-централистской системы. Но ее конфликтный потенциал имеет принципиально иное содержание. Его основу определяют хорошо известные обстоятельства: государство, любые конкретные формы коллективности, сколь бы эффективной и демократичной ни была их деятельность, и сегодня, и в обозримом будущем не смогут удовлетворять все интересы всех людей. ...Политическая стабильность общественных отношений при этом основывается не на подавлении конфликта, а на таком его разрешении, которое могло бы обеспечить удовлетворение интересов участвующих в нем сторон. Ясно, что такой результат труднодостижим даже в теории, на практике же значительная часть конфликтного потенциала или растрачивается в многообразных локальных столкновениях и взаимопоглощается, или экспортируется во внешнюю для данной социальной группы сферу, способствуя ее внутренней сплоченности. При этом утверждение политического плюрализма, демократизация, включая демократизацию принятия внешнеполитических решений, приобретение государством правового характера расширяют возможности выражения интересов различных групп общества, представления их на мировой арене. Более того, по нормам гражданского общества, проявление разнообразных и нередко противоположных общественных интересов на мировой арене становится все более непосредственным и отчетливым... Крушение старого

общественного порядка всегда сопровождается поляризацией общества, открытым ожесточенным идейным и политическим соперничеством. Борьба идет не только за право выражать специфические интересы отдельных социальных групп на мировой арене, включая криминальные, мафиозные и другие «теневые структуры», но и за возможно более полную реализацию этих интересов, часто в ущерб обществу в целом. При этом, даже внешне далекие от собственно политических, интересы таких больших социальных групп, как, например, работники военно-промышленного или аграрно-промышленного комплексов, верующие или автолюбители, приобретают отчетливо выраженный политический характер и политическое оформление. Глубокий кризис всей системы хозяйства, спад производства, неизбежное в условиях резких социально-политических изменений снижение эффективности властных, управленческих структур порождают растущее общественное недовольство, приобретает взрывоопасный характер. Напряженность в обществе, переживающем отказ от старых форм его представительства на мировой арене и незавершившийся процесс становления новых, вызывает острые, нередко вооруженные международные конфликты, представляющие значительную реальную угрозу международной безопасности. К тому же новые власти не отказываются от старых, проверенных средств: в целях укрепления политической стабильности и своего влияния в обществе они стремятся направить эту напряженность в сферу международных, межэтнических, национально-территориальных проблем.

К чему приводит обострение национально-территориальных проблем, этнических и национальных конфликтов в условиях современной смены общественно-политических систем, хорошо видно на примерах не только Югославии, Чехословакии или нашей страны, но и большинства стран Восточной Европы или постсоветских государств Центральной Азии. ... в этнически довольно однородной Белоруссии, сохранявшей в первой половине 90-х гг. высокую степень внутривнутриполитической стабильности и

добрососедские отношения с окружающими ее государствами, лидеры Белорусского народного фронта - оппозиционной политической организации - утверждали, что современная «Беларусь потеряла треть своих исконных территорий с автохтонным бело-русским населением, в том числе свою столицу Вильно, города Белосток, Смоленск, Брянск, Невель, Себеж, Новозыбков, Дорогобуж, огромные земли на востоке вплоть до Вязьмы. Вопрос о возвращении восточных белорусских земель будет вновь поставлен».

... Недостаточное внимание к этой проблеме, стремление найти ее простое решение, отвечающее конъюнктурным политическим потребностям сегодняшнего дня, чревато не только чисто научными, но и практическими издержками.

Однако это умение видеть взаимосвязь различных сфер политики и присущих им конфликтов еще далеко не гарантируют рационального, оптимального, успешного, вообще «правильного» поведения в ситуации политического конфликта. Оно в значительной (что бы не сказать: «в решающей») мере определяется силой и слабостью участников конфликта, их стремлением и способностью применять насилие.

Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов:

Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В.

Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002. - 312 с.

Функции социального конфликта

Конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства в том случае, если последнему угрожают вражда или антагонизм членов группы. Вместе с тем далеко не все разновидности конфликта благоприятны для внутригрупповой структуры, равно как не во всякой группе могут найти применение объединяющие функции конфликта. Та или иная роль конфликта во внутригрупповой адаптации зависит от характера вопросов, составляющих предмет спора, а также от типа социальной структуры, в рамках которой протекает конфликт. Однако виды конфликтов и типы социальных структур сами по себе не являются независимыми переменными.

Внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер. В тенденции такие конфликты содействуют изменению внутригрупповых норм и отношений в соответствии с насущными потребностями отдельных индивидов или подгрупп. Если же противоборствующие стороны не разделяют более тех ценностей, на которых базировалась законность данной системы, то внутренний конфликт несет в себе опасность распада социальной структуры.

Тем не менее сама социальная структура содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней допустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом, ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, в условиях которой развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, позиций престижа или отношений власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций.

Группы, отличающиеся тесными внутренними связями, значительной частотой интеракций и высоким уровнем личностной отвлеченности, имеют тенденцию к подавлению конфликтов. Частые контакты между членами таких групп придают большую насыщенность эмоциям любви и ненависти, что в свою очередь провоцирует рост враждебных настроений. Однако реализация враждебности осознается как угроза сложившимся близким отношениям; это обстоятельство впечат за собой подавление негативных эмоций и запрет на их открытое проявление. В группах, где индивиды находятся в тесных отношениях друг с другом, происходит постепенная аккумуляция, а следовательно, и усиление внутренних антагонизмов. Если в группе, которая ориентирована на предотвращение откровенных демонстраций ненависти, все же вспыхивает социальный конфликт, он будет особенно острым по двум причинам. Во-первых, потому, что этот конфликт явится не только средством разрешения проблемы, послужившей для него непосредственным поводом, но и своеобразной попыткой компенсации за все накопившиеся обиды, которые до сих пор не получали выхода. Во-вторых, потому, что всеохватывающая личностная вовлеченность индивидов в дела группы приведет к мобилизации всех эмоциональных ресурсов, которыми они располагают. Следовательно, чем сплоченнее группа, тем интенсивнее ее внутренние конфликты. Полнота личностной вовлеченности в условиях подавления настроений враждебности угрожает в случае конфликта самим истокам внутригрупповых отношений.

В группах с частичным индивидуальным участием вероятность разрушительного действия конфликта уменьшается. Для групп такого рода типичной будет множественность конфликтных ситуаций. Эта особенность сама по себе служит препятствием для нарушения внутригруппового единства. Энергия индивидов оказывается распыленной в самых разных направлениях, что мешает ее концентрации на уровне какой-либо одной взрывоопасной ситуации, чреватой расколом всей системы...

До сих пор мы обсуждали только внутренние социальные конфликты. Теперь нам придется коснуться конфликта внешнего, поскольку конфликтные отношения с другими группами или намерение вступить в такие отношения существенно влияют на внутригрупповую структуру. Группы, которые поглощены непрерывной внешней борьбой, обычно претендуют на абсолютную личностную вовлеченность своих членов, с тем чтобы внутренний конфликт привел в действие весь их энергетический и эмоциональный потенциал. Поэтому такие группы отличаются нетерпимостью к более чем однократному нарушению внутреннего единства. Здесь существует ярко выраженная тенденция к подавлению внутренних конфликтов. Если же такой конфликт все-таки возникает, он ведет к ослаблению группы путем раскола или насильственного удаления инакомыслящих.

Группы, не втянутые в постоянный внешний конфликт, реже требуют от своих членов всей полноты их личностного участия. Как правило, такие группы отличаются гибкостью структуры и внутренним равновесием - в значительной мере благодаря множественности конфликтных ситуаций. В условиях структурной гибкости неоднородные внутренние конфликты постоянно накладываются друг на друга, предотвращая тем самым глобальный раскол группы в каком-либо одном направлении. ...Таким образом, в свободно структурированных группах и открытых обществах конфликт, который нацелен на снижение антагонистического напряжения, выполняет функции стабилизации и интеграции внутригрупповых

отношений. Предоставляя обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоборствующих требований, такие социальные системы могут изменить свою структуру и элиминировать источник недовольства. Свойственный им плюрализм конфликтных ситуаций позволяет искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство. Благодаря терпимости в отношении социальных конфликтов и попытке их институализации такие системы получают, в свое распоряжение важный механизм социальной стабилизации. Кроме того, конфликт внутри группы часто содействует появлению новых социальных норм или обновлению существующих. С этой точки зрения социальный конфликт есть способ адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам. Общества с гибкой структурой извлекают из конфликтных ситуаций определенную пользу, поскольку конфликты, способствуя возникновению и изменению социальных норм, обеспечивают существование этих обществ в новых условиях. Подобный корректирующий механизм вряд ли возможен в жестких системах: подавляя конфликт, они блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы. Внутренний конфликт может также служить средством для определения взаимного соотношения сил защитников антагонистических интересов, превращаясь в механизм поддержания или изменения внутреннего баланса сил. Конфликтная ситуация равноценна нарушению прежнего соглашения сторон. В ходе конфликта выявляется реальный потенциал каждого из противников, после чего становится возможным новое равновесие между ними и возобновление прежних отношений на этой основе. Социальная структура, в которой есть место для конфликта, может легко избежать состояний внутренней неустойчивости или модифицировать эти состояния, изменив существующее соотношение позиций власти.

Конфликты с одними членами группы ведут к коалициям или союзам с другими. Посредством этих коалиций между некоторыми членами группы

конфликт способствует снижению уровня социальной изоляции или объединению таких индивидов и групп, которые в противном случае, не связывали бы никакие иные отношения, кроме обоюдной ненависти. Социальная структура, которая запускает плюрализм конфликтных ситуаций, обладает механизмом соединения сторон, до тех пор изолированных, апатичных либо страдающих взаимной антипатией, для вовлечения их в сферу социальной активности. Подобная структура содействует также возникновению множества союзов и коалиций, преследующих множество перекрещивающихся целей, что, как мы помним, предотвращает объединение сил по какой-либо одной линии раскола. Поскольку союз и коалиция оформились в ходе конфликта с другими группами, этот конфликт в дальнейшем может служить в качестве разграничительной линии между коалициями и их социальным окружением. Тем самым социальный конфликт вносит вклад в структурирование более широкого социального окружения, определяя положение разных подгрупп внутри системы в распределяя позиции власти между ними. Не все социальные системы с частичным индивидуальным участием допускают свободное выражение противоборствующих, притязаний.

Социальные системы отличаются друг от друга уровнем толерантности и институализации конфликтов; не существует таких обществ, где любое антагонистическое требование могло бы проявиться беспрепятственно и незамедлительно. Общества располагают способами канализации социального недовольства и негативных эмоций, сохраняя при этом целостность тех отношений, в рамках которых развился антагонизм. Для этого нередко используются социальные институты, выполняющие функции «предохранительных клапанов». Они предоставляют замещающие объекты для «переадресовки» настроений ненависти и средства для «освобождения» агрессивных тенденций. Подобные «отдушины» могут служить как для сохранения социальной структуры, так и для поддержания индивидуальной системы безопасности. Однако и в том и в другом случае им будет

свойственна функциональная незавершенность. Препятствуя изменению отношений в изменившихся обстоятельствах, эти институты могут дать лишь частичный или мгновенный регулирующий эффект. Согласно некоторым гипотезам, потребность в институализированных социальных «клапанах» увеличивается вместе с ростом ригидности социальных систем, т. е. вслед за распространением запретов на непосредственное выражение антагонистических требований. Институализированные предохранительные системы меняют направление конфликта и исходную цель его субъектов. Последние не стремятся более к достижению специфического результата, т. е. к разрешению конфликтной ситуации, которая их не удовлетворяла, предпочитая снизить социальное напряжение, порожденное этой ситуацией.

Политическая конфликтология: Работы российских и зарубежных авторов:
Хрестоматия / Под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В.
Устинкина. - М.; Н.Новгород, 2002. - 312 с.

Международная защита прав человека

Вольфганг Ройтер

Глава Московского представительства ЮНЕСКО в Российской Федерации

19 апреля 2000 года

Роль ЮНЕСКО в защите прав человека. Культура мира - Программа ЮНЕСКО

Лекция (19.04.2000, Москва)

...В ЮНЕСКО в 70-90-е годы XX века существовали различные линии, более или менее связанные с вопросами прав человека и мира или воспитания духа мира. ЮНЕСКО, как вы знаете, - это организация образования, культуры науки и коммуникаций. Поэтому она рассматривает права человека с точки зрения обучения или воспитания в духе прав человека, а также с позиции распространения документации по правам человека. Это, во-первых. Во-вторых, ее интересует развитие новых прав человека, концептуализация. Третье - это собственно защита прав человека. Четвертое - создание сети по правам человека. Пятое - это публикации ЮНЕСКО.

В 1972 году была принята международная рекомендация, которая в сокращенном виде называется «Рекомендация по международному образованию и воспитанию». Но на самом деле у этого документа очень длинное название - «Рекомендация по воспитанию духа мира, прав человека, основных свобод...» и так далее. В этой рекомендации ЮНЕСКО старалась определить основополагающие принципы школьного образования в области взаимопонимания и прав человека и воспитания в духе мира.

В 1978 году возникла автономная программа, которая не имела никакого отношения к этой рекомендации. Она развивалась на базе

Конгресса по обучению правам человека. Эта вторая линия была направлена на то, чтобы развивать программы обучения в области прав человека в вузах, чтобы этот аспект стал неотъемлемой составной частью обучения не только будущих юристов, а всех студентов, обучающихся по любым программам.

Эта линия была продолжена на другом конгрессе, который состоялся на Мальте и назывался «Teaching human rights and documentation» («Обучение правам человека и документация»). В ходе этого конгресса и осуществления этой программы стало ясно, что документация - одна из главнейших проблем, касающихся прав человека. В этой сфере не было систематизированных публикаций, систематизированного материала. Поэтому и было разработано пособие ЮНЕСКО «Как создавать информационные центры по правам человека».

Потом возникло большое стремление соединить, с одной стороны, воспитание в духе мира, а, с другой стороны, взаимопонимание и уважение прав человека. Это было связано с тем, что стало ясно, что, с одной стороны, мир без прав человека невозможен, а, с другой стороны, обеспечить права человека без мира тоже невозможно. Очень трудно обо всем этом рассказать за короткое время, потому что дискуссия была многолетней. Суть ее в том, что в те годы возникли теории позитивного мира, утверждавшие, что мир - это не только отсутствие войны, но и позитивное, созидательное начало. Для мира нужно что-то делать, а не только препятствовать войне и применению силы. Для мира нужны некие специальные предпосылки в обществе, определенные структуры, определенные настрой общества, ценности и образование.

Соединение этих двух направлений произошло в 1994 году, когда соответствующая Декларация была принята всеми министрами образования государств-членов ЮНЕСКО. И здесь проявляется иной подход. Это уже называется воспитанием в духе мира, прав человека и демократии. Впервые прибавляется к этим двум понятиям демократия. Концепция, заложенная в этой Декларации, осуществляется до сих пор. Нет прав человека без

демократии, невозможна демократия без прав человека. Эту концепцию можно назвать краеугольным камнем. Вы можете найти этот подход во всех других документах ЮНЕСКО.

Когда я говорю о программе ЮНЕСКО, конечно, надо понимать, что эта программа - официальное решение всех государств-членов, представители которых участвуют на определенной конференции ЮНЕСКО. Поэтому решения государств-участников и согласование определенных норм, признаваемых всеми. Это очень важно. Если было бы что-то иное, то оно так и осталось бы теоретической концепцией. Когда же документ принимается на уровне международной организации, он приобретает политическую силу. Это важно помнить.

Еще один важный момент - это то, что эта концепция применяется не только к государственным отношениям. В годы «холодной войны» всегда имелись в виду отношения между государствами, то есть собственно международные отношения. В 1994 году о собственно международных отношениях в этом контексте уже не говорится. Зато активно начали говорить об индивидуальном уровне. Мир, права человека, и демократия применяются, если хотите, к отношениям между индивидом, между группами и между государствами. Это, конечно, принципиально новый подход. Я вижу в нем отражение того, как концепция прав человека повлияла на все другие составные части, и как ценность стоит в центре и группирует вокруг себя все другие компоненты, которые должны соответствовать друг другу. Это я рассказал вам немного о различных концепциях и их признании государствами-членами ЮНЕСКО.

В 1989 году состоялся Конгресс ЮНЕСКО «Мир в умах людей». Его название является цитатой к преамбуле Устава ЮНЕСКО: «Поскольку войны возникают в умах людей, надо бороться с войнами и умами людей». Это, конечно же, очень интеллектуальный подход. И такую постановку вопроса тоже надо знать и исходить из того, что до этого были небольшие споры между социалистическими странами и западным миром. Суть этих споров в

том, что ЮНЕСКО слишком политизирована Востоком, что всегда на повестку дня выносятся вопросы войны и мира, хотя на самом деле ЮНЕСКО не должна этим заниматься. Это заявил Запад, потому что ЮНЕСКО - не дипломатическая организация, как ООН. В то же время в Уставе ЮНЕСКО (статья 1) говорится, что «ЮНЕСКО должна содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод». Здесь, кажется, спор не по сути, а в подходе, потому что ясно, что речь идет о безопасности, а не только о мире. На Конгрессе 1989 года присутствовали более 300 видных деятелей со всего мира. В процессе их общения возник термин «culture of peace» («культура мира»). В русском языке добавляем слово «сила», чтобы было понятно, о чем идет речь, исходя из того, что с войнами надо бороться в умах людей.

Потом эта идея развивалась концептуально, а также через проекты и программы ЮНЕСКО. Ее суть была в том, что история человечества - это, скорее всего, история насилия и войн. Ведь всегда главным образом мы стремились решить противоречия или конфликты именно путем насилия. В русском языке слово «конфликт» - очень сильное слово, его коннотация сильнее, чем в других языках. Основной конфликт - это конфликт интересов. Признать конфликт интересов необходимо. Он возникает ежедневно на всех уровнях между людьми, в семье, на работе, в школе, в университете. Между группами людей, в районе города или там, где, скажем, живут представители иных культур, с разной религией. Конечно, конфликт возникает и между государствами. Так вот, идея в том, что нужно признавать, что конфликты всегда были и будут, но надо стремиться к тому, чтобы эти конфликты интересов решались не насильственным, а мирным путем. Для этого, в принципе, есть способы и возможности. Это как раз то, что изучает конфликтология. Кстати, это не только наука, но еще и практика. Об этом сегодня знают только некоторые специалисты. Мы же должны

сделать так, чтобы все люди имели навыки, позволяющие разрешать конфликты, чтобы конфликтология стала общим знанием и умением каждого человека и всех структур общества.

В пункте 9 Декларации написано, что воспитание должно развивать умение ненасильственного урегулирования конфликтов. Таким образом, необходимо содействовать развитию внутреннего спокойствия в умах учащихся, чтобы они могли вырабатывать в себе на более прочной основе такие качества, как сострадание, отзывчивость и сопереживание. Так, в одном из пятнадцати пунктов заключается суть концепции.

...Права человека, как понятие, возникли 200 лет назад. И только в последние десятилетия они стали всеобщей признанной ценностью. Значит, мы должны думать на долгие годы вперед. С другой стороны, мы должны понимать, что именно в этом аспекте признания реальности конфликтов интересов - это не что-то плохое, а нечто естественное, и к этому надо именно так подходить, - заключается сущность этой концепции. Как это делать? Мы ведь находимся в самом начале процесса. Именно поэтому все это выглядит немного идеалистически. Тем не менее, насколько я знаю, в Татарстане уже ввели в школе обязательный курс «Конфликтологии». У них это стало насущной потребностью, ведь, как вы знаете, в начале 1990-х годов в Татарстане намечались сильные конфликты, в том числе и на межэтническом уровне. И руководство Татарстана поняло, что это может помочь, если все молодые люди будут с самого начала понимать, как разрешать конфликты, и владеть такими навыками. Мы, как представители ЮНЕСКО в России, старались установить сотрудничество региональных властей с нашей организацией. И это тоже можно прочесть на нашей Интернет-страничке. Были выработаны какие-то примеры, были созданы курсы по повышению квалификации по этой теме, пилотные центры «культуры мира».

Также был создан Институт культуры мира, который уже подготовил первый курс. Его выпускники смогут работать, как конфликтологи, либо в

горячих точках, либо в повседневной жизни, где требуются знания и навыки. Нам кажется, что именно такие специалисты могут работать в школах, на предприятиях, в администрациях. Они очень востребованы везде, и в России, очевидно, тоже.

...Права, связанные с деятельностью ЮНЕСКО, - это право на образование, право участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами. Далее - право участвовать в культурной жизни, право на информацию, включая право на свободу убеждений и свободного выражения, право на свободу мысли, совести и религии, право свободно искать, получать и распространять информацию любыми средствами, независимо от государственных границ. Это интересно для сегодняшнего времени, если знать, что здесь происходило в последние месяцы. Право на защиту моральных и материальных ценностей, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, право на создание ассоциаций.

Это очень широкий круг прав. Но есть одно ограничение: ЮНЕСКО вправе заниматься нарушением прав человека, которые связаны именно с интеллектуальной деятельностью. Преподаватели, студенты, исследователи, художники, артисты, писатели и журналисты - все интеллектуалы, которые этим профессионально занимаются - вправе обращаться в ЮНЕСКО. Сначала рассматривается приемлемость жалобы, потом решаются вопросы по существу, когда большинство присутствующих на заседании Комитета Исполнительного Совета ЮНЕСКО считают, что имело место нарушение прав человека. Это мнение выражается в решении. Потом обычно следует процесс переговоров с государствами. И на следующей сессии снова рассматривается дело. Но надо сказать, что подавляющее число государств-членов не очень любят находиться на скамье подсудимых и, скорее всего, хотят избавиться от этой проблемы. Интересно, что рассматриваются не только индивидуальные случаи нарушений прав, но и массовые. Я сам был свидетелем того, как в середине 1980-х годов очень многие эмигранты из

Чили, жившие в Западной Европе, начиная с 1973 года, хотели возвращаться на родину. В Чили была диктатура, и поэтому их не хотели отпускать. Большинство эмигрантов сообщили об этом в ЮНЕСКО. Затем их отпустили в свою страну. Это очень любопытный и интересный факт, и это не сравнимо ни с какой другой процедурой.

Последнее, о чем я хотел бы сказать, - это развитие прав человека. Есть один наглядный пример - это Всеобщая Декларация о геноме и правах человека. Вы знаете, что сегодня генетические технологии очень много позволяют. Но необходимо понимать, что надо делать, и чего делать не надо. Это сложный вопрос. Я принимал участие в обсуждении этого вопроса. И я понял, что здесь, скорее всего, вопрос в деталях. Поэтому все это очень сложно для восприятия общественности. Комиссия ЮНЕСКО работала над этой проблемой в течение 5 лет. Было разработано 11 проектов перед тем, как была принята Декларация. Это первый универсальный документ в мире, в котором изложены такие принципы. И хотя это Декларация, не имеющая обязательной силы, можно исходить из того, что, поскольку во многих государствах нет пока законодательства по этому вопросу, то все законодательства в мире будет ориентироваться более или менее на этот документ.

Если мы говорим о правах человека, то очень важно, конечно, принимать во внимание такие новые явления, требующие новых подходов...

http://www.terralegis.org/terra/lek/lek_20.html

Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе (традиции и современность)

Кавказский перешеек уже в древности оказался на перепутье военно-политических, торговых и культурных связей, в определенные периоды имевших всемирно-историческое значение. Этот фактор обусловил раннее появление здесь политических объединений, а затем и вполне сложившихся государств, ведущих борьбу между собой за первенство и обладание торговыми путями. Параллельно с развитой государственностью, существовавшей в низинных областях Кавказа (преимущественно Южного), в его горной части до XIX века сохранялись сообщества с сильными пережитками военной демократии. Междоусобные столкновения на Кавказе — и в низинной части, и в горах — были частым явлением. Еще более масштабный характер носили войны с иноземными завоевателями, проникавшими на Кавказ как с юга, со стороны Иранского нагорья, Месопотамии и Малой Азии, так и с севера, из евразийских степей и Восточной Европы. Затяжные и кровопролитные войны с внешними врагами занимают большое место в истории каждого кавказского народа, что сыграло значимую роль в формировании их менталитета. Не случайно, что оружие на Кавказе стало атрибутом национального костюма и даже крестьяне, отправляющиеся на работу в поле, не расставались с ним. Во многих частях Кавказа до второй половины XIX века трудно было найти вне дома безоружного мужчину. Английский путешественник Джеймс Белл, в 30-х годах XIX века посетивший Черкесию, передает слова удивленного черкесского мальчика, увидевшего невооруженного европейца на коне: «Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья».

Жизнь в такой обстановке вынуждала местное население привыкать к условиям военизированного быта. Выбатывать не только способы войны

и боя, но и военную культуру в целом, включая такие ее элементы, как военная этика, рыцарская мораль, принципы взаимоотношений с противником и т.д.

В предлагаемом исследовании, основанном на материалах истории народов Грузии и Северного Кавказа, рассматриваются традиционные нормы поведения участников вооруженных конфликтов на Кавказе, проводятся некоторые параллели с настоящим временем.

Исторические источники, дающие возможность проследить традиционную культуру поведения противоборствующих сторон на Кавказе, делятся на письменные и устные. В первую группу входят летописи и хроники, исторические повести, юридические акты, литературные, документальные и эпистолярные памятники, во вторую — материалы устного народного творчества: эпические сказания, исторические и героические песни, предания, а также неписанные аспекты социально-бытовой жизни.

Из этого массива источников видно, что эмоциональное отношение жителей Кавказа к междоусобным столкновениям в пределах «своего» (кавказского) культурно-исторического мира и борьбе с иноземными захватчиками не было идентичным. Так, если в письменных, а также устных (фольклорных) источниках борьба с завоевателями представлена всегда как абсолютно легитимное и необходимое действие, то отношение к взаимным набегам, организаторами которых выступали представители социальной верхушки, нередко весьма негативное. Например, в XVI—XVIII веках страны Закавказья подвергались систематическим нападениям дагестанских отрядов, от которых особенно страдали прилегающие к Дагестану области Грузии и Азербайджана, хотя набеги порой достигали также Армении (Карсской и Ереванской областей), Западной Грузии и Южного Азербайджана. Во время этих набегов захватывалось имущество, скот, уводились пленные, разоренными оказывались целые области. Памятники дагестанского фольклора свидетельствуют, что народ

Дагестана, в целом, не одобрял таких действий. Не случайно в Дагестане широкое распространение получили притчи, пословицы и поговорки, резко осуждающие грабительские набеги: «Не известно вернется ли ушедший в набег на Грузию», «Добыча от набега и уносится набегом» и т.д. Та же мысль проводится и в ряде исторических песен и баллад, таких как «Мусалав», «Ушли отряды в Цор», в которых оплакиваются джигиты, погибшие в бессмысленных военных экспедициях.

В отличие от этой тенденции, дагестанская народная поэзия прославляет героев борьбы против иноземных завоевателей в многочисленных героико-исторических песнях: «Парту Патима», «Каменный мальчик», «Сражение с Надир-шахом», «Песня о герое Мартазали», «Шабан из Джара», «Салтинский мост» и другие. Даже в случае смерти героя, эти песни обычно заканчиваются в приподнятом духе, как например, лезгинская песня о мальчике, не покорившемся грозному Тамерлану:

Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты в бою погибнув, стань скалою!
(Перевод С. Липкина)

Частые войны и межплеменные столкновения феодального периода, естественно, вылепляли «образ врага» из представителей враждебного сообщества. Но в отличие от современных идеологов войн и конфликтов, которые в противостоящей стороне видят только низменные черты (вероломство, трусость, жестокость, алчность и т.д.), в прошлом в противнике выделяли и черты, достойные похвалы. Как отмечалось выше, феодальная Грузия 200—300 лет назад терпела сильное разорение от вторжений дагестанских отрядов. В грузинском фольклоре много

произведений, повествующих о борьбе с набегами из Дагестана. В них дагестанцы характеризуются как смелые люди, сильные и опасные противники. В одной из песен говорится:

Ружьями и джарцы владеют,
И роговыми пороховницами,
Умеют по скалам ходить,
И пользоваться кинжалами.

Столь же уважительно отзывается другая грузинская (хевсурская) песня о боевых качествах горных чеченцев — кистин.

Юногам, (в набег) на Майсты отправляющимся,
В больших чашах пиво подносите.
Велика гора Майсты,
Худой молодец туда не пойдет,
Не бабы там, (а мужчины) шапки носящие,
На дорогу выходят кистинские сыны,
Метко из ружьев стреляют.

Значимым моментом грузино-абхазских отношений XVIII века является битва у крепости Рухи (близ г. Зугдиди) в 1780 году, когда феодальное ополчение Западной Грузии во главе с имеретинским царем Соломоном I нанесло поражение абхазам и их союзникам с Северного Кавказа (адыги, карачаевцы и др.). Как видим, состав противоборствующих сторон в Рухской битве был довольно схож с этнической структурой вооруженных формирований времен недавней грузино-абхазской войны (1992—1993 гг.), но социально-экономические и политические причины этих двух военных противостояний были совершенно разные, как и весь общий фон двух исторических эпох. Поэтому образ «врага-абхаза» в Рухской битве в представлении грузин XVIII — начала XX веков значительно отличается от стереотипов нашего поствоенного времени.

Современник Рухской битвы, известный грузинский поэт Бесики (1750—1791), посвятивший этому сражению специальную поэму и

являющийся сторонником Соломона I, в то же время именует предводителей абхазского войска — владетельных князей из рода Шервашидзе (Чачба) — «победоносными», а одного из них, Бекирбея, еще «добрым молодцем» и «доблестным».

Память о Рухской битве, в которой участвовали представители многих аристократических фамилий Западной Грузии, долго сохранялась среди их потомков. Выходец из этих кругов, видный грузинский писатель Н. Лордкипанидзе (1880—1944) в 1924 году написал рассказ «Рыцари», посвященный указанному событию, материалы о котором в значительной степени почерпнуты из преданий, передававшихся из поколения в поколение.

Рухская битва, как типично феодальное сражение, протекала в форме одиночных схваток единоборствующих групп, причем каждый воин выбирал достойную себя цель. По рассказу Лордкипанидзе, враждующие с уважением и почтительностью относились друг к другу и, вступая в кровавую схватку, не желали противнику смерти. Так, имеретинский военачальник Агиашвили, тяжело ранивший абхазского князя Астамура Иналипа, сообщает об этом абхазам, чтобы раненому оказали своевременную помощь. А имеретинский царевич Арчил, поразивший шашкой старого князя Анчабадзе, беспокоится о судьбе противника и упрекает себя в том, что удар нанес не по правилам рыцарского поединка.

Такое отношение к представителям противоборствующей стороны можно, в определенной мере, объяснить тем, что и грузинская, и абхазская знать относились к одному и тому же культурно-историческому миру, к которому были близки и северокавказские феодалы (кабардинские, осетинские, вайнахские и др.). Однако факты уважительного (а порой и щадящего) отношения к доблестному противнику довольно часто встречаются в истории средневекового рыцарства от Западной Европы до Японии. При этом не составляют исключения для Кавказа и мотивы борьбы с иноземными завоевателями.

В анонимной грузинской летописи XVI века, описывающей период монгольского господства в Грузии, рассказывается, как монголы в 1247 году, раскрыв заговор грузинских феодалов, готовивших вооруженное выступление против завоевателей, арестовали главарей и, доставив их в армянский город Ани, где располагалась ставка монгольского нойона, бросили связанными на площадь, где пленники много дней подряд валялись на солнцепеке, ожидая смертной казни. Один из участников заговора, Цотнэ Дадиани, который счастливо избежал ареста, узнав о случившемся, добровольно отправился в Ани и сел рядом со своими единомышленниками, дабы разделить постигшую их участь. По сообщению летописца, пораженные благородством Цотнэ монголы сделали ответный шаг и освободили всех пленных, простив им участие в заговоре.

У классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе (1837—1907) есть рассказ «Николооз Госташабишвили», в котором описан эпизод, относящийся к 1688 году, периоду восстания грузинского царя Георгия XI против иранского шаха. По словам писателя, эту историю он слышал в детстве от отца.

...В разгар сражения между грузинскими и иранскими войсками некий кызылбашский всадник, вызывая на поединок грузин, одного за другим убил пятерых юношей, принявших вызов. Чтобы отомстить за них, грузины упростили вступить в поединок Николооза Госташабишвили, прославленного, но уже немолодого воина. Он атаковал кызылбаша и сбил его с коня. Оглушенный иранец лежал на земле, но Госташабишвили не стал его убивать, а помог встать на ноги и сказал: «Я не отрублю тебе головы, дарю тебе жизнь из-за твоей доблести, иди с миром», Кызылбаш, поклонившись, ответил: «Только от такого мужа как ты, могу принять я в подарок свою жизнь».

Рыцарская мораль требовала от противников во всех случаях оставаться «порядочными» врагами. Абхазская поговорка гласит, что с противником надо вести себя так, чтобы враг сказал тебе «спасибо». Какого

бы ожесточения ни достигла война, обычай требовал даровать жизнь хотя бы одному человеку из стана врагов и отпустить его обратно на родину в качестве «горевестника». Во время русско-кавказской войны, когда гибли в бою прославившиеся своей храбростью русские офицеры, адыги (черкесы), проявляя уважение к их мужеству, посылали на похороны своих представителей; в честь павших три дня сохраняли перемирие и по павшему герою устраивали у себя тризну.

Однако нам не хочется создать впечатление, будто во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе господствовали исключительно рыцарские нормы поведения. Разумеется, было и иначе: когда военные действия принимали затяжной и ожесточенный характер, случались и дикие эксцессы. Так, судя по письменным источникам, такие факты участились после начала монгольских вторжений в Закавказье. Арабский историк Ибн Аль-Асир сообщает, что мусульмане считали грузин «лучшими врагами», так как те в случае успешного похода удовлетворялись получением дани, после чего возвращались обратно; однако в 1222 году, напав на мусульманский город Байлакан, грузинские войска жестоко разграбили его и расправились с населением так, как делали это монголы.

Крайнее ожесточение проявлялось иногда и во время внутренних войн. Например, в XVII веке Западная Грузия была охвачена длительными междоусобицами, опустошившими край. Царь-поэт из Восточной Грузии Арчил II, волею судеб оказавшийся на западе страны, был поражен тем ожесточением, с каким местные феодалы сражались друг с другом. В одном из своих произведений он пишет:

Была между ними вражда, лютее любой иной,

Друг на друга нападав все время, били клинком, не рукоятью.

Последнее замечание означает, что враги с легкостью обрекали друг друга на смерть, что не соответствовало классическим нормам поведения противоборствующих сторон во время внутренних войн. Военная этика

феодалов Кавказа требовала щадящего отношения к противнику. Недаром Тариел — один из главных героев бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» говорит:

Коль победил ты врага, не убивай, постой,
В этом полная доблесть, запомни эти слова.

Кавказский этикет обязывал личных врагов в доме князя или в присутствии женщин вести себя так, словно между ними ничего не произошло, а в отдельных случаях даже оказывать друг другу разные услуги. Кабардинский этнограф Б. Бгажноков отмечает, что у адыгов перед поединком полагалось предлагать противнику нанести удар первым. Типичная аргументация при этом была такая; «ты старше и потому право первого удара за тобой»; «я первый вызвался на дуэль, поэтому теперь ты начинай первым»; «ты гость в наших краях, бей первым» и т.п.

В Кавказских горах до недавнего времени встречались удивительные примеры рыцарской этики. Так, в Чечне в 50-х или начале 60-х годов XX века был такой факт: встретились два врага, из которых только один был вооружен кинжалом, противники бросили жребий, кому начинать первым, и стали рубиться, передавая клинок по очереди друг другу. При этом надо отметить, что по чеченскому обычаю в ссоре кинжал следует держать только прямым хватом и наносить им рубящие удары. Колющие удары, гораздо более опасные для жизни, запрещены. Смерть человека от колющего удара расценивается как умышленное убийство и в этом случае род убийцы не может рассчитывать на примирение: начинается кровная месть.

Хевсурская дуэль на палашах предусматривала нанесение кровавых ран, но она не должна была заканчиваться гибелью одного из участников. При этом лучшим фехтовальщиком считался тот, кто после ранения противника продолжал бой только в целях самозащиты.

Традиционная военная этика на Кавказе требовала уважительного отношения к трупам павшего противника. В Грузии, имевшей

древнеписьменную культуру, это даже было закреплено юридически. В книге законов царя Вахтанга VI, составленном в 1705—1708 годах, говорится, что с тела убитого на войне врага можно снять драгоценности, оружие, панцирь, шлем, верхнюю одежду, но запрещается снимать рубашку и подштанники. Воинским начальникам предписывалось следить, чтобы кто-нибудь не нарушил этот запрет.

В кумыкской народной балладе «Айгази», образно раскрывающей систему ценностей кавказского горца, юный герой, застрелив убийцу отца, хочет уже мчаться на помощь невесте, которую у него похитил князь, но слышит голос умирающего врага:

...Оставив меня, навеки лишишься ты чести.

Я ранен смертельно. Как тонкая нить,

Вот-вот во мне жизнь оборвется.

Нельзя меня бросить, нельзя пристрелить,

Уважить обычай придется.

Меня, положив головой на юг,

Где высится саван тумана,

Присядь в изголовье, как будто бы друг,

Молитву читай из Корана.

Душа улетит моя. Саблю возьмешь,

О камень холодный наточишь,

Проколешь губу мне, башку отсечешь,

К седлу своему приторочишь.

Домой возвратишься ты после того,

Как воин, что выиграл битву...

(Перевод Я. Козловского)

Айгази выполняет обычай: читает над умирающим молитву, а после того как враг умер, обезглавливает его.

Варварский обычай отсекал у убитых врагов головы и руки в качестве военных трофеев был некогда распространен на Кавказе, как и у

многих других воинственных народов мира. Долгое время, видимо, это всеми воспринималось в порядке вещей, подтверждением чему служит вышеприведенный отрывок из баллады. Однако с течением времени появилось осознание вредности и бессмысленности этого обычая. Этой теме посвящается одно из лучших произведений выдающегося грузинского писателя Важа Пшавелы (1861—1915) поэма «Алуда Кетелаури». Главный герой произведения — хевсур Алуда в схватке убивает ингуша, но, восхищенный его мужеством, нарушает вековой обычай и не отрубает у убитого врага правую руку. Отсюда начинается конфликт между Алудой и его односельчанами, который кончается изгнанием героя из общины.

Говоря о культуре общения между противниками на Кавказе во время вооруженных конфликтов, нельзя не упомянуть о миротворческой роли женщин. Это право традиционно признавалось за ними. Приведем несколько примеров: женщина могла остановить схватку, бросив свой головной платок между сражающимися мужчинами; во время кровной вражды между родовыми кланами представительница одной из противостоящих сторон могла положить конец кровопролитию, дав грудь ребенку из враждебного клана. Иногда это происходило по обоюдному согласию враждующих сторон, но могло также произойти и вопреки желанию противостоящей стороны. В обоих случаях враги после этого обязаны были примириться, чтобы, как говорилось, «не смешивать кровь с молоком». То есть не осквернять убийствами установившееся молочное родство.

На Западном Кавказе известны случаи массового примирения с участием матерей. Одно из таких преданий приводит абхазский ученый А. Гуажба. «Между убыхами и абхазами разгорелась вражда. Взаимным набегам не было видно конца... Но в те времена были очень мудрые люди, «умевшие примирить огонь и воду», и они решили положить конец вражде. Собрались с обеих сторон и со всех краев Западного Кавказа самые уважаемые и почитаемые старцы, и вот что они решили: со стороны

правого устья реки Псоу лежит обширная равнина. Туда было доставлено с их согласия 500 молодых абхазок с грудными детьми и 500 убыхских матерей, также с грудными детьми. Их поставили в ряд напротив друг друга с младенцами в руках, завязали глаза и обменяли младенцев. Потом женщин с детьми сразу развезли в родные аулы. Сделано это было для того, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи, зная, что с той и с другой стороны родная кровь, перестали мстить и совершать набеги... По случаю примирения были устроены пир, джигитовка, скачки, стрельба по мишеням и другие игры...». Конечно, это предание, но оно несомненно основано на реальных событиях.

В истории Грузии известны случаи, когда женщины официально выполняли миротворческие миссии. Так, вдовствующая царица Грузии Мариам (дочь армянского царя Сенекерима II Арцруни) в 1031 году возглавила большое грузинское посольство в Византию, где вела переговоры с императором Романом III о заключении мира между Грузинским царством и Византийской империей. Миссия царицы окончилась удачей, мир был заключен и скреплен браком грузинского царя Баграта IV (сына Мариам) с племянницей императора.

Участвовали женщины и в решении внутривнутриполитических конфликтов в Грузии. Например, в начале правления знаменитой грузинской царицы Тамар (середина 80-х гг. XII в.) между царской властью и группой феодалов вспыхнуло острое противостояние. Мятежники, контролировавшие значительную часть столицы, готовили нападение на царский дворец. Тогда на переговоры с восставшими Тамар послала двух знатных дам, которые сумели найти компромиссное решение и отвели угрозу вооруженного столкновения.

* * *

Сегодня, спустя много времени после описанных событий, в совершенно иной социально-политической обстановке, на фоне ставшего другим мира на Кавказе вновь бушуют войны и текут потоки крови. Ни в

одном регионе Земного шара нет столько «горячих» точек в непосредственной близости друг от друга (и уже «взорвавшихся», и потенциально готовых к взрыву), как на Кавказе. Поэтому именно жители Кавказа, в первую очередь, должны быть заинтересованы в изыскании средств для нейтрализации конфликтов, то есть в решении политических задач исключительно мирными средствами. Тут определенную помощь может оказать использование элементов традиционной миротворческой практики кавказских народов — хотя бы того же «женского миротворческого ресурса», о чем шла речь в настоящей статье. Кроме того, важно пресекать любые преступления против человечности, которые наряду с проявлениями мужества, благородства и героизма всегда сопровождали войны и военные конфликты. Конечно, пока существует военное насилие, невозможно полностью изжить военные преступления, но решительно бороться против них обязано каждое государство, считающее себя частью цивилизованного мира. Воспитание молодежи на примерах традиционного морального кодекса, мы полагаем, может стать одним из механизмов достижения этой цели. Наконец, одной из важнейших задач миротворческого движения является разрушение «образа врага» в общественном сознании противостоящих сообществ. Тут могут пригодиться определенные традиционные нормы отношения к противнику, способность видеть в нем не только отрицательные, но и какие-то положительные качества. Надо вести активную контрпропаганду против пропаганды ужасов и лжи, к которой постоянно прибегают силы, стоящие за углубление противостояния. Обычно действие агрессивной пропаганды продолжается и после прекращения открытых военных действий. И без ее нейтрализации окончательное урегулирование конфликта может затянуться на долгий срок.

Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества / Материалы науч.-практ. конф. «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе», организованной Кавказским Форумом НПО / *Сост.* Ж.Крикорова, Б.Кобахия, А.Недолян, Г.Тер-Габриелян. 2001, 31 мая - 2 июня. Цахкадзор (Армения) // http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/kon/flict_00.htm

Национализм как идеология

Представления о нации неразрывно связаны с понятием национализма. Это – две стороны одного и того же явления. В практическом плане понимание взаимосвязи между нацией и национализмом важны в связи с межнациональными конфликтами внутри государства и между национальными государствами. Как видится сегодня сущность национализма? ...

Краткий обзор определений национализма дан в статье В.В. Коротеевой «Существуют ли общепризнанные истины о национализме?» Она пишет: «С некоторыми оговорками большинство специалистов сходится в том, что основную доктрину национализма можно изложить так: существует такая общность, как нация, с присущими ей особыми качествами; интересы и ценности этой нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями; нация должна быть как можно более независимой; для этого нужен, по крайней мере, некоторый политический суверенитет».

Это – описание исходного основания национализма. Таким основанием является само существование нации. Национализм как специфическая «идеология нации», то есть особый срез идеологий общества, образующего нацию, есть понятие с множественными смыслами. К. Вердери замечает, что для начала надо делать различие между национализмом и принадлежностью к нации: национализм относится к осознанным чувствам, для которых нация является объектом активной привязанности, а принадлежность к нации есть часть повседневной практики, которая порождает глубокое и часто невыраженное ощущение, что ты «дома».

Очевидно, что национализм как идеология – сравнительно недавнее явление, он возник именно в связи со становлением нации. ... Б. Андерсон считает, что условием для распространения национализма стало появление

печати, в результате чего возникла возможность синхронизации мыслей и чувств большого числа людей. Это создало условия для появления общности людей, которые, не зная друг друга, тем не менее воспринимали происходящие события сходным образом.

Как и всякая идеология, национализм с самого начала выполнял политические задачи, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ее суверенитета. Прежде всего, это были задачи подрыва легитимности «старого» монархического порядка и легитимации нового, буржуазного общественного строя. Эти задачи были актуальны, и национализм был весьма мало обращен в прошлое - он был практическим и рациональным. Иногда национализм считают идеологией индустриального общества, равноположенной либерализму и социализму. ...

И. Чернышевский обращает внимание и на мировоззренческую сторону национализма, непосредственно не связанную с политической практикой: «Национализм — не столько «учение», сколько особое устройство взгляда: «национальная идея» — не картинка, а окно, сквозь которое смотрят на мир, выискивая там интересное для «национального интереса»: хороший националист видит свой интерес везде. Поэтому интенсивные поиски «национальной идеи» — очень плохой признак. Если на эту тему много говорят и пишут, это означает одно из двух: либо этой идеи нет и неизвестно, где ее взять, либо она есть, но через предлагаемое окошко «ничего не видно», или ее почему-то стыдятся, как стыдятся рассматривания «неприличностей». Но вообще-то, идеальная форма бытования национальной идеи — секрет полишинеля: то, о чем все причастные прекрасно знают (ибо видят) и молчат...

Патриотизм - необходимая часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой не служит - он должен быть сцеплен с идеями, устремленными в будущее и “гарантирующими” реализацию патриотических ценностей. Как государственная идеология, патриотизм утверждает «вертикальную» солидарность – приверженность личности к стране. В нем

нет акцента на многие ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность, даже столь широкую, как нация. Напротив, национализм активизирует чувство «горизонтального товарищества», ощущения национального братства («всех французов» или «всех немцев»).

...Э. Кисс пишет: “Некоторые формы национализма могут пройти через процесс демистификации и сохранить при этом свою легитимность и силу. Люди способны ощущать себя французами, поляками или словенцами и идентифицировать себя с этими культурами даже в тех случаях, когда они осознают всю искусственность и относительную историческую недавность их сотворения. При всей своей искусственности движения национального “пробуждения” стали реальностью и сделали возможными те достижения, которыми националисты могут заслуженно гордиться, как могут они, например, гордиться великими произведениями литературы. Национализм может наделять людей чувством собственного достоинства и принадлежности к обществу, что отвечает вечным потребностям человека”.

Но когда речь идет об идеологии, термин “национализм” обычно употребляется в его стандартном европейском смысле – как возведенный в ранг государственной политики эгоизм титульной нации. В такой контекст утверждение, будто русский национализм не содержит шовинизма и отражает вселенскую отзывчивость нашего национального духа, просто не вписывается и почти теряет смысл.

Очень часто национализм вырывается из системы конкретных идеологических связей и представляется как самостоятельная сущность. Так, в 60-е годы XX в. историк А. Тойнби писал, что капитализм и социализм отступают перед напором национализма. Он видел в этом регресс цивилизации и был проникнут тяжелыми предчувствиями. Смысл его прогноза ясен, но его надо принимать как абстракцию, ибо национализм не «освобождается» от связки с другими идеологиями и мировоззренческими системами, а лишь трансформирует их (как и они его). ...

И. Чернышевский ... пишет: «Бывают ситуации, когда действий в Большом времени оказывается недостаточно. Например, те же кочевники могут причинять слишком значительный вред: народ просто не успевает восстановиться, восполнить нанесенный ущерб. В таком случае у него есть альтернатива: постепенно сдавать позиции в Большом времени или начать отстаивать себя в «малом времени» — например, создавая оборонительную систему, окружая себя рвами и частоколами, организуя боевые дружины и т. д. Все эти мероприятия — громоздкие и затратные — возможны, однако, только в том случае, когда жители начинают осознавать себя именно в качестве нации. Такое осознание не дается сразу: требуется определенный уровень понимания ситуации, достижимый далеко не всегда и не во всех случаях. Но если уж он достигнут, народ начинает совершать поступки, нужные не только и не столько конкретным людям, сколько народу в целом. Обычно подобная мобилизация наблюдается в критических ситуациях — например, во время войны. Однако есть способы сделать ее постоянным фоном существования народа, озаботить народ задачами глобальной конкуренции».

В такой концепции начало становления наций отодвигается вглубь истории – уже в средневековье интенсивность межэтнических столкновений стала такой, что для ответа на быстро возникающие вызовы народностям и народам надо было спланировать в большие общности, протонации. Э. Ренан говорил, что французские короли уже в Средние века сознательно занимались нациестроительством, но то же самое можно сказать и о Московской Руси.

К середине XVI в. Россия уже воспринималась на Западе как большое национальное государство, представляющее угрозу государствам Европы. ... А. Филюшкин пишет: «К изображению русской «восточной угрозы» были привлечены все известные авторам эпохи Возрождения топосы. От библейских, эсхатологических, антихристовых до турецкой агрессии, мирового противостояния христианства и басурманства (под которым

понимался не только ислам, но и все варварское, то есть не католическое и не протестантское). Образ России в сочинениях эпохи Возрождения как бы явился квинтэссенцией всех негативных дискурсов, накопленных за столетия».

Развитие национализма как мировоззренческой и идеологической конструкции изначально было расщеплено на два течения, которые, переплетаясь, и конфликтовали между собой, и поддерживали друг друга. Если считать человеческие общности системами, то эти два течения в национализме можно различить по отношению данной общности к ее среде (более крупной системе) и к ее элементам – более мелким общностям. В этом смысле национализм одновременно был идеологией разделения и идеологией объединения.

... Церковь вела активную политическую деятельность по построению «вселенского» христианского государства с подчиненным ей императором, которого она «помазует» на царство. Папа римский имел исключительное право быть наставником светских властей, и споры относительно этого права решались даже военной силой. С особенной силой римская церковь преследовала уходящие корнями в античную культуру стремления к языческому «симбиозу» общества и власти, которые и были провозвестниками грядущего национализма. Церковь боролась за наднациональный характер европейской государственности. Император Священной Римской империи германской нации, *Imperator terrenus*, короновался четырьмя коронами – франков и римлян, итальянской, бургундской и в Риме вселенской (*Urbis et Orbis*). Против попыток «языческого» разделения на народы совершались крестовые походы внутри самой католической Европы. Культурная и духовная деятельность направлялась церковью не на этноцентрические национальные ценности и проблемы, а на вселенские, универсалистские. Преследовала церковь и национальные обычаи и традиции. Как писал во время Возрождения видный деятель Ватикана, «пользуясь духовной властью только как орудием власти

светской, папы казались скорее свирепыми государями, чем первосвященниками».

... Становление наций и выразилось прежде всего в конфликте с церковью, поскольку светские власти стали подчинять себе национальные церкви. Ослабление клира и упадок монастырей стали важным условием усиления национального государства. Идеология национализма, разделяющего империю, с самого начала была антиклерикальной и мобилизовала в поддержку нового типа государства антиклерикализм широких масс. ... Наибольшей интенсивности борьба националистов против церкви достигла в момент Великой французской революции, когда интеллигенция, воспитанная Просвещением и опираясь на антицерковные чувства масс, выработала целостную светскую идеологию и проект создания народа. Божественное право было заменено «естественным», монарх как помазанник божий – Национальным конвентом. ...

Таким образом, в отношении наднациональных европейских структур нарождавшийся национализм был разделяющим. Он одержал победу и над имперской светской властью, и над единой централизованной церковью, и над классическими культурными традициями. Однако внутри образовавшихся национальных государств эта идеология была объединяющей – по отношению к региональным этническим общностям.

...Говоря о становлении европейских наций, И. Чернышевский так объясняет развитие отношений между нацией и малыми народами: «Как правило, статус «этносов» получают группы, которые не были уничтожены или ассимилированы самоутверждающейся нацией, но которые не удалось сразу переварить, и с ними пришлось налаживать отношения, а следовательно, «давать им место» и как-то осмысливать их существование. На положение «этносов» также низводятся проигравшие нации, утратившие свои трофеи, но еще способные отстаивать свое существование. Собственно, если «нация» определяет себя как «господствующую», то «этнос» — это оппозиционная структура по отношению к «нации»... Обычная мечта любого

«этнoсa» — чтобы его оставили, наконец, в покое. Но эта мечта обычно приводит к историческому поражению: «этнос» в эпоху господства агрессивных национализмов рано или поздно ассимилируется.

...евронационализм и этнонационализм онтологически противопоставлены друг другу: отсюда то грубое непризнание и непонимание, которые возникают при их столкновении и при попытках взаимодействия, когда переговоры проводятся через разделяющую их пропасть в понимании политики самоосознания. Полная противоположность исходных посылок относительно самой природы своего пребывания в этом мире заставляет их воспринимать друг друга в качестве принадлежащих к какому-то иному времени и пространству».

... Приведем самые главные различия между двумя видами национализмов, на которые указывает Дж. Комарофф:

«Евронационализм предполагает светское государство, основанное на универсалистских принципах гражданства; этнонационализм же ставит во главу угла культурную специфику, подчеркивает духовные начала своей природы...

Как правило, еврационализм признает правовую и политическую юрисдикцию по принципу территориальности, в соответствии с которым суверенитет политической общности совпадает с ее географическими границами. В противоположность этому, даже при наличии суверенной территории и государства, этнонационализм склонен требовать лояльности от своих членов независимо от места их пребывания и, вследствие этого, часто становится транснациональным по характеру, если имеются сильные и активные диаспоры.

Даже проецируя свою историю в далекое прошлое и изобретая свои собственные традиции, еврационализм обычно признает историчность своего происхождения, часто относя его на счет неких героических действий людей, и подает свою историю в виде исторического повествования о серии подвигов, дат и смертей. Из этого следует, что упор в еврационализме

делается скорее на хронологию, чем на космологию, и, если перефразировать Ренана, - на забвение прошлого...

Этнонационализм напротив, ищет свои корни во временах незапамятных, приписывая себе черты изначальной сущности. Его генезис часто объясняется вмешательством сверхъестественных сил, а его прошлое, независимо от того, выражается ли оно в повествовательной форме или нет, может быть спрессовано и представлено в виде «традиции» или «наследия». В этом случае космология превалирует над хронологией; коллективная память воспринимается как решающий фактор для выживания группы; а различия рассматриваются при всем непостоянстве в уровнях терпимости, как неизбежные и неискоренимые.

С точки зрения евронационализма, этнонационализм представляется примитивным, иррациональным, магическим и, прежде всего, угрожающим; с точки же зрения этнонационализма, который при взгляде изнутри предстает вполне «рациональным», евронационализм по-прежнему воспринимается как изначально колониальное по своей природе явление, в котором отсутствуют человечность и общественная совесть.

Я должен повторить, однако, что в обоих случаях мы имеем дело с идеологическими образованиями, а не «объективными» творениями истории. Лишь немногие евронациональные государства как прошлого, так и настоящего времени вполне реализовали свои собственные представления о себе, но при этом все они приобрели некоторые из тех черт, которые обычно приписываются этнонационализму. Справедливо и обратное, ибо в большинстве случаев и, особенно, в случае стремления к суверенному самоопределению, этнонационализм обретает некоторые характеристики, типичные для евронационализма».

Из этого сопоставления видно, что этнонационализм исходит из представления этнических оснований нации в понятиях примордиализма, как изначально данной сущности. В политической практике националисты, использующие эту идеологию, обращаются к обыденному сознанию,

мобилизуя присущий ему примордиализм – при том, что сами эти идеологи в настоящее время чаще всего являются конструктивистами. Они именно конструируют политизированную этничность, манипулируя массовым сознанием в партийных целях.

... Теоретик этнонационализма Энтони Смит (сам приверженец примордиализма), считает, что мифы, которые лежат в основе национализма, имеют у разных народов сходную структуру. Это предание о древних общих прародителях, своей земле и древней государственности, вера в существование «золотого века» в жизни этого народа, который сменился упадком, бедствиями, переселением, но в заключение - вера в будущее возрождение. Как указывают другие этнологи, эта общая схема повторяется далеко не всегда, хотя основные ее компоненты в том или ином виде присутствуют.

Важно, что в этнонационализме и вообще в национализме периферии делается очень сильный акцент на прошлом, которое мифологизируется в соответствии с политической задачей, а также на создании образа врага, который якобы виновен в тех бедствиях, которые перенес народ в прошлом. Нация в этом случае объединяется на негативной основе - общим бедствием и общим врагом в прошлом. Это бедствие и образ этого врага нередко переносятся в настоящее (и даже становятся неустранимой частью будущего) с нарушением норм рациональности и здравого смысла.

Реальное бедствие, типа войны или глубокого кризиса, неминуемо вызывает всплеск этнонационализма. В этих ситуациях он становится средством мобилизации национальных сообществ в защиту своих интересов. При глубоком кризисе, когда разрушаются сложившиеся системы ценностей, нормы поведения и материальные условия жизни, массы людей видят в своей национальной общине островок стабильности и связи с традицией. Это островок порядка, которому угрожает хаос., Националисты объединенные общей целью (например, возрождения нации), представляются организованной силой, которая и вносит порядок в жизнь людей. Участие в

этой их борьбе дает ощущение связи человека с другими людьми его национальности, придает высокий смысл индивидуальному существованию.

... проблема в том, что использование национализма как политического оружия – искусство чрезвычайно сложное, это оружие легко выходит из-под контроля. Та же Ригон продолжает свою мысль так: «Национализм в какой-то момент становится реакционным, поскольку он абсолютно неспособен к выживанию в многонациональном мире».

...Наглядной иллюстрацией последствий, к которым может привести взрыв этнонационализма, служит разожженный во время перестройки вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе. Уроки его мы обсудим ниже. Но вот как обстоят дела в Грузии, где вооруженные столкновения на национальной почве (в Абхазии и Южной Осетии) были прекращены при участии российских миротворческих сил. Здесь этнонационализм загнал страну в порочный круг тлеющего противостояния. Грузинская Ассоциация региональной прессы не так давно опубликовала результаты исследования, посвященного отношению грузин к национальным меньшинствам (в 1989 г. они составляли 30% населения Грузии, в 2001 г. 23%). Опросы обнаружили крайний, доходящий до расизма этнонационализм. 72,2% респондентов считают, что решить проблему национальных меньшинств возможно лишь их выдворением из страны. 8,8% считают, что данную проблему можно решить путем их ассимиляции, и только 18,5% предлагают создать такие условия, при которых национальные меньшинства смогли бы сохранить культурную и религиозную самобытность, изучить грузинский язык и стать полноправными участниками созидания грузинского государства.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Грузии проживало 308 тыс. азербайджанцев (5,7% населения). Азербайджанцами была населена область Квемо Картли. В 1990-е гг. сюда на земли по соседству с азербайджанскими селами началось интенсивное переселение сванов из горных районов Сванетии. Это создало очаг

напряженности и приводило к неоднократным межэтническим столкновениям, которые при господстве в массовом сознании радикального этнонационализма создают большую угрозу. За период 1996-2002 гг. социальная дистанция между грузинами и другими народами возросла, при этом меньшинства относятся к грузинам лучше, чем грузины к меньшинствам. Отношения ухудшились даже в среде студентов, которые в середине 90-х годов были группой с самым высоким уровнем толерантности.

<http://forum.rc-mir.com/topic1828515.html>

Этнопсихологические аспекты межнациональных конфликтов

Моя задача состоит в том, чтобы в тезисной форме представить основные идеи и сформулировать их, оставляя в стороне фактологический материал, так как он займет очень много времени. Я хотел бы подойти к нашей сегодняшней проблеме с позиции человека, который анализирует события, исходя из жизненного опыта. Те исследования, которыми я занимаюсь, и выводы, к которым я пришел, стали возможны только потому, что я сам был свидетелем исторических событий, лежащих в их основе. В процессе работы я понял, какую огромную роль играет этнопсихология, психология народа, проявляющаяся в конфликтах, в жизни общества. Мне кажется, что характер народа, как и характер отдельного человека, то есть ментальность, складывается раз и навсегда. При этом менталитет может эволюционировать, но в определенных рамках, выход за которые означает фактически крах и разрушение данного этноса. Особое внимание я хочу обратить на такую черту народного характера: сложившись, он сам начинает активно влиять на судьбу народа. Народ не только приспосабливается к условиям своего бытия, но и сам приспосабливает их к своему характеру.

Формирование национального характера происходит в конкретной исторической ситуации, в историческом контексте. Мне могут возразить, что новое поколение становится непохожим на старшее поколение. Но мне кажется, что в зависимости от условий, одни черты могут развиваться, другие — заглушаться. В жизни бывают ситуации, когда характер проявляется, можно сказать, в чистом, подлинном виде, обнаруживая свою глубинную суть. Полагаю, что полностью характер народа проявляется в период войн. Проиллюстрирую это на примере и в конкретном контексте

формирования национального характера абхазов. Я пришел к заключению, что стержнем абхазской культуры, абхазского менталитета является традиция воинства, культура воинов-рыцарей. Она является, на мой взгляд, аналогом западной культуры периода рыцарства. Как известно, западная цивилизация зародилась в VIII—IX веках и в последующие столетия обрела свои основные черты и характеристики. В истории Запада был период крестовых походов на восток (XI в.). Тогда и начала формироваться идеология воинства, идеология рыцарства. Расцвет на Западе она получает в XII—XIV веках. Одновременно происходит и становление кавказского менталитета. По моему мнению, основную роль в формировании абхазов как народа, как этноса сыграла абхазская государственность. Затем в XI—XII веках идет взаимообогащение, взаимное влияние культур через генуэзскую культуру, через мореплавателей, которые общались непосредственно с Кавказом и — с одной стороны, привносили сюда западные идеи рыцарства, с другой — кавказские идеи рыцарства попадали в Европу. В этот период параллельно происходит формирование воинской культуры и на Кавказе, и на Западе. В дальнейшем, как известно, на Западе в XV—XVI веках в связи с формированием армии культура рыцарства стала ненужной. На Кавказе же произошел другой, очень интересный процесс.

Так получилось, что с падением Константинополя в XV веке Кавказ оказался в изоляции. И потому рыцарская культура, воинская культура на Кавказе начали развиваться и углубляться. Подобный процесс происходил, например, также с японской культурой рыцарства, которая окончательно сформировалась в период японской изоляции. Появился японский рыцарский кодекс — бусидо. На Кавказе рыцарский кодекс сформировался у абхазов. Это — *ансуара*.

Рыцарская идеология, воинская идеология оказывала влияние на все стороны жизни и стала стержневой в формировании культуры. Здесь мне хотелось бы сказать, что Османская империя использовала этот кавказский

опыт. Источники подтверждают, что много воинов, выходцев из Кавказа, достигали очень больших военных и политических постов в Османской империи. Пример — знаменитая черкесская династия в XIV—XV веках в Египте. Янычарские полки в Османской империи также состояли из выходцев из этой среды. Характерный факт: в XVII веке в Стамбуле при султанском дворе возник новый стиль одежды, называемый «абаза». Самые изысканные аристократы и воины, которые занимали ключевые посты в Турции, носили эту одежду.

Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества / Материалы науч.-практ. конф. «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на

Кавказе», организованной Кавказским Форумом НПО / *Сост.*

Ж.Крикорова, Б.Кобахия, А.Недолян, Г.Тер-Габриелян. 2001, 31 мая - 2

июня. Цахкадзор (Армения) //

http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/kon/flict_00.htm

Поведение в конфликтах

На поведение людей в конфликтах влияет процесс научения. При затяжном конфликте оппоненты обычно хорошо друг друга изучают и начинают уже предпринимать те или иные действия, ориентируясь на особенности характера, типичные эмоциональные реакции, то есть могут достаточно хорошо прогнозировать действия противоположной стороны. Это позволяет им расширить сферу применяемых тактик и стилей поведения с «коррекцией» на особенности оппонента. Таким образом, действия оппонентов становятся в известной мере взаимообусловленными, что позволяет оказывать на них влияние.

...При эффективном управлении конфликтом его последствия могут играть положительную роль, то есть быть функциональными, способствовать в дальнейшем достижению целей организации.

Выделяют следующие основные функциональные последствия конфликтов для организации:

Проблема решается таким путем, который устраивает все стороны, и в результате люди чувствуют себя причастными к решению важной для них проблемы.

Совместно принятое решение быстрее и лучше претворяется в жизнь.

Стороны приобретают опыт сотрудничества при решении спорных вопросов и могут использовать его в будущем.

Эффективное разрешение конфликтов между руководителем и подчиненными разрушает так называемый «синдром покорности» - страх открыто высказывать свое мнение, отличное от мнения старших по должности.

Улучшаются отношения между людьми.

Люди перестают рассматривать наличие разногласий как «зло», всегда приводящее к дурным последствиям.

Основные дисфункциональные последствия конфликтов:

Непродуктивные, конкурентные отношения между людьми.

Отсутствие стремления к сотрудничеству, добрым отношениям.

Представление о противоположной стороне как о «враге», о своей позиции - как об исключительно положительной, о позиции оппонента - только как об отрицательной.

Сворачивание или полное прекращение взаимодействия с противоположной стороной, препятствующее решению производственных задач.

Убеждение, что «победа» в конфликте важнее, чем решение реальной проблемы.

Чувство обиды, неудовлетворенности, плохое настроение, текучесть кадров.

Различают структурные (организационные) и межличностные способы управления конфликтами.

... Представители административного направления считали, что если найти хорошую формулу управления, то организация будет действовать как отлаженный механизм. В рамках этого направления разрабатывались структурные методы управления конфликтами.

Четкая формулировка требований. Одним из лучших методов управления, предотвращающих дисфункциональные конфликты, является разъяснение требований к результатам работы каждого конкретного работника и подразделения в целом; наличие ясно и однозначно сформулированных прав и обязанностей, правил выполнения работы.

Использование координирующих механизмов. Строгое соблюдение принципа единоначалия облегчает управление большой группой конфликтных ситуаций, так как подчиненный знает, чьи распоряжения он должен выполнять. Если у работников есть разногласия по какому-либо производственному вопросу, они могут обратиться к «третьей стороне» -

их общему начальнику (об этом методе мы чуть ниже поговорим подробнее).

...

Становление общих целей, формирование общих ценностей. Этому способствует информированность всех работников о политике, стратегии и перспективах организации, а также их осведомленность о состоянии дел в различных подразделениях. Очень эффективным оказывается формулирование целей организации на уровне целей общества. Например, работники фирмы «Макдональдс» считают главной целью своего нелегкого труда – вкусно и быстро накормить американцев, имеющих ограниченные средства (а они составляют немалую часть общества). ...

Наличие общих целей позволяет людям понять, как им следует вести себя в конфликтных ситуациях, превращая их в функциональные.

Система поощрений. Установление таких критериев эффективности работы, которые исключают столкновение интересов различных подразделений и работников. Например, если премировать работников службы техники безопасности за количество выявленных нарушений правил безопасности, это приведет к нескончаемому дисфункциональному конфликту с производственными и эксплуатационными службами. Если поощрять всех работников за устранение выявленных нарушений, это приведет к снижению конфликтности и повышению безопасности.

Работа с конфликтами, конечно, не исчерпывается перечисленными методами. В соответствии с ситуацией могут быть найдены и другие эффективные организационные методы управления конфликтами.

Управление конфликтами включает и межличностные способы разрешения конфликтных ситуаций.

Участники конфликтной ситуации оказываются перед необходимостью выбора одной из трех принципиальных возможностей своих действий в сложившихся обстоятельствах. Известный российский конфликтолог Н. В. Гришина описывает их следующим образом:

Путь «борьбы», направленный на то, чтобы всеми доступными средствами добиться желаемого.

Уход от конфликта.

Ведение переговоров с целью найти приемлемое решение возникшей проблемы.

Каждая из этих возможностей предполагает соответствующие стратегии поведения участников конфликта. ...

Выделяют две основные стратегии поведения в конфликте:

стратегия «партнерство» характеризуется ориентацией на учет интересов и потребностей партнера. Стратегия согласия, поиска и приумножения общих интересов. «Наш интерес состоит в том, чтобы наилучшим образом обеспечить интересы другой стороны» - провозглашают сторонники партнерской стратегии поведения (то есть при ее доминанте).

стратегия «напористость» характеризуется реализацией собственных интересов, стремлением к достижению собственных целей. Жесткий подход: участники - противники, цель - победа или поражение. Сторонники стратегии напористости нетерпеливы, эгоистичны, не умеют слушать других, стремятся навязать свое мнение, легко ссорятся и портят отношения.

Внутри двух стратегий существует пять основных тактик (или стилей) поведения.

При низкой напористости и низком значении партнерства - тактика «Избегание» («уход», «уклонение») - стремление не брать на себя ответственность за принятие решения, не видеть разногласий, отрицать конфликт, считать его безопасным. Стремление выйти из ситуации не уступая, но и не настаивая на своем, воздерживаясь от споров, дискуссий, возражений оппоненту, высказывания своей позиции. Такое поведение может быть уместным, если предмет разногласий не представляет для человека большой ценности, если ситуация может разрешиться сама собой (такое бывает редко, но все же бывает), если сейчас нет условий для продуктивного разрешения конфликта, но через некоторое время они

появятся. Эффективна эта стратегия и в случае нереалистических конфликтов.

При низкой напористости и высоком стремлении к партнерству - тактика «Уступка» («приспособление») - стремление сохранить или наладить благоприятные отношения, обеспечить интересы партнера путем сглаживания разногласий. Готовность уступить, пренебрегая собственными интересами, уйти от обсуждения спорных вопросов, согласиться с требованиями, претензиями. Стремление поддержать партнера, чтобы не затронуть его чувств путем подчеркивания общих интересов, замалчивания разногласий. Эта стратегия может быть признана рациональной, когда предмет разногласий имеет для человека меньшую ценность, чем взаимоотношения с противоположной стороной, когда при «тактическом проигрыше» гарантирован «стратегический выигрыш». Если данная стратегия станет для менеджера доминирующей, то он, скорее всего, не сможет эффективно руководить подчиненными.

При высокой напористости и низком партнерстве - тактика «Противоборство» («соперничество», «конкуренция») – стремление настоять на своем путем открытой борьбы за свои интересы, занятие жесткой позиции непримиримого антагонизма в случае сопротивления. Применение власти, принуждения, давления, использование зависимости партнера. Тенденция воспринимать ситуацию как вопрос победы или поражения. Этот стиль может быть признан эффективным, если он используется в ситуации, угрожающей существованию организации или препятствующей достижению ею своих целей. Руководитель отстаивает интересы дела, интересы своей организации, и порой он просто обязан быть настойчивым. Существенным недостатком данной стратегии является подавление инициативы подчиненных и возможность повторных вспышек конфликта из-за ухудшения взаимоотношений.

При средних значениях напористости и партнерства - тактика «Компромисс» - стремление урегулировать разногласия, уступая в чем-то в

обмен на уступки другого. Поиск средних решений, когда никто много не теряет, но и много не выигрывает. Интересы обеих сторон полностью не раскрываются. Способность к компромиссу в управленческих ситуациях высоко ценится, так как уменьшает недоброжелательность и позволяет относительно быстро разрешить конфликт. Но через какое-то время могут проявиться и дисфункциональные последствия компромиссного решения, например неудовлетворенность «половинчатыми решениями». Кроме того, конфликт в несколько измененной форме может возникнуть вновь, так как породившая его проблема была решена не до конца.

При высоких значениях напористости и партнерства - тактика «Сотрудничество» - поиск решений, полностью удовлетворяющих интересы обеих сторон в ходе открытого обсуждения. Совместный и откровенный анализ разногласий в ходе выработки решений. Инициатива, ответственность и исполнение распределяются по взаимному согласию. Этот стиль основывается на убежденности участников конфликта в том, что расхождение во взглядах – это неизбежный результат того, что у умных людей есть свои представления о том, что правильно, а что нет. Тот, кто опирается на сотрудничество, не старается добиться своей цели за счет других, а ищет решение проблемы. Кратко установку на сотрудничество обычно формулируют так: «Не ты против меня, а мы вместе против проблемы».

Сообразуясь с ситуацией, учитывая индивидуально-психологические особенности участников конфликта, менеджер должен применять различные межличностные стили разрешения конфликтов, однако стратегия сотрудничества должна быть основной...

Психологами разработаны некоторые общие рекомендации по управлению конфликтами.

Надо знать, как развивается конфликт. Обычно он проходит несколько этапов:

а) возникновение разногласий;

- б) возрастание напряженности в отношениях;
- в) осознание ситуации как конфликтной хотя бы одним из ее участников;
- г) собственно конфликтное взаимодействие, использование различных межличностных стилей разрешения конфликтов, сопровождающееся возрастанием или понижением эмоциональной напряженности;
- д) исход (разрешение) конфликта.

При рациональном поведении участников конфликт, проходя все этапы своего развития, может оставаться функциональным. Разрешением конфликта в полном смысле является устранение проблемы, породившей конфликтную ситуацию и восстановление нормальных отношений между людьми.

Выясните скрытые и явные причины конфликта, определите, что действительно является предметом разногласий, претензий. ...

Определите проблему в категориях целей, а не решений, проанализируйте не только различные позиции, но и стоящие за ними интересы.

Сконцентрируйте внимание на интересах, а не на позициях. ...
Интересы - это наши желания и заботы. Именно в них – ключ к решению проблемы.

Делайте разграничения между участниками конфликта и возникшими проблемами. Поставьте себя на место оппонента (оппонентов). ... Будьте жестки по отношению к проблеме и мягки по отношению к людям.

Справедливо и непредвзято относитесь к инициатору конфликта. Не забывайте, что за недовольством и претензиями, как правило, стоит достаточно существенная проблема, которая тяготит человека, доставляет ему беспокойство и неудобство.

Не расширяйте предмет конфликта, старайтесь сократить число претензий. Нельзя сразу разобраться во всех проблемах.

Придерживайтесь правила «эмоциональной выдержки». Осознавайте и контролируйте свои чувства. Учитывайте эмоциональное состояние и индивидуальные особенности участников конфликта. ...

Конечно, приведенный здесь перечень рекомендаций не является исчерпывающим. ...

Все конфликты четко можно разграничить на две основные группы по следующему критерию: одна часть конфликтов происходит от непонимания ситуации, неумения себя вести (промолчать, сдержаться и т. д.), то есть неосознанно; другая же часть - возникает сознательно по воле по меньшей мере одной из конфликтующих сторон, с целью «выплеснуть» на собеседника свою агрессивность, снять напряжение.

...Агрессивность (лат. *aggredi* - нападать) - поведение человека в отношении других людей, которое отличается стремлением причинить им неприятности, нанести вред.

Агрессивность требует выхода. Однако, выплеснувшись в виде конфликтогена, возвращается бумерангом конфликта. ...

Однако не «выпускать пар» агрессивности небезвредно для здоровья: гипертония, язва желудка и двенадцатиперстной кишки, гастриты, колиты, инсульты, ишемия, инфаркты - вот далеко не полный перечень болезней сдержанных эмоций (психосоматические заболевания).

...Существует три основных способа снятия агрессивности - пассивный, активный и логический.

Пассивный способ заключается в том, чтобы «поплакаться» кому-то, пожаловаться, просто выговориться. Слезы снимают внутреннее напряжение... Дать облегчение -это одна из важнейших функций слез.

Активные способы строятся на двигательной активности. В основе их лежит тот факт, что адреналин – спутник напряженности – «сгорает» во время физической работы...

Из спортивных занятий быстрее всего снимают агрессивность те виды, которые включают удары: бокс, теннис, футбол, хоккей, волейбол, бадминтон, гольф.

Даже наблюдение за соревнованиями даст выход агрессии.

Не менее полезны так называемые циклические упражнения...: бег трусцой, быстрая ходьба, плавание, велосипед, аэробика, просто танцы.

Для некоторых людей с этой целью неплохо подходят увлечения типа «кто кого» (охота, рыбалка), чтение и просмотр детективов, фильмов ужасов и др.

... Для кого-то идеальным может оказаться следующий способ.

Логический способ приемлем преимущественно для сугубо рациональных людей, предпочитающих логику всему остальному. Такому человеку главное – докопаться до сути явления. Ему отгонять от себя неприятные мысли - себе дороже, поэтому лучше именно сосредоточиться на неприятностях, а все остальные дела отложить на потом, пока не будет найден выход из сложившегося положения. Уже сама эта аналитическая работа успокаивает, так как отнимает много энергии. Кроме того, человек занимается привычным (и достаточно любимым) делом - работой мысли, в результате эмоции притупляются. А это уже само по себе чрезвычайно важно - суметь переключить отрицательные эмоции на положительные (или, по меньшей мере, на нейтральные).

Основными же правилами бесконфликтного общения являются следующие:

не употребляйте конфликтогены;

не отвечайте конфликтогеном на конфликтоген;

проявляйте эмпатию к собеседнику;

делайте как можно больше благожелательных посылов .

Теперь поговорим о тех факторах, которые препятствуют возникновению и развитию конфликтов. ... Правильный подбор и расстановка кадров с учетом не только профессиональных, но и

психологических качеств существенно уменьшают вероятность возникновения конфликтов.

При приеме на работу психологическое тестирование просто необходимо, тогда менеджер будет точно знать, как строить взаимоотношения при общении с персоналом. Не будет ложных образов, психологической несовместимости, обид.

Важным фактором предотвращения конфликтов является также авторитет менеджера. Быть всегда компетентным, организованным, принципиальным, честным, справедливым, требовательным, чутким, жить общим делом, а не личными соображениями о своем престиже – вот что создает авторитет менеджера и предупреждает желание противостоять ему. Авторитет менеджера – залог стабильности отношений в коллективе. Конфликты, как правило, редки и быстро прекращаются или разрешаются на деловой основе в хорошо организованном коллективе, где господствуют порядок и дисциплина, слаженная и дружная работа. Организованный коллектив отличается и большой устойчивостью, благодаря чему сохраняется его целостность. Вообще слухи, сплетни, конфликты весьма характерны для организаций, где сотрудники мало загружены, у них слишком много свободного времени. ...

Хорошим стабилизирующим фактором, препятствующим возникновению конфликтов, служат положительные традиции, сложившиеся в коллективе. Положительные традиции выступают как дополнительные нормы социальной регуляции поведения. ... но ... возможно возникновение известного психологического феномена «смещение мотива на цель», когда традиции становятся самоцелью и выступают как консервативный фактор.

Теперь о методах преодоления конфликтов. ... менеджер обязательно должен рассмотреть характеристики конфликта: цели, мотивы, эмоциональные состояния оппонентов, особенности развития противоборства и др. В психологических исследованиях определены принципы, которыми следует руководствоваться при разрешении конфликта.

1. Разрешение конфликта с учетом сущности и содержания противоречия. В этом случае необходимо:

отличить повод от истинной причины конфликта (о чем мы уже подробно говорили в предыдущей лекции), которая нередко маскируется его участниками;

определить его деловую основу;

уяснить истинные, а не декларативные мотивы вступления людей в конфликт.

Разрешение конфликта существенно осложняется, если менеджер сам является представителем одной из противоборствующих сторон. В этом случае ему трудно быть объективным и конфликт принимает публичный характер и выходит за рамки организации.

2. Разрешение конфликта с учетом его целей. Крайне важно быстро определить цели конфликтующих сторон, провести четкую границу между особенностями межличностного и делового взаимодействия. ...

3. Разрешение конфликта с учетом эмоциональных состояний. ...необходима разъяснительная беседа в спокойной и доверительной обстановке.

4. Разрешение конфликта с учетом особенностей его участников. В этом случае, прежде чем приступить к разрешению конфликта, необходимо разобраться в особенностях личности каждого (лишний аргумент в пользу психологического тестирования при приеме на работу... Это поможет не только правильно разобраться в мотивах поведения, но и выбрать верный тон в общении при разрешении конфликта.

5. Разрешение конфликта с учетом его динамики. ... Если на первых стадиях целесообразны беседы, убеждения, то на этапе бескомпромиссных столкновений необходимо применить все возможные меры, вплоть до административных. Здесь также нужно определить выбор воздействия с учетом личностных особенностей конфликтующих и характера их действий.

Одним из эффективных методов преодоления конфликтов является формирование в коллективе определенного общественного мнения о конфликтующих сторонах. Общественное мнение - очень мощный регулятор поведения людей (не случайно мы посвятили ему отдельную лекцию). Многие люди очень зависимы от отношения окружающих, нуждаются в одобрении, поддержке. Конфликтую, они могут оказаться в изоляции, что переживают очень болезненно, причем настолько болезненно, что готовы даже прекратить конфронтацию.

В психологических рекомендациях можно найти интересный прием разрешения конфликтов - обращение к «третейскому судье». Он может быть весьма эффективным, если оппоненты договорятся при взаимных обязательствах полностью подчиниться его решению. В качестве «третейского судьи» целесообразно выбирать наиболее авторитетного человека в коллективе, лучше всего, если таковым является сам менеджер. Для «третейского судьи» очень важно суметь отделить предмет конфликта от его объекта...

Теперь познакомимся еще с одним приемом преодоления конфликтов - объективизацией конфликта. ... Суть его состоит опять же в обращении к «третейскому судье», но «судья» должен вести себя несколько необычно. Во-первых, разбор конфликта должен происходить в два этапа. Первый этап называется «откровенный разговор»: оппонентам разрешается давать друг другу оценки, высказываться практически как угодно, главное, чтобы они выговорились, а «судья» сумел отделить предмет конфликта от объекта. Второй этап - собственно объективизация. При разборе оппонентам уже не разрешается давать эмоциональные оценки. Конфликт как бы раскладывается на составные части, каждый из оппонентов должен изложить свои версии и объяснение причин, без оценок другого оппонента. ... если конфликт «разложить» на его составляющие, рассмотреть беспристрастно каждое действие оппонентов, то он утрачивает эмоциональную напряженность и

превращается из эмоционального в деловой. ...деловой конфликт разрешить значительно легче, чем эмоциональный.

Надо подчеркнуть, что в разрешении конфликтов путем их объективизации очень многое зависит от поведения «третьего судьи». Надо быть не только объективным, тактичным, справедливым, но и действовать порой неординарно. ...

В заключение – несколько слов о так называемых «конфликтных личностях». Опираясь на исследования отечественных психологов (Ф. М. Бородкин, Н. М. Коряк [40]; В. П. Захаров, Ю. А. Симоненко [296]), опишем 5 основных типов конфликтных личностей.

Конфликтная личность - демонстративный тип

Хочет быть в центре внимания.

Любит хорошо выглядеть в глазах других.

Его отношение к людям определяется тем, как они к нему относятся.

Ему легко даются поверхностные конфликты, любит свои страдания и стойкостью.

Хорошо приспосабливается к различным ситуациям.

Рациональное поведение выражено слабо. Налицо поведение эмоциональное.

Планирование своей деятельности осуществляет ситуативно и слабо воплощает его в жизнь.

Кропотливой систематической работы избегает.

Не уходит от конфликтов, в ситуации конфликтного взаимодействия чувствует себя неплохо.

Часто оказывается источником конфликта, но не считает себя таковым.

Конфликтная личность - ригидный тип

Подозрителен.

Обладает завышенной самооценкой.

Постоянно требует подтверждения собственной значимости.

Часто не учитывает изменения ситуации и обстоятельств.

Прямолинеен и негибок.

С большим трудом принимает точку зрения окружающих, не очень считается с их мнением.

Выражение почтения со стороны окружающих воспринимает как должное.

Выражение недоброжелательства со стороны окружающих воспринимается им как обида.

Малокритичен по отношению к своим поступкам.

Болезненно обидчив, повышенно чувствителен по отношению к мнимым или действительным несправедливостям.

Конфликтная личность – неуправляемый тип

Импульсивен, недостаточно контролирует себя.

Поведение такого человека плохо предсказуемо.

Ведет себя вызывающе, агрессивно.

Часто в запале не обращает внимания на общепринятые нормы.

Характерен высокий уровень притязаний.

Несамокритичен.

Во многих неудачах, неприятностях склонен обвинять других.

Не может грамотно спланировать свою деятельность или последовательно претворить планы в жизнь.

Недостаточно развита способность соотносить свои поступки с целями и обстоятельствами.

Из прошлого опыта (даже горького) извлекает мало пользы на будущее.

Конфликтная личность – сверхточный тип

Скрупулезно относится к работе.

Предъявляет повышенные требования к себе.

Предъявляет повышенные требования к окружающим, причем делает это так, что людям, с которыми работает, кажется, что к ним придираются.

Обладает повышенной тревожностью.

Чрезмерно чувствителен к деталям.

Склонна придавать излишнее значение замечаниям окружающих.

Иногда вдруг порывает отношения с друзьями, знакомыми потому, что ему кажется, что его обидели.

Страдает от себя сам, переживает свои просчеты, неудачи, подчас расплачиваясь за них даже болезнями (бессонницей, головными болями и т.п.).

Сдержан во внешних, особенно эмоциональных проявлениях.

Не очень хорошо чувствует реальные взаимоотношения в группе.

Конфликтная личность – бесконфликтный тип

Неустойчив в оценках и мнениях.

Обладает легкой внушаемостью.

Внутренне противоречив.

Характерна некоторая непоследовательность поведения.

Ориентируется на сиюминутный успех в ситуациях.

Недостаточно хорошо видит перспективу.

Зависит от мнения окружающих, особенно лидеров.

Излишне стремится к компромиссу.

Не обладает достаточной силой воли.

Не задумывается глубоко над последствиями своих поступков и причинами поступков окружающих. ...Это может показаться странным, но здесь уместно дать один важный совет – относитесь с сочувствием к людям, типичные особенности которых описаны выше. Конфликтность, ставшую свойством личности, трудно преодолеть рациональным самоконтролем, усилием воли. «Воспитательные» воздействия со стороны руководителя здесь также редко приносят пользу. Конфликтность - не вина, а беда таких личностей. ...речь идет не о склочниках с низкой моралью, а о людях, имеющих специфические психологические особенности, обусловленные базовыми свойствами индивидуальности.

Список литературы

Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://www.i-u.ru/>

§ 2. Механизм и сферы возникновения коммуникативных конфликтов. Способы предотвращения/разрешения коммуникативных конфликтов. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика. Коммуникативный кодекс и коммуникативный этикет. Кодекс и правила. Приемы и языковые средства

Структура коммуникативного поведения. Осознанное достижение цели с минимальными затратами невозможно без планирования деятельности - без “стратегии” и “тактики”. Обычно стратегия рассматривается как искусство руководства, основанное на правильных прогнозах относительно цели, а тактика (точнее, тактики) - как приемы, способы достижения этой цели.

Тогда **коммуникативная стратегия** - это своего рода коммуникативный план, который предполагает определенные коммуникативные цели (на фоне определенных установок) и для которого необходима определенная коммуникативная компетентность. Коммуникативная стратегия (через коммуникативные тактики) проявляется в типовых моделях коммуникативного - и соответственно речевого - поведения. Успешная коммуникативная стратегия исходит из тех или иных коммуникативных **постулатов**, которые демонстрируют условия успешной коммуникации. В любой речевой ситуации обязательным будет, например, постулат *осмысленности кода*, его одинаковой для адресанта и адресата значимости. Однако что означает этот постулат, как может быть достигнута осмысленность кода и каковы усилия, требуемые от участников коммуникации для ее достижения? Ясно, что в деловой ситуации осмысленность кода может быть обеспечена жестким следованием традиционно понимаемой языковой норме, потому что в деловых сообщениях используется код как совокупность единиц, которые стремятся к

пределу смысловой однослойности, одномерности. Соответственно владение нормой обеспечивает почти идеальную тождественность кодов адресанта и адресата. Иное дело - рекламные сообщения (правда, за исключением так называемой рубричной рекламы, которая по своим коммуникативным характеристикам представляет собой, безусловно, деловую речь). В этих сообщениях используется код как совокупность единиц, которые изначально отталкиваются от указанной смысловой однослойности. Соответственно осмысленность кода обеспечивается не только и не столько владением нормой, но еще и единством языкового опыта, сходным объемом памяти адресанта и адресата; более того, отступление от нормы становится в рекламном тексте почти неизбежным, и эта неизбежность должна быть признана обоими коммуникантами, в противном случае возникает коммуникативный конфликт.

Постулаты, в свою очередь, уточняются в **правилах**, а правило может конкретизироваться в менее общих по характеру **инструкциях**. *Правила* - это некие положения, в которых описывается, какие действия необходимо совершать для успешной коммуникации. Например, *“чтобы используемый код был осмысленным, необходимо его соответствие норме, признаваемой говорящим и слушающим”*, *“чтобы используемый код был надежным, необходима его понятность”* и т.д. Коммуникативные правила... вырабатываются в практике общения с учетом ее результативности и принимаются, признаются на основе общего соглашения. При этом несоблюдение одних правил подвергается более строгому осуждению, а к нарушению других участники общения относятся более терпимо. Некоторые условия успешной коммуникации соотносятся с одним правилом, другие - с несколькими. Правила, соотносимые с одним условием успешной коммуникации, могут быть либо одинаково необходимы, либо взаимозаменяемы. Совокупность постулатов и правил коммуникативного поведения составляет **коммуникативный кодекс**.

Коммуниктивная тактика - это конкретная реализация стратегии, это совокупность действий, выполняемых нами в той или иной последовательности, которые реализуют/не реализуют коммуниктивную стратегию и подчиняются/не подчиняются тем или иным правилам. Такие действия могут быть простыми и сложными (как совокупность отдельных шагов по достижению единого результата; в этом случае каждый шаг предполагает решение только части задачи). В одних случаях последовательность шагов остается свободной, в других - она оказывается принципиально важной, значимой. Отсюда следует, что **механизм** возникновения коммуниктивных конфликтов заключается в том, что адресант совершает действия, не соответствующие одному или нескольким правилам, обязательным в данной ситуации общения, или нарушает порядок их выполнения.

Естественно, что коммуниктивное поведение зависит от того, что находится вне текста. Но текст, в свою очередь, становясь элементом дискурса, влияет на последующее коммуниктивное поведение участников общения. Это влияние проявляется в изменениях коммуниктивных тактик на разных этапах исторического развития.

Коммуниктивные действия могут осуществляться - и, как правило, осуществляются по определенному образцу, стереотипу... Стереотипный способ коммуниктивного решения, выполнения того или иного правила представляет собой **модель** коммуниктивного - или речевого - поведения. В зависимости от типа коммуникации доля повторяющихся, стереотипных решений, стереотипного поведения будет, безусловно, различной (ср.: жесткое требование следовать стереотипам в деловой речи и требование избегать стереотипов в художественной речи), однако в любой ситуации можно выявить и описать такие модели. И модели эти могут быть конфликтными и бесконфликтными.

Для выполнения действий коммуникантам необходимы инструменты. Так как по своей материальной оболочке большинство производимых

коммуникантами действий являются речевыми, основными **инструментами** для совершения данных действий будут приемы и языковые средства. Поэтому описание совершаемых коммуникантами действий возможно через понятия “прием” и “средство”. **Прием** - это способ организации тех или иных элементов текста, необходимый для выполнения того или иного правила., а **средство** - это отдельная языковая единица, которая либо входит в какой-то прием, либо используется самостоятельно для выполнения того или иного правила. Поскольку материализацией речевого поведения выступает текст, то по его языковым характеристикам можно делать выводы о том, какие действия совершает коммуникант и каким правилам подчиняются производимые им действия.

Правила успешной коммуникации. Каждый, кто участвует в коммуникации, интуитивно стремится следовать некоторым нормам и правилам, позволяющим, по его мнению, общаться результативно, успешно. Однако как определить эти правила, что входит в их набор?

...общий перечень достоинств речи в течение столь долгого времени не претерпел существенных изменений, хотя сами эти достоинства назывались по-разному, говорит, по-видимому, о том, что и нам стоит его принять как исходный перечень в поисках тех основных коммуникативных постулатов и правил, которые связаны с кодом. Попытаемся только уточнить сами понятия.

Правильность - минимальное качество хорошей речи, которое состоит в соответствии речи принятым языковым нормам. “Ведь если мы и хвалим правильность языка (как я сам только что сказал),- замечает по поводу этого качества римский политический деятель, оратор и писатель Марк Туллий Цицерон,- то не столько потому, что она ценна сама по себе, сколько потому, что слишком многие ею пренебрегают; уметь правильно говорить по-латыни - еще не заслуга, а не уметь - уже позор, потому что правильная речь, по моему, не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого римлянина.”...

Ясность - качество речи, которое состоит в том, что мы можем понять речевое сообщение так, как это задумывал автор...

Целесообразность - это качество речи, которое состоит в соответствии речи, избираемого языкового средства (из нескольких возможных) целям общения, особенностям адресанта и адресата, предмету речи...

Красота - это качество речи, которое обеспечивается использованием в ней особых способов выражения мысли; к таким способам в риторике обычно относят тропы (греч. tropos- поворот) и фигуры, хотя уже в античности с понятием “красоты” связывали в целом проблему выбора выразительного слова, считая, что речь может быть “и изобильной, но вместе с тем изящной, и скудной, но не лишенной крепости и силы, и, наконец, такой, какая держится похвального среднего пути, соединяя качества того и другого рода” ...

По отношению к каждому из отмеченных компонентов, влияющих на коммуникативное поведение участников общения, адресант и адресат имеют осознаваемые или неосознаваемые цели и установки. Эти цели и установки могут совпадать или расходиться. Отсюда основными **сферами** возникновения коммуникативных конфликтов являются: 1) сфера кода; 2) сфера контакта и 3) сфера контекста.

Нас, однако, успешность коммуникации интересует только с точки зрения того, какими языковыми средствами создается совпадение или расхождение целей и установок адресанта и адресата, какими средствами может быть достигнута коммуникативная кооперация и что в речевом поведении коммуникантов приводит к конфликту между ними. Потому что возникновение коммуникативного конфликта в первую очередь манифестируется через код, связано с использованием кода, языка как основного средства общения. Поэтому мы не включаем в исследование сферу контекста, а рассматриваем только две сферы - кода и контакта.

Ясно, что, используя язык, мы совершаем действия смысловыражающие и собственно контактные, обеспечивающие

взаимодействие. Именно поэтому нельзя исключать из рассмотрения сферу контакта, ведь, как это уже было отмечено, тип отношений между участниками общения, особенности их взаимодействия проявляются в том, как они используют язык. Таким образом, понятие “коммуникативный конфликт” (конфликт в коммуникации) - более широкое, чем понятие “собственно речевой конфликт” (лингвистический конфликт); коммуникативные конфликты - это конфликты и в сфере кода, и в сфере контакта.

Итак, основные составляющие коммуникативного кодекса, о которых пойдет речь, - это постулаты и правила, следование которым обеспечивает возникновение *общего знакового пространства* адресанта и адресата, и правила, следование которым обеспечивает возникновение *общего контактного пространства* адресанта и адресата. Соответственно в первом случае мы будем говорить о конфликтах речевых решений, а во втором - о конфликтах контактных решений. Таким образом, общая типология коммуникативных конфликтов в данном исследовании имеет наиболее простое и естественное основание - сферы их проявления.

... Оригинальное представление о тех механизмах, которые создают барьеры в коммуникации, предложил Б.Ф.Поршнев. Он рассматривает всякую речь как воздействие на адресата (суггестию), и соответственно, исходит из того, что барьеры создаются в первую очередь адресатом как своеобразная форма защиты от суггестии. К основным видам подобной защиты исследователь относит *избегание, авторитет и непонимание*. Однако позиция его явно непоследовательна. Например, рассматривая *непонимание* как форму защиты, Б.Ф. Поршнев выделяет четыре его уровня:

- 1) фонетический (непонимание возникает из-за использования неопознаваемого адресатом набора фонем);
- 2) семантический (непонимание возникает из-за использования неопознаваемой адресатом семантики, из-за расхождения тезаурусов адресанта и адресата);
- 3) стилистический (непонимание возникает из-за несоответствия между формой и содержанием

сообщения); 4) логический (непонимание возникает из-за разного рода логических погрешностей в сообщении, из-за расхождения в “логиках” адресанта и адресата).

При всей лингвистической неточности и непоследовательности рассуждений данного автора (абсолютно ясно, например, что нарушение логических закономерностей выступает в речевом сообщении как искажение смысла и, следовательно, не может не быть семантическим; несоответствие между формой и содержанием может быть вызвано нарушением логических правил или законов), важным моментом в них представляется тот факт, что конфликты общения в виде разного рода барьеров создаются, по мнению исследователя, адресатом. Однако это не совсем так: безусловно, именно адресат демонстрирует, раскрывает, актуализирует подобные конфликты. Но источником, провокатором конфликта может быть и адресат, и адресант, причем вероятность последней ситуации, на наш взгляд, несколько выше.

Возьмем **код** как сферу возникновения коммуникативных конфликтов, то необходимо исходить из того, что код в этом случае используется для упаковки/распаковки информации о реальном мире. Для того, чтобы запустить такой код, необходим предварительный договор о том, как коммуниканты будут его использовать, необходимо единство кодов, иначе коммуникация не состоится. Поэтому обязательным оказывается согласие адресанта и адресата по поводу постулатов, соблюдение которых позволяет адресанту сообщить, а адресату получить информацию.

Мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что речевые ситуации, в которых жестко соблюдаются эти постулаты, - скорее недостижимый идеал, чем реальность, что абсолютное равенство кодов любых двух коммуникантов невозможно. “Для того, чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, - замечает в статье “Три функции текста” Ю.М.Лотман, - нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т.е., фактически, чтобы они в

семиотическом отношении представляли бы как бы удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки-дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией. ...Если увидеть в адекватности передачи сообщения основной критерий оценки эффективности семиотических систем, то придется признать, что все естественно возникшие языковые структуры устроены в достаточной мере плохо. ...Даже утверждение, что оба участника коммуникации пользуются одним и тем же естественным языком (английским, русским, эстонским и т.д.), не обеспечивает тождественности кода, так как требуется еще единство языкового опыта, тождественность объема памяти. А к этому следует присоединить единство представлений о норме, языковой референции и прагматике. Если добавить влияние культурной традиции (семиотической памяти культуры) и неизбежную индивидуальность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному члену коллектива, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой весьма относительной степени”. Все это справедливо. И все-таки стоит обратить внимание на два момента в размышлениях Ю.М.Лотмана, которые позволяют обсуждать принципиальную возможность одинакового или в значительной степени сходного владения кодом у обоих участников коммуникации:

- 1) степень сложности сообщения;
- 2) уровень описания степени совпадения кодов.

Эти два момента связаны друг с другом. Чем выше степень сложности передаваемого сообщения, тем меньше возможностей для совпадения кода и тем поверхностнее уровень, на котором имеет смысл описывать степень совпадения кодов (например, фонетический и грамматический уровень описания располагается на поверхности; уровень языковых значений находится глубже; еще глубже - уровень ассоциаций и т.д.). Забегая вперед, заметим, что степень сложности передаваемых и воспринимаемых

сообщений в области массовой коммуникации не может быть слишком высокой, и, следовательно, здесь может быть достигнуто значительное совпадение кодов; в то же время уровень описания степени подобного совпадения не может быть только поверхностным. К тому же независимо от степени сложности сообщения и уровня описания степени совпадения кодов существенным моментом описания правил использования кода является то, в каких категориях описываются эти правила, - *предметных* или *операционных*. Классическая риторика, как уже было отмечено, пользовалась предметным описанием правил; мы же предлагаем операционный подход.

Именно этот подход принимается (во всяком случае - провозглашается обязательным) в теории речевой деятельности. ... Рассматривая проблему коммуникативных имплицатур, Г.П.Грайс вводит понятие “принципа кооперации” как основного принципа речевого общения, которое он определяет как диалог между участниками общения. Понятие “принцип” конкретизируется далее в понятии “постулат”. В частности, принцип кооперации конкретизируется Г.П.Грайсом в постулатах, которые он, вслед за И.Кантом, распределяет по четырем категориям - Количества, Качества, Способа и Отношения.

К категории Количества относятся постулаты, связанные с количеством информации, которое требуется передать:

1) “Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога).”

2) “Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется”.

К категории Качества относится постулат “Старайся, чтобы твое высказывание было истинным”.

С категорией Отношения связан постулат релевантности - “Не отклоняйся от темы”.

Наконец, с категорией Способа, которая, по мысли Г.П.Грайса, касается не того, *что* говорится (как остальные категории), а скорее того, *как*

это делается, относится один постулат “Выражайся ясно”; последний, в свою очередь, уточняется в более частных постулатах:

- 1) “Избегай непонятных выражений”.
- 2) “Избегай неоднозначности”.
- 3) “Будь краток (избегай ненужного многословия)”.
- 4) “Будь организован”.

Г.П.Грайс особо подчеркивает, что существуют постулаты иной природы - эстетические, социальные или моральные, которые он не относит к коммуникативным; его же исследовательская задача заключается именно в том, чтобы представить коммуникативные постулаты, потому что именно они связаны с теми специфическими целями, для достижения которых приспособлен и в первую очередь используется язык⁴⁴.

В целом понятие “постулат”, используемое в работе Г.П.Грайса, соответствует нашему понятию “правило”; ...определить набор необходимых постулатов можно, как нам представляется, исходя из тех ситуаций, которые ставят коммуникантов в “неприятные” ситуации и тем самым заставляют их отказываться от достижения указанных целей. В самом общем виде есть три основные ситуации такого типа.

Отказы адресанта. В каких ситуациях адресант отказывается от создания текста или от его передачи, от общения?

Ситуация 1. Адресант может отказаться от общения из-за невозможности упаковать информацию, отсутствия необходимого для передаваемой информации кода: “я не буду вступать в коммуникацию, потому что я не знаю кода, не могу воспроизвести его и обеспечить его прозрачность”. Реакцией на такую ситуацию будет коммуникативная паника. Суть ее состоит в том, что путем перебора, перестановки и комбинирования языковых единиц адресант ищет такое языковое средство, которое оценивается им как наиболее правильное и ясное и которое позволяет ему быть уверенным в том, что он сумеет преодолеть непонимание адресата. При

этом адресант может остаться с ощущением “нет, вы меня не понимаете”, “нет, я хотел сказать совсем другое”. ...

Ситуация 2. Адресант может отказаться от общения по соображениям смысловой ценности кода, из-за невозможности добиться соответствия между сведениями, которые он хочет передать адресату, и языковыми средствами имеющимися в его актуальном языковом опыте: “я не буду вступать в коммуникацию, потому что не могу найти подходящие для нужного мне смысла слова, не могу сказать ровно столько, сколько нужно собеседнику, и таким образом, не имею способа выражения, который и он, мой собеседник, считает наиболее приемлемым”.

Ситуация 3. Адресант может отказаться от общения по соображениям ситуативной уместности кода, из-за невозможности добиться соответствия, диктуемого данной речевой ситуацией: “я не буду вступать в коммуникацию, потому что не могу найти подходящие для данной речевой ситуации слова, и таким образом, не имею способа выражения, который и он, мой собеседник, считает наиболее приемлемым”.

Отказы адресата. В каких ситуациях адресат отказывается от получения текста, от общения?

Ситуация 1. Адресат может отказаться от общения из-за невозможности расшифровать сообщение, распаковать информацию: «я не хочу оставаться в коммуникации, потому что не понимаю речевого сообщения, не знаю, что на самом деле хочет сообщить мне собеседник». Реакцией на такую ситуацию будет коммуникативная паника. Суть ее состоит в том, что адресат или хаотически передвигается по сообщению, или постоянно от него отвлекается, или вообще отказывается от общения.

Ситуация 2. Адресат может отказаться от текста по соображениям смысловой ценности речевого сообщения: «я не хочу оставаться в коммуникации, потому что предметы или события, описываемые в тексте, мне неинтересны, или потому, что здесь нет ничего нового для меня”. Иногда значимость предмета речи создается до коммуникации, до текста - тогда

речевое сообщение не сталкивается со значимостной защитой читателя. Однако в текстах СМИ, ориентированных на массовую аудиторию, описываемые предметы и события не могут быть объективно значимы для каждого читателя, поэтому речевое сообщение вынуждено преодолевать значимостную защиту адресата. Отсутствие новой информации о предмете или событии в тексте провоцирует догматическую защиту читателя, реакцию типа «я об этом знаю гораздо больше», «это банально».

Ситуация 3. Адресат может отказаться от общения по соображениям ситуативной уместности кода: «я не хочу оставаться в коммуникации, потому что не знаю, как себя вести в данной речевой ситуации, или потому, что, на мой взгляд, адресант ведет себя не так, как этого требует речевая ситуация».

Зеркальность этих опасных ситуаций очевидна. Поэтому на их основе можно установить те постулаты, которым при успешной коммуникации подчиняется использование кода:

1) **постулат осмысленности:** коммуниканты должны владеть воспроизводимым кодом; это значит, что до начала коммуникации должна быть достигнута договоренность по поводу того, в каких соотношениях находятся код и отражаемая с помощью этого кода действительность;

2) **постулат надежности:** коммуниканты должны владеть прозрачным кодом; это значит, что в пределах конкретного речевого сообщения код должен обеспечивать сходство в понимании: версии смысла - та, которая вкладывается в речевое сообщение адресантом, и та, которая извлекается адресатом, - должны совпадать в той мере, в какой это в принципе возможно;

3) **постулат достаточности:** коммуниканты должны владеть насыщенным, сбалансированным кодом; это значит, что используемые средства в глазах обоих участников общения должны представляться достаточными с точки зрения передаваемых сведений, или темы, этих средств не должно быть больше или меньше, чем требуется в данной ситуации;

4) **постулат ситуативности:** коммуниканты должны владеть значимостным кодом, закрепленным в данной речевой ситуации; это значит, что используемые средства в глазах обоих участников общения должны представляться уместными, с учетом конкретной речевой ситуации код должен обеспечивать баланс ситуативных, стилистических установок адресанта и адресата. ...

само понятие “целесообразность” требует существенного уточнения по сравнению с толкованиями в классической риторике и потому считаем необходимым от него отказаться.

Возьмем далее **контакт** как сферу возникновения коммуникативных конфликтов, необходимо исходить из того, что язык в этом случае используется для демонстрации/потребления информации коммуникантов о типе взаимодействия между ними. Поэтому обязательным оказывается согласие адресанта и адресата по поводу постулатов, соблюдение которых позволяет им устанавливать оптимальную форму контакта.

Общеизвестным является тот факт, что речевое сообщение каким-то образом отражает, проявляет «лицо» отправителя информации: «...речь по своему происхождению есть бытие-для-другого; она выполняет двойную функцию - передачи означающих и *самовыражения субъекта*». На основе некоторого текста мы порой можем - с той или иной степенью уверенности - описать не только мировосприятие и мировоззрение адресанта, его убеждения, жизненную позицию. Текст вызывает у нас также разнообразные представления - часто неосознаваемые, «размытые» - о характере и темпераменте адресанта, его склонностях и эмоциональном состоянии... Что здесь наиболее важно для адресата? Важно прежде всего то, каким будет отношение адресанта «к самому себе», т.е. каким он показывает, «подает» себя в тексте. Важно также и то, каким будет отношение адресанта «к другим», т.е. какими он показывает, изображает в тексте других - например, в газетном материале это «герой» и «читатель», в радио- или телевизионной беседе - «собеседник», «герой», «слушатель». На основе этих данных у

адресата складывается впечатление об адресанте как собеседнике, участнике общения, речевого контакта; адресат как-то оценивает «роль» адресанта в этом контакте, цели и мотивы его общения с собеседниками...То, что мы узнаем об адресанте и адресате, об особенностях отношений между ними, о ходе их общения, влияет на наши симпатии и антипатии к говорящему или пишущему, а от этого часто зависит, каким будет общее восприятие материала, согласится ли адресат с доводами и аргументами адресанта, с описаниями и оценками ситуаций или событий. Иногда газетный материал, оцененный на редакционной «летучке» как удачный, хороший, профессионально написанный, остается без читательского внимания. И мотивы такого поведения читателей, такого отношения к тексту часто непонятны журналисту. Обычно эти мотивы ищут в отношении читателя к теме или «подаче» этой темы в материале. Между тем единственным недостатком текста может быть отсутствие контакта между журналистом и аудиторией: пишущий оказывается для меня, читателя, чужим человеком, мне не нравится манера общения или манера разговора журналиста, и поэтому у меня не возникает желания с ним общаться, слушать его. В этой ситуации я либо вообще не читаю материал, либо говорю, что это плохой, неудачный текст. Кто-то может думать, что ему полностью безразлично, как складываются его отношения с автором того или иного текста. Однако эксперименты показывают, что даже такой человек оценивает речевое сообщение и по этому параметру. Например, в исследовании популярности информационно-аналитических программ на ТВ каждый четвертый зритель давал такую оценку передачам: «не нравится, раздражает ведущий»... Подход к речевому сообщению с этих позиций позволит определить правила, регулирующие межличностные отношения коммуникантов (отраженные в тексте, речевом сообщении),- и это должны быть не только известные постулаты вежливости, поведенческого или речевого этикета, но также регулирование, увязывание иных особенностей двух (или более) общающихся личностей.

Обычно мы говорим о восприятии речевого сообщения как об общении между адресантом и адресатом. Это кажется естественным: любое речевое взаимодействие как будто можно назвать речевым общением, ведь функция общения, коммуникативная функция - одна из основных функций языка. Однако всегда ли то, что мы называем «общением», им является? Часто мы говорим об общении между автором и адресатом, когда общения собственно нет. Попытаемся в этом разобраться.

...Но что же такое «диалог»? Нормы и принципы организации диалога как способа общения описаны в психологии: это эмоциональная и - более широко - личностная раскрытость партнеров по общению, это психологический настрой на актуальное состояние друг друга, безоценочность (т.е. непредвзятое отношение), доверительность и искренность выражения собственных чувств и состояний. В диалоге «две личности начинают образовывать некое общее психологическое пространство и временную протяженность, создавать единое эмоциональное «со-бытие», в котором воздействие (в обычном, объектном, монологическом смысле этого понятия) перестает существовать, уступает место психологическому единству субъектов. «Общение диалогического типа возможно только на основе единого контактного пространства, *равноправных* отношений партнеров, на основе ориентации на *близкие* отношения с партнером, на *индивидуальную неповторимость* каждого из партнеров.

Какие же тексты массовой информации можно назвать «диалогом»? Может быть, это тексты, написанные в такой речевой форме, как диалог? СМИ дают нам разнообразные формы подобного «диалога», когда информацией обмениваются журналисты или журналист и не-журналист (интервью - интервью-проблема и интервью-портрет; дискуссия; беседа; читательское письмо; «дубль-тексты»; особой разновидностью «дубль-текстов» является дискуссия в газете или на телевидении - здесь уже возможен и необходим «диалог» журналиста и его собеседников, журналиста и какого-то читателя, «диалог» читательских писем; общение газеты с

конкретным, определенным читателем складывается главным образом на основе читательских писем: газета может напечатать такое письмо как самостоятельный текст или дать журналистский комментарий к письму, ответить на это письмо).

Муравьева Н.В. Язык конфликта //

<http://www.dere.com.ua/library/muravyeva/soder.shtml>

Глава 4. СФЕРА КОНТАКТА: общее коммуникативное пространство

Правила, связанные с постулатами контакта, призваны обеспечить общность коммуникативного пространства адресанта и адресата. «Коммуникативное пространство» человека - это его знания и представления о том, как принято общаться в той или иной ситуации. Чем больше у людей общих знаний и представлений, тем ближе отношения между ними, тем интенсивнее их общение и, наоборот, чем ближе отношения между людьми, тем больше у них общих знаний и представлений. ...

Правила, связанные с постулатами контакта... носят характер взаимного соглашения между адресантом и адресатом и всегда зависят от их исходной установки на тип контакта - «нулевой», односторонний или двусторонний. В зависимости от типа установки одно и то же правило будет иметь разное смысловое наполнение. Учитывая особенности адресанта и адресата в СМИ, а также провозглашение адресата как абсолютной ценности в массовых информационных потоках, можно говорить о том, что двусторонний контакт - независимо от жанра или формы речи - это оптимальная *контактная стратегия* в текстах СМИ. В сфере массовой информации потребность в единичности и конкретности общения испытывает не только адресант, но и адресат. «Почти каждое утро начинается для меня с общения с живым, доброжелательным другом - учителем, собеседником - «Комсомольской правдой». Ни разу за все эти годы у меня не было желания расстаться с моим другом.» «Для читателей, тем более молодежного возраста, «Комсомольская правда» должна быть не только и не столько источником информации (интересной, оперативной, необычной, редкой и малодоступной), а настоящим другом (подругой, скорее), с которым можно подискутировать, посоветоваться, отдохнуть,

обмениваться информацией.» (КП. 1987. 10 дек.). Ср.: “Только после того, как автор “Преступления и наказания” поставил себя в *прямые* отношения с читающей Россией, только после того, как он заговорил с ней от *первого лица* и попытался разрушить вечную преграду, отделяющую писателя от читателя, - только тогда, неожиданно для себя самого, он оказался в *фокусе жгучего общественного интереса* (выделено нами. - Н.М.)”...Основной закон диалога - это равные права и возможности в реализации основных коммуникативных целей. Соответственно для двустороннего контакта правила контактного поведения предусматривают именно такое равенство. Между тем важно учитывать, что в сфере массовой информации речевое сообщение не дает полного равенства участникам речевого контакта: равенство журналиста и читателя может быть проявлено в тексте главным образом тогда, когда мы говорим о реализации двух коммуникативных потребностей - потребности в обращении и потребности в сообщении. Конечно, реализовать в газетном тексте потребность в выражении, точнее, в самовыражении, читатель почти не может (правда, у слушателя или зрителя здесь возможностей больше). Однако адресант... всегда может установить на основе текста близкие, «личностные» отношения с адресатом путем сокращения коммуникативной дистанции и тем самым компенсировать недостаточность самовыражения адресата, так как близость отношений потенциально свидетельствует о возможности самовыражения для обоих коммуникантов в ситуации контакта.

Муравьева Н.В. Язык конфликта //

<http://www.dere.com.ua/library/muravyeva/soder.shtml>

§ 5. Общие особенности речевого поведения. Основные правила, связанные с кодом. Речевая стратегия. Конфликты речевых решений

В ситуациях общения мы - осознанно или неосознанно - следуем определенным правилам, связанным с кодом, соотнося их со своими целями и теми постулатами, которые мы принимаем, - так в нашем речевом поведении реализуется та или иная **речевая стратегия**. Если говорящий и воспринимающий ориентируются на разные кодексы речевого поведения, разные системы постулатов и правил (разный их набор и/или разную иерархию внутри одного набора), это приводит к конфликтам речевых решений.

С кодом связаны четыре основных постулата и четыре основных правила. ... **постулат** осмысленности кода и правило легальности, ... **постулат** надежности кода и правило понятности, ... **постулат** достаточности кода и правило баланса, ... **постулат** ситуативности кода и правило закреплённости.

5.1. Осмысленность кода. Правило легальности. Норма и «лингвистический вкус». Сходство/различие языковых представлений и оценок

Для достижения осмысленности кода необходимо соблюдать **правило легальности**: «чтобы используемый код был осмысленным, необходимо его соответствие норме, признаваемой говорящим и слушающим». Но эта признаваемая коммуникантами «норма» не всегда совпадает с представлением об установленной, кодифицированной норме литературного языка, и на самом деле именно легальность языкового способа выражения осознается говорящими как правильность. Участники общения могут ориентироваться не только на норму, но и на собственное представление о ней, иначе говоря - на речевое поведение, на «лингвистический вкус».

Вообще реальность оппозиции «норма-речевое поведение» заложена уже в самом определении термина «норма» (это то, как **принято говорить и писать** в данном обществе в данное время, и это **образцовое** употребление языка; между тем абсолютно ясно, что эти две вещи не всегда совпадают).

Культура речи и практическая стилистика дают нам основные рекомендации, необходимые для того, чтобы наша речь соответствовала норме, была правильной. ... Поэтому мы видим свою задачу ... в том, чтобы показать, как действует правило легальности, какие **знания и умения** входят в коммуникативную компетенцию говорящего и слушающего в связи с правилом легальности, если при его выполнении коммуникант следует именно за нормой. Установим эти знания и умения в виде вопросов:

Конструирующая программа:

1) Как устроена языковая система? Какие правила регулируют ее использование? Что такое норма?

2) Какова речевая практика сегодня? Где мы отступаем от нормы чаще, т.е. где в языковой системе наиболее «опасные» зоны?

3) Почему мы нарушаем правила, устанавливаемые нормой?

4) Можно ли в некоторых случаях норму нарушать, и если да - что это за случаи?

Принимающая программа:

1) Как устроена языковая система? Какие правила регулируют ее использование? Что такое норма?

2) Нарушает ли адресант норму, и если да - почему он это делает?

В каких речевых действиях мы сталкиваемся с дилеммой легально/нелегально (¢ уже - нормативно/ненормативно)? Для говорящего наиболее естественными и заметными являются «действия со словами», потому что всегда кажется, что наш инструмент в речи - это именно слово как смысловая единица¹⁰⁵. К действиям со словами мы относим:

1) «я выбираю слово и соединяю его по смыслу с другими словами»;

2) «я использую старое слово в новом значении»;

3) «я создаю новое слово».

Действие 1. «Я выбираю слово и соединяю его по смыслу с другими словами».

Наши действия при выборе слова и его «соседей» будут соответствовать общепринятой норме, если мы будем соблюдать следующие инструкции:

1) *проверяй связь «слово (его смысл, лексическое значение) - предмет», так как слова называют строго определенные предметы;*

2) *учитывай, что соединение слов друг с другом по смыслу подчиняется:*

а) *тем признакам, которые составляют лексическое значение слова;*

б) *языковой традиции, которая нередко накладывает ограничения даже на сочетаемость слов, допустимую по смыслу;*

в) *стилистическим особенностям слова.*

Модель 1: соответствие слова называемому предмету и соответствие между словами

Если, допустим, мы используем слово *трель*, то нам надо знать, что это «переливчатый, дрожащий звук от быстрого повторения двух соседних тонов», поэтому правильным будет сочетание *соловьиная трель*, неправильным *трели гармони*, потому что звуки, которые издает гармонь, - это *переливы* (в значении «переход из одного оттенка (цвета, звука) в другой»). ...

Рассмотрим ситуации, возникающие при нарушении указанных инструкций.

Модель 2: несоответствие слова называемому предмету

«Там Шамилю Басаеву **отрезали** ногу» (РТР. Вести. 2000. 9 ноября) [вместо соответствующего описываемой ситуации слова *ампутировали* (что значит «удалить оперативным путем больную конечность, наружную часть тела») используется слово *отрезали* (что значит «отделить, разрезав» - *отрезать хлеб*)]...

Модель 3: несоответствие между словами

*«На нем серый костюм, белая рубашка и **монотонный** галстук, хорошо сочетающийся с костюмом»* [вместо правильного слова *однотонный* (в значении «одного цвета, одной окраски») используется неправильное в этом сочетании слово *монотонный* (в значении «очень однообразный по тону, интонации»; *монотонное пение, монотонный голос*)]

...

*«По всей видимости, не будет **обойдена провокациями** и наша бригада.»*(КП. 1996. 18 февр.) [потенциальный конфликт между адресантом и адресатом ... возникает из-за стилистических, оценочных диссонансов]

Как видим, следование так называемой «общепринятой» норме в текстах массовой информации не является безусловным. Причины, из-за которых нарушаются общепринятые нормы, различны. Есть причины, которые провоцируются самим коммуникантом (адресантом/адресатом), и есть причины, которые провоцируются кодом. К причинам первого ряда мы относим:

1) недостаточный уровень владения кодом, «экзотичность» слова в речевом опыте коммуниканта; отсутствие «чувства слова»; это чувство можно развивать не только с помощью учебников, пособий и словарей - общих и специальных, но и с помощью различных упражнений;

2) нежелание следовать существующей норме, установка: «норма - это то, как я говорю», ориентация не на общепринятую норму, а на собственное речевое поведение...

К основным причинам второго ряда мы относим:

1) периферийное положение слова в языке - лексическая система языка строится по так называемому «полевому принципу», ней есть ядро (слова, которые активно употребляются, известны многим из нас) и периферия (слова, которые по той или иной причине реже используются или известны не многим); «опаснее» с точки зрения правила легальности именно периферийные слова, но парадокс заключается в том, что журналисты - в

силу необходимости или осознанного желания, ... как раз такие слова и употребляют; значит, в коммуникативную компетенцию журналиста должно войти знание об этих «опасных» словах - к ним в наше время можно отнести прежде всего заимствованные слова (сюда включаем и термины, которые большей частью заимствованы из других языков)¹, устаревшие слова² и жаргонизмы³;

2) аналогии, существующие между словами в речевом сознании коммуниканта как отражение связей между словами в языковой системе, а также недискретность реального мира, тесная связь между предметами и, как следствие, связь между словами, обозначающими данные предметы.

Действие 2. «Я создаю новое слово».

Наши действия по созданию нового слова будут соответствовать норме, если мы будем соблюдать следующие инструкции:

1) *образуй новое слово по определенным схемам, заложенным в системе языка, от имеющихся в языке слов и словосочетаний, с использованием морфем, которые есть в русском языке;*

2) *подумай, зачем необходимо новое слово:* новое слово создается либо для называния какого-то действительно нового предмета, либо в связи с каким-то стилистическим заданием.

Модель 1: правильное новое слово

Допустим, мы хотим назвать ученика, который списывает у других какие-то контрольные работы. В этом действии можно выделить три шага.

¹ О трудностях в использовании заимствованных слов в текстах СМИ см., например: Рахманова Л.И. "Красавец с экзотическим имиджем и хорошими вокальными данными (заимствованные слова в газете)//Журналистика и культура русской речи. Вып.2. М. 1997. С.40-49; Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков// Русская речь.2000. № 1. С.35-40; он же. Заметки об иноязычных словах (планер, гексаген, имейл)//Русская речь. 2000. № 3. С.40-42.

² О трудностях в использовании устаревших слов в текстах СМИ см.: Аникина А.Б. Живое слово и его смысл// Журналистика и культура русской речи. Вып.1, М., 1996. С.25-37; Она же. Старые слова в современной публицистике// Журналистика и культура русской речи. Вып.5. М., 1998, с.18-29; Муравьева Н.В. Загадочный "синопсис"// Русская речь. 1998. № 2.

³ О трудностях в использовании жаргонизмов в текстах СМИ см., например: Муравьева Н.В. О любви к "особым" словам//Русская речь. 1998. № 5. С.74; Широкова Е.В. Жаргонизмы в прессе//Журналистика и культура русской речи. Вып.2. М., 1997. С.50-56; Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков// Русская речь.2000. № 1. С.28-35.

Шаг 1. «Выбираем подходящую схему». Человек, который учит кого-то= учи-тель; человек, который программирует= *программ-ист*; человек, который заводит, т.е. выступает зачинщиком чего-то= *заводи-л(а)*; человек, который зубрит= *зубри-лк(а)*.

Шаг 2. «Оцениваем полученный результат». Слово *списываист* невозможно, потому что суффикс *-ист* присоединяется только к основе, которая заканчивается на согласный звук; значит, нашего ученика мы можем назвать *списыватель*, *списывала*, *списывалка*; все они образуются по законам русского языка, но второе, похожее на глагольную форму, нежелательно, потому что из-за него предложение может стать непонятным, два оставшихся слова понятны, но какое из них мы выберем, зависит от нашей цели, нашего стилистического задания.

Шаг 3. «Выбираем слово в соответствии с целью». Если мы хотим сказать, что этот ученик занимается плохим делом, лучше назвать его *списывалка* (ср. *зубрилка*, *курилка*); без такой оценки подойдет и слово *списыватель* (однако и в этом случае чувствуется ирония, насмешка).

Модель 2: «опасное» новое слово

Такие новые слова либо строятся на основе неправильного сочетания (например, *здраводышащий* - «здорово+дышать»), либо создаются взамен существующих слов без какого-то стилистического задания (например, *якутинская подруга* вместо *якутская*; процедура *сбюрократизирована* вместо обычного слова *забюрократизирована*)...

Действие 3. «Я использую старое слово в новом значении».

В этом случае исходное значение слова расширяется или сужается или у слова появляется значение, называемое переносным,- скажем, это будет метафора или метонимия. Наши действия, изменяющие значение слова, будут соответствовать норме, если мы будем соблюдать следующую инструкцию: «*необходима полная ясность относительно того, как новое значение соотносится со старым*».

Модель 1: неправильная метафора

Коммуникативные конфликты возникают тогда, когда метафора создается на основе весьма приблизительного, неярко сходящего между предметами, признаками или действиями:

*«Трудно передать тот взрыв эмоций, **пробежавший** по толпе людей при появлении Олега Газманова и его группы «Эскадрон».»* [*пробежать* в переносном смысле значит «появиться и быстро исчезнуть, мелькнуть», основа этого значения - «передвижение», а *взрыв* в переносном смысле значит «внезапное сильное и шумное проявление чего-либо», основа этого значения - «сила и громкость», здесь нет никакого «передвижения», поэтому нельзя сказать «пробежавший по толпе взрыв»]

Напомним, что мы обсуждали действия говорящего «со словами». Однако ему приходится выполнять также грамматические действия:

1) «я выбираю грамматическую форму слова и соединяю его с другими словами грамматически»;

2) «я выбираю синтаксическую конструкцию».

Действие 1. «Я выбираю грамматическую форму слова и соединяю его с другими словами грамматически».

Наши действия при выборе грамматической формы слова будут соответствовать норме, если мы будем соблюдать следующие инструкции:

1) *учитывай, что каждое слово существует в наборе грамматических форм;*

2) *точно выбирай нужный вариант, потому что многие грамматические формы слова имеют варианты, которые по-разному оцениваются нормой;*

3) *при соединении слов учитывай не только их смысл, но и грамматические особенности.*

Допустим, если мы используем существительное, которое зависит от глагола (или другого существительного), т.е. решаем проблему управления, то наше реальное грамматическое действие будет состоять из двух шагов:

Шаг 1. «Выбираем необходимую форму падежа для зависимого существительного»

Шаг 2. «Решаем, нужен или нет предлог между главным и зависимым словом, и если да - то какой это предлог»

Покажем одну из распространенных моделей, способных порождать собственно речевые конфликты при выполнении этих шагов.

Модель 1: «лишний» предлог

*«Поначалу англичане и французы были бессильны против этих «летающих гробов проклятых бошей (цепеллинов.- Н.М.).» «Петербургский фонд имущества, занимающийся приватизацией объектов недвижимости Санкт-Петербурга, столкнулся в последнее время с **трудностями по** пополнению городской казны.» [вместо трудности чего?]....*

Действие 2.»Я выбираю синтаксическую конструкцию».

Наши действия при выборе синтаксической конструкции будут соответствовать норме, если мы будем соблюдать следующие инструкции:

1) *«если начинаешь предложение, допустим, как простое, не заканчивай его как сложное и наоборот»*, потому что разные типы предложений исключают друг друга;

2) *«помни, что порядок слов в предложении имеет свои законы»;*

3) *«помни, что любая осложняющая конструкция (однородные члены предложения, обособленные члены предложения, вводные и вставные конструкции или обращения) строится по определенным правилам».*

Известно, например, что в русском языке свободный порядок слов. Однако если мы возьмем простую фразу «Вчера он вернул мне сто рублей» и попробуем порядок слов в ней свободно изменять, то мы увидим, что абсолютной свободы здесь нет: существуют правила - осознаваемые нами или неосознаваемые,- следуя которым мы располагаем слова в предложении. Между тем в газетных и журнальных текстах эти правила нередко нарушаются. Покажем основные модели речевого поведения, при которых

свободное отношение к порядку слов в предложении приводит нас к отступлению от нормы и возможному коммуникативному конфликту.

Модель 1: «синтаксический разрыв»

*«Предполагается, что указ № 2 о начале премьером **временного исполнения обязанностей** будет подписан незадолго до хирургической операции, а третий - о прекращении временного исполнения обязанностей президента главой кабинета - по ее окончании.»* (Труд. 1996. 21 сент.) [грамматически единое сочетание *начало временного исполнения обязанностей* разрывается словом *премьер*, понять эту фразу без повторного чтения трудно]

Модель 2: «необоснованная инверсия»

*«Президентские выборы определили вовсе не «окрас» ставропольского аграрного сектора, справедливо протестующего в местной прессе после «краснопоясных» определений в свой адрес. Они стали лишь лакмусовой бумажкой того социально- экономического краха, **правового, кадрового**, о котором шла речь выше.»*(РГ. 1996. 11 июля) [из-за неудачного места определений *правовой, кадровый* (их необоснованной инверсии) они становятся логически ударными и более важными, чем определение *социально-экономический*, что вряд ли входило в замысел журналиста]...

Модель 3: «синтаксическая двусмысленность»

*«В столице в сфере частного извоза **спрос превышает предложение**. Стоит вам махнуть рукой, как рядом сразу остановятся несколько машин.»*(МН. 1996. № 6) [так как это первая фраза текста, слово *спрос* может быть только подлежащим, но тогда возникает противоречие со вторым предложением; чтобы избежать этого, надо поменять местами слова *спрос* и *предложение* - «*предложение превышает спрос*»] ...

Наконец, если имеется в виду устная форма речи, то коммуниканты совершают еще одно действие: «*Я выбираю звуковую оболочку слова*». Чтобы это действие соответствовало общепринятой норме, мы должны соблюдать такие инструкции:

1) *помни о том, что ударение подчиняется определенным законам; иногда ударение различает разные по смыслу слова;*

2) *помни, что произношение в русском языке не всегда соответствует написанию, что некоторые звуки и сочетания звуков произносятся по определенным законам.*

А основные модели речевого поведения, в которых нарушаются эти инструкции, таковы:

Модель 1: сдвиг в ударении

Модель 2: твердый согласный вместо необходимого мягкого и наоборот

Итак, в своем речевом поведении мы часто нарушаем действующую норму. Всегда ли при этом возникает коммуникативный конфликт между адресантом и адресатом? Конечно, нет. Потому что действующая норма и представления говорящего о том, какова она, не всегда совпадают. Поэтому можно говорить только о том, как выглядят по отношению к действующей норме **потенциальные конфликтные ситуации** в текстах СМИ. А с точки зрения правила легальности в реальных ситуациях общения возможны такие коммуникативные парадигмы:

Парадигма 1. (слабый конфликт)

Адресант, ориентированный на норму, -
адресат, ориентированный на речевое поведение

Парадигма 2. (отсутствие конфликта)

Адресант, ориентированный на норму, -
адресат, ориентированный на норму

Парадигма 3. (слабый конфликт)

Адресант, ориентированный на речевое поведение, -
адресат, ориентированный на речевое поведение

Парадигма 4. (сильный конфликт)

Адресант, ориентированный на речевое поведение, -
адресат, ориентированный на норму

5.2. Надежность кода. Правило понятности

По традиции осмысленность кода считается базовым постулатом общения. Надежность кода относится к числу «надстроечных» постулатов, хотя нередко, особенно в СМИ, адресат прощает адресанту нарушение правила легальности, но не прощает неясности в тексте. Установим **знания и умения**, которые входят в коммуникативную компетенцию участников общения в связи с правилом понятности, в виде вопросов:

Конструирующая программа

1) Какие языковые единицы работают на целостность текста, на «фокусирование» смысла и какие - на его «рассеивание»? Как найти фокусирующие языковые единицы?

2) Как языковые единицы обеспечивают нужные для смысла речевого сообщения связи и как, наоборот, устанавливаются связи мнимые? Как языковые неудачи приводят к смысловым ошибкам и как их можно избежать?

Принимающая программа

1) Что означают слова и предложения, которыми пользуется адресант? Почему тот или иной предмет называется так, а не иначе?

2) В чем смысл этого речевого сообщения? Как понимать это речевое сообщение?

5.2.1. Инструкция целостности. Языковые единицы: «фокусирование» и «рассеивание».

В каких речевых действиях мы сталкиваемся с дилеммой целостно/нецелостно (как части дилеммы понятно/непонятно)? Возьмем самую простую ситуацию: мы сообщаем о предмете и, естественно, каким-то образом его называем. В самом способе этого называния проявляется (или не проявляется) наша установка на то, чтобы сделать (или не сделать) собственную речь яснее. Значит, с одной стороны, нам необходимо иметь ответ на вопрос: как лучше всего называть предметы, если мы хотим, чтобы используемый код был надежным. С другой стороны, мы что-то сообщаем об

этом предмете, предлагаем адресату - читателю или слушателю - некие мысли по поводу предмета, свою концепцию, и в том, каким способом мы ее выражаем, доносим до адресата, тоже проявляется (или не проявляется) наша установка на то, чтобы сделать (или не сделать) собственную речь яснее. Значит, нам необходимо также иметь ответ на вопрос: как наилучшим образом обозначить концепцию, если мы хотим, чтобы используемый код был надежным. В СМИ последнее особенно важно, потому что здесь основные элементы смысловой структуры очень часто не оформляются словами или подаются в образной, т.е. «скрытой» форме.

Особые способы обозначения фактов и показа концепции - это и есть два пути, на которых мы демонстрируем адресату свой замысел самими языковыми единицами, т.е. выполняем инструкцию целостности: *«поддерживай смысловое единство текста единством речевых единиц»*. Для решения этой задачи мы можем использовать **концептуальный речевой прием** (в текстах аналитического характера) и/или **прием номинационного фокуса**.

«Фокусирование» и «рассеивание» в обозначении факта: прием номинационного фокуса

Вот те речевые действия, которые обычно последовательно производятся при назывании того или иного предмета:

- 1) «находим такие слов или словосочетания, которые однозначно воспринимаются адресатом как элементы одной цепочки обозначений, как названия одного и того же предмета»;
- 2) «отбираем из возможного набора наименований то слово или те слова, которые нужны именно в данном тексте»;
- 3) «если мы называем один предмет несколько раз, то располагаем отобранные наименования в нужном для текста порядке».

Посмотрим на каждое из этих действий с учетом того, как слова и словосочетания, которые мы используем для называния предметов,

фокусируют или, наоборот, рассеивают изложение, влияя тем самым на уровень его понятности.

Действие 1. «Я нахожу наименования описываемого предмета»

Известно, что один объект можно назвать по-разному. В поисках таких наименований мы интуитивно исходим из того, что все единицы, которыми мы обозначаем определенный предмет, адресат должен безошибочно относить к этому объекту. Это происходит, если адресант и адресат имеют общую *информативную базу* относительно называемого предмета. Складывается эта общность разными способами, разными путями. При этом каждый из этих путей может привести к коммуникативному конфликту между адресантом и адресатом.

Способ 1: наименования без учета текстовых сведений

Независимо от конкретного содержания в газетном сообщении возможны, например, такие варианты обозначений:

метро - *метрополитен, подземный транспорт, «подземка», городская железная дорога, транспорт, этот вид транспорта;*

малыш - *малышка, крошка, кроха, малютка;*

устройство - *приспособление, механизм, прибор, машина.*

Понятность таких наименований зависит не от содержания текста, а от объема социального и языкового опыта адресанта и адресата. Такие обозначения составляют круг, где есть центр и периферия. В центре находится так называемое базовое наименование, обычно это наиболее точное и «чистое» обозначение без примесей оценочных и/или стилистических окрасок (скажем, *метро, устройство, малыш*). Остальные номинации в большей или меньшей степени отклоняются от этого центра.

Если мы называем в обычной речи какой-то предмет один раз, то наиболее понятными для адресата будут наименования из центра и ближайшей к нему периферии. Чем дальше от центра единственное в тексте наименование предмета, тем больше вероятность того, что оно создаст в тексте неясности. Однако если в речевом сообщении мы называем предмет

не один, а несколько раз, т.е. создаем цепочку наименований, то в этой цепочке могут быть любые обозначения: например, вместо «командированный» - «баловень брони».

Возможности обозначения предмета без учета текстовых сведений обычно велики. Правда, чем больше сведений должен иметь читатель, чтобы соотнести такое обозначение с уже названным предметом речи, тем труднее это сделать и тем больше вероятность коммуникативного конфликта. ...

Способ 2: наименования с учетом текстовых сведений

Однозначно сопоставить два наименования одного предмета часто помогают - прямо или косвенно - сведения об этом предмете в самом тексте. Конечно, такие наименования возможны только в цепочке наименований. Допустим, я могу один предмет называть так: «полицейский»- «констебль», «бобби». Или: «комар»- «средство от болезни». Такие наименования нетрадиционны, заставляют работать разум, эмоции и воображение адресата - в этом их достоинство. ... Тот, кто незнаком с описываемыми ситуациями и не имеет подсказывающего текста, не сможет сопоставить такие наименования одного предмета: слишком необязательна связь «слово-предмет». Скажем, такие обозначения очень опасны в тех случаях, когда в тексте одновременно описывается несколько объектов, которые имеют однотипные наименования, так как они часто затрудняют понимание текста из-за небрежного оформления информационной базы наименования.

Модель 1: «ложное» связывание обозначения с предметом

«Порадовал Алексей Бондаренко. Дебютанта столь представительного турнира сумел в многоборье обойти лишь опытный Иван Иванков из Белоруссии. Не повезло этому гимнасту в Атланте. Считался фаворитом, но еще до соревнований получил травму.» (Российские вести. 1997. 10 сент.)[попытка соотнести наименование *этот гимнаст* с ближайшим обозначением дает цепочку «Иван Иванков=этот гимнаст», но тогда текст становится непонятным, ведь из того, что уже было сказано, ясно, что Иванков выиграл соревнования; тогда, может быть, «Алексей

Бондаренко=этот гимнаст», но тогда возникает противоречие с первой фразой]

Модель 2: лакуна при связывании обозначения с предметом

Эта опасность обычно появляется тогда, когда говорящий не дает прямых указаний относительно того, с каким предметом надо связывать обозначение, основанное на текстовых сведениях. Он только сообщает нечто о предмете и надеется, что эта текстовая информация отзовется в социальном и языковом опыте адресата определенной внетекстовой информацией. Сумма этих сведений - текстовых и внетекстовых - является основой для повторного наименования предмета: *текстовая информация* = *Марк Гулин учит журналиста мыть посуду* > *внетекстовая информация* = человек, который учит другого, - это учитель, воспитатель, наставник > новое наименование предмета = *наставник*. Однако связь текстовых и внетекстовых сведений не всегда настолько очевидна. Последствия этого могут быть разными:

1) адресат находит информативную основу обозначения в соответствии с авторским замыслом, но не соглашается с адресантом в выборе данной основы;

2) адресат неточно или неправильно расшифровывает наименование - тогда он получает искаженное знание о предмете;

3) из-за отсутствия необходимого социального или языкового опыта адресат вообще не может понять, какой объект имеет в виду адресант, и текст для адресата становится непонятным.

Все это означает, что уже на этапе поиска допустимых наименований предмета стоит подумать над тем, как они будут проясняться, чтобы не вызвать в дальнейшем коммуникативного конфликта...

Действие 2. «Я отбираю наименования предмета»

Это действие состоит в том, чтобы все возможные наименования предмета разделить на нужные и ненужные. Наилучшими для конкретного текста будут только те наименования, которые дают о предмете информацию, обязательную для содержания данного текста.

Модель 1: «фокусирующие» наименования

Рассмотрим обозначения основных предметов речи в небольшой газетной заметке о том, как бывший заместитель секретаря комитета комсомола большого завода сколотила воровскую шайку («Как «комсомольская богиня» сколотила воровскую шайку». Изв. 1995. 29 ноября). Здесь два основных объекта описания, и каждый из них имеет свою цепочку наименований. Это разные по своему назначению в тексте наименования:

- во-первых, это базовые имена, появление которых необходимо, чтобы представить предмет речи, - *особа, подростки, Наталья*;

- во-вторых, это слова, которые только помогают сохранить тождество предмета речи и поэтому являются формальными средствами связи - *местоимения*;

- в-третьих, это наименования, которые важны для смысловой структуры текста, потому что они как бы «настраивают» образ предмета на необходимую «смысловую волну», поворачивают предмет актуальной для авторского замысла стороной, называют те характеристики объекта, на которые читатель должен обратить внимание; эти наименования выражают также оценку предмета речи, даваемую разными источниками информации: *потерпевшая, тетя Наташа, комсомольская богиня, атаманиша, мама; малолетние домушники, подопечные, подельники, братва*. Здесь нет случайных, необязательных номинаций, они как бы обобщают, собирают все те отрывочные сведения, которые накапливаются об объекте на протяжении значительных отрезков текста, обеспечивают целостность *характеристики* описываемых объектов...

Модель 2: «рассеивающие» наименования

Особенно опасны наименования, которые имеют как бы двойную мотивацию: одну из них журналист имеет в виду (именно она соотносится со смысловой структурой текста), но реальна и другая мотивация, которую читатель находит на основе собственного опыта или собственного

осмысления речевого сообщения. Непонимание между адресантом и адресатом могут вызвать и случайные, не оправданные авторским замыслом наименования...

«Город-миллионер имеет процветающее криминальное прошлое.»(Я телохранитель. 1995. № 11) [на что здесь указывает отмеченное наименование? На то, что в этом городе миллионное население? или на то, что там живут миллионеры- преступники, которые устраивают перестрелки и заказные убийства? точнее будет первое предположение, однако предшествующий контекст оказывает сильное давление на читателя, заставляя принимать за истину второе объяснение]

После того, как было отобрано нужное или нужные наименования, остается последнее действие: если наименований несколько, требуется расположить их в нужном для текста порядке.

Действие 3. «Я располагаю наименования в тексте»

При выполнении этого действия решающими для понятности текста оказываются два момента: последовательность наименований и величина того текстового пространства, которое позволительно между двумя разными обозначениями одного предмета.

Расположение наименований одного предмета в тексте назовем *композицией* номинационной цепочки, а место конкретного наименования в цепочке - его *позицией*. Композиция цепочки может быть обычной и выразительной. Обычная композиция цепочки наименований строится на основе двух инструкций:

- 1) *«начинай номинационную цепочку с единицы, которая конкретно определяет предмет речи»;*
- 2) *«выстраивай номинационную цепочку таким образом, чтобы она не прерывалась, чтобы без помех устанавливались связи между различными наименованиями одного и того же предмета речи».*

В обычной речи мы сначала называем предмет так, чтобы отделить его от других возможных объектов. И только потом даем какие-то детали,

дополнительные признаки предмета, которые конкретизируют представление адресата об этом предмете, делают этот предмет индивидуальным. Если предметом речи будет *не-лицо* (неодушевленный предмет или одушевленное не-лицо), то начинаем цепочку с базового наименования. У него могут быть определения, которые дают пространственную, временную или иную характеристику описываемого объекта (*четырехсоткилометровый зимник, собственный флаг* и т.д.). Если предметом речи будет *лицо*, то начинать с базового наименования - а для лица базовым будет имя собственное - можно только в том случае, если имя однозначно соотносится с конкретным лицом, если есть уверенность в том, что адресату этот человек известен. Если же такой уверенности нет, потребуются определения-конкретизаторы имени собственного, которые характеризуют предмет по профессии, социальному положению, национальности, возрасту или другому подобному признаку - в той мере, в какой это необходимо по содержанию текста (*«Казалось бы, где-где, а в мореплавании уже трудно установить какой бы то ни было рекорд. Однако француз Марко Топдемир все же нашел такую возможность.»* Сов.Россия. 1985. 20 февр.). Если личность человека несущественна для целей сообщения, цепочка может начинаться с нарицательного существительного - обычно это описательное наименование, которое обозначает профессию, должность, социальное положение, возраст, местожительство (*«Многочисленные путешественники, посещавшие в разные времена Тибет, обращали внимание на странную деталь: жители гор, несмотря на обилие рыбы в местных речках, никогда не употребляют ее в пищу. Этнографы по-разному объясняют это : боязнь отравиться, так как рыба, по мнению тибетцев, питается падалью; религиозными предрассудками и т.д. Но некоторые знатоки Тибета полагают, что все обстоит иначе.»*)...

Итак, когда мы сообщаем о тех или иных фактах, слова и словосочетания, которые мы используем для их обозначения, могут существенным образом повлиять на понятность речевого сообщения. Прием

номинационного фокуса - это совокупность наименований одного предмета, которые не просто что-то называют в тексте, но и поддерживают смысловое единство текста. Посмотрим теперь, какую роль в этом играют языковые единицы при передаче журналистской концепции.

«Фокусирование» и «рассеивание» в обозначении концепции: концептуальный речевой прием

Можно предположить, что если в газетном тексте есть некоторая некоторая система языковых единиц (слов и словосочетаний), которые выражают основные, «ключевые» смыслы материала, и читатель замечает эту систему в тексте, каким-то образом ее чувствует, то он без особых затруднений и правильно восстановит ход журналистских рассуждений, основные элементы смысловой структуры материала. Систему таких единиц назовем **концептуальным речевым приемом**.

Модель 1: текст с оптимальным концептуальным приемом

В качестве примера рассмотрим очерк «Порядок» (КП. 1982. 5 мая). Некоторые слова в этом тексте занимают особое положение, как-то «отмечены» для читателя, остаются в его сознании, выделяются - обычно подсознательно - из речевого потока. Между этими словами читатель непроизвольно устанавливает смысловые связи. Но не потому, что они соседствуют в речи, не по принципу «нанизывания», а как бы помимо этой последовательности слов - в тексте возникает необычная, *нелинейная система слов*. Она состоит из «цепочек» большей или меньшей длины. Иногда одно и то же слово входит в несколько «цепочек», и они переплетаются:

хозяин - бесхозяйственность

камень преткновения - мусор - мусорить - мусоропровод

блеск - чистота

убирать - мыть - крести - подметать - метла

профессия - дворник - министр

незначительный - значительный

дело - призвание - мечта - мечтать
делать - сидеть - дожидаться - маяться
порядок

Хорошо видно, что единство этих единиц основано на языковых ассоциациях, на возможностях слова, заложенных в языковой системе:

- *антонимы*: мусорить - убирать; значительный - незначительный;
- *синонимы*: мыть - скрести; блеск - чистота;
- *однокоренные слова*: мусор - мусорить - мусоропровод; хозяин - бесхозяйственность; метла - подметать;
- *слова одного тематического поля*: дворник - метла - убирать - подметать - мыть - отскребать - мусорить - мусор - мусоропровод - чистота; порядок - чистота - блеск; профессия - дворник - министр.

Однако соотношение этих слов, особенности их значения не подчиняются только языковым законам. Исходное «смысловое поле» слова не аналогично языковому по своему составу. В отмеченной нами системе нет многих словесных ассоциаций, которые мы ожидаем на основе нашего языкового опыта: допустим, в тексте мы не найдем слова *грязь, чистить, мусорищик*. Но одновременно сюда включаются слова, которые вне данного текста не были бы связаны с другими элементами системы: *дожидаться, маяться, сидеть, призвание, камень преткновения*. Как происходит такое включение? Особым построением контекстов, на основе сходства синтаксических позиций или потому, что слова сочетаются друг с другом. Скажем, слова *призвание* и *дело* противопоставляются в таком контексте: «*снизойдет призвание, как некая благодать*» - «*не вглядываемся в дело, к которому приставлены*».

Естественно, что в такой системе перестраиваются и сами отношения между словами. Трансформируются связи, уже заложенные в языке, - синонимы противопоставляются, антонимы отождествляются, сочетаются несочетаемые слова:

«...человек, который точно знает, каким **огромным** может быть самое **маленькое** дело»; «Второй (урок.- Н.М.) был преподан на предмете и вовсе пустячном - электрической лампочке, разбитой в школе. Лампочка же - копейки, да еще не свои. **«И не свое – свое, - сказал отец.»**; **«Считать? Беречь? Экономить? Мелким все это иным из нас кажется»**; «Учился не хуже, а лучше тех, кто сейчас отнюдь не **в дворники вышел**»

Обычные для языка связи распространяются на единицы, для которых подобные отношения не характерны, в речи появляются:

- *контекстуальные антонимы*: мусоропровод - метла; мусоропровод - руки; призвание - дело; дворник - министр; призывать бороться за чистоту - подметать;

- *контекстуальные синонимы*: дворник - хозяин дома; убирать - подметать - мыть - скрести - делать дело; сидеть - дожидаться - ждать - маяться.

Изменяется и языковое значение слов, попавших в текстовую систему. Некоторые слова оказываются «двусмысленными»: они одновременно обозначают и конкретное явление (предмет, признак или действие), и - в метафорическом, символическом смысле - сложное отвлеченное понятие. Если, например, мы спросим себя, что значат слова *чистота*, *порядок*, *подметать*, то первая наша реакция, скорей всего, будет такой: *чистота* - это «отсутствие грязи», *подметать* значит «очищая что-н. метлой, щеткой и т.п., удалить сор, пыль», а *порядок* - это «состояние налаженности, организованности, благоустроенности; правильность, систематичность чего-л.» Однако в нашей текстовой системе элементы этого тематического поля имеют не только бытовое значение, связанное с профессией дворника, с наведением чистоты в прямом смысле этого слова; они воспринимаются одновременно и как обозначение определенных процессов в жизни общества. Например, *порядок* более определенно, ситуативно - это такая организация дела, такие условия, которые воспитывают человека хозяином жизни, это такая ситуация, когда каждый хорошо делает свое дело. Точно так же слова

дворник и *министр* обозначают не только конкретную профессию, но и противопоставление романтического, интеллектуального и эстетически возвышенного, значительного труда и труда нетворческого, серого, незначительного (и потому, кстати, малооплачиваемого). Все слова одного тематического поля изменяются в одном смысловом направлении, настраиваются на одну смысловую волну.

Муравьева Н.В. Язык конфликта //

<http://www.dere.com.ua/library/muravyeva/soder.shtml>

§ 6. Изменения в сфере кода: актуальное состояние языка СМИ. Динамика речевого поведения. Основные мотивы речевого поведения и речевые стратегии

Хорошо известно, что любой текст, принадлежащий к тому или иному историческому периоду, воспринимается людьми разных поколений по-разному. Это связано не только с утратой некоторой части контекста как среды бытования речевого сообщения, но также с изменением национального самосознания и речевого поведения.

В текстах СМИ наиболее ярко проявляются процессы, происходящие сегодня в наших представлениях о том, как надо говорить и писать и, в конечном счете, - в языковой системе. ... изменяется, по словам Г.О.Винокура, «лингвистический вкус» носителей языка. В чем же суть нового «лингвистического вкуса»? Какие мотивы речевого поведения скрываются за отмеченными языковыми фактами?

... можно увидеть три мотива речевого поведения, три «тезиса». При этом каждый из мотивов соотносится с двумя основными вариантами, представляющими реализацию, воплощение этого мотива, и потому вся эта конструкция схематично изображается как треугольник, одной из вершин которого являются представленные нами мотивы. Назовем основные мотивы речевого поведения, отраженные в текстах СМИ⁴:

⁴ Хотя мы исследовали данные мотивы речевого поведения на материале текстов массовой информации последних лет, можно предположить, что это тенденции, которые проявляются и в иных речевых ситуациях (и в этом смысле они являются всеобщими) и которые усиливаются и затухают с некоторой периодичностью. В одном из научных сообщений Л.П.Калакуцкой при оценке особенностей языка 19 века обсуждались изменения в развитии языка, которые проходили 3 этапа: 1) 1-я треть; 2) 60-70 годы; 3) конец века. По замечанию А.С.Пушкина, особенность первой трети 19 века состояла в том, что "язык клонится, грамматика колеблется". Л.П.Калакуцкая отмечает в этот период множество фонетических (и орфографических), а также грамматических непоследовательностей. Языковые формы в то время существовали параллельно, принимались разные варианты - в частности, в морфологии. Возможное объяснение этих фактов состоит в том, что между этапами в развитии языка не существует жестких границ; отсюда шлейфы грамматических форм (например, в склонениях). Однако это также может быть объяснено наличием указанных нами тенденций речевого поведения.

1) **речевая свобода**

раскрепощенность - анархия

(нигилизм/экстремизм)

2) **речевая простота**

доступность - наивность

(упрощенность)

3) **речевая актуальность**

идентичность - речевая мода

...

6.1. Речевая свобода. Освобождение от кодовых ограничений. Речевая анархия. Стихийность речевого поведения

Суть мотива речевой свободы - «я хочу быть свободным», «все равно как, но только не так, как было». Наиболее ярко этот мотив проявляется в смешении языковых ресурсов и активности, динамичности как основных принципах речевого поведения. Журналистами движет желание освободиться от общепринятого способа выражения смысла, потерявшего остроту воздействия, при этом совершенно неважно, какой будет цена за такое освобождение. Отсюда отказ от тех возможностей, которые дает нам языковая система, поиск «иного», оригинального обозначения за счет «другого языка» и часто использование «новых единиц» без какой-либо мотивации, смыслового или стилистического оправдания. Этот «другой язык» создается главным образом за счет «заимствования» в широком смысле слова. Поэтому не делается никакого различия между заимствованным, диалектным, жаргонным или просторечным словом - все это оказывается одинаково уместным в одном и том же тексте, даже в пределах одной фразы...

*“Я курила ее “беломор”, впервые маясь **скотской** привлекательностью, заманчивостью зла и отменяемостью - одна за другой - библейских **парадигм** в последнем человеческом веке.”*(НГ. 1996. 21 февр.)

[парадигмы, а не заповеди или истины; скотский, а не отвратительный или низменный]

... В известном смысле такая раскрепощенность обеспечивает «освежение» языкового знака, потому что мы его как бы создаем, осваиваем, а не получаем по наследству. Например, слово *виртуальный*, расширив свою семантику, в текстах СМИ приобретает переносное значение “иллюзорный, нереальный, выдуманный”... Но одновременно разрушается представление о том, что можно и что нельзя в речевом поведении, и речевая раскрепощенность оборачивается **речевой анархией**.

Речевая анархия - это *стихийность, экстремизм* в использовании языковых средств, в том числе - предельный (в крайних формах - почти абсолютный) речевой *нигилизм*. Очевидно, что речевая анархия оптимальным образом соотносится с общей коммуникативной настройкой на адресанта - на приспособление, самопрезентацию.

Многие слова журналисты используются в измененном смысле, идет “расшатывание” старых лексических значений. Значение слова расширяется, оттенки его смысла утрачиваются - так создается благоприятная ситуация для появления речевого штампа. Основой речевого общения становится принцип «*приблизительности*». Ясно, что такое расшатывание касается прежде всего опасных зон языковой системы ... - усиленно эксплуатируемых журналистами жаргонизмов, иноязычных и устаревших слов...

“Владимир Вольфович - опытный боец, идеям его несть числа, **личный имидж** его серьезно любим мальчиками из торговых точек, люмпенами, охранниками из разных фирм» (Сов. Россия. 1966. 18 янв.)...

Английское слово *image* - *имидж* в самом общем смысле означает «образ», «изображение», но по-русски мы не можем сказать *личный образ, делать образ, радикальный образ* или *умилительный образ*. Значит, слово *имидж* в нашем языковом сознании имеет какой-то особый, не осознанный до конца, не установленный точно смысл, и более того, мы не стремимся этот смысл осознать.

... Именно в текстах СМИ было узаконено изменение значения у слов *персоналия* и *патронаж*. Слово *персоналия* (значение которого - “статья словаря, энциклопедии или справочника, посвященная какому-л. известному лицу”) не может быть синонимом к слову *персона*, а слово *патронаж* синонимом к слову *патронат*, между тем в текстах СМИ такая подмена происходит постоянно (а по отношению к последней паре такая подмена привела, по-видимому, к окончательному вытеснению слова *патронат*)...

Заметим, однако, что такое приблизительное понимание смысла, его “расшатывание” распространяется не только на слова, которые обладают известной новизной, но и на слова, давно освоенные. Стихийное отношение коммуникантов к таким словам наиболее заметно в двух случаях:

1) когда используются слова переносном значении, при этом устойчивая связь “слово - обозначаемый предмет” перестает воспроизводиться и тем самым разрушаются некоторые существовавшие до этого момента знания о мире (в погоне за оригинальностью, особым способом выражения журналисты порой не замечают буквального, прямого смысла образного слова): ... *мультимиллионер отец огромными финансовыми вливаниями обеспечивает триумфальный прорыв дочурки в ящик*;

2) когда используются языковые единицы с так называемым «широким» значением: *формальности делались, случился провал*.

Безграмотность коммуникантов оказывается, таким образом, лишь внешним проявлением речевого поведения. По сути же это результат нового “лингвистического вкуса”, для которого все существенные для кооперативного общения правила являются насаждаемыми сверху и потому неприемлемыми. Прежде всего в этом ключе оценивается традиционная норма, а отступление от нее не воспринимается как нарушение осмысленности кода. Отсюда, от приблизительности смысла, всего один шаг к непонятному или неинформативному тексту...

«Но, увы, ни художник, ни режиссер, ни даже дирижер «Богемы» не могли заставить артистов петь ... Солировала на фоне оркестра лишь одна Ольга Гурякова - Мими. Все дуэты и квартеты с ее участием неизбежно обращались в соло Мими - уважаемым партнерам не хватало звука» (МН. 1996. №6) [тире вместо двоеточия заставляет нас понять последнюю фразу так: певица никому не давала возможности петь, между тем, наоборот, петь, кроме нее, было некому]

... Незнание говорящим смысла используемого слова - или абсолютная уверенность в том, что это слово означает именно то, что имеет в виду он сам, - встречается гораздо чаще, чем можно себе представить. Показательны в этом отношении результаты исследования, проведенного среди студентов Амурского университета (специальности “журналистика”, “юриспруденция”, “лингвистика”). Вот как, например, было объяснено значение слова *киднепинг*: 1) детский лагерь отдыха; 2) массовое молодежное движение; 3) похищение детей с целью шантажа или получения выкупа (единственно правильное значение); слово *реинвестиция* толковалось следующим образом: 1) изъятие средств; 2) изъятие невыплаченных налогов; 3) закрытие предприятий-банкротов; 4) направление прибыли на расширение производства (единственно правильное значение)... Как же можно объяснить «приблизительность» газетной речи? В этом отношении газетный текст (в широком смысле) удивительно напоминает текст рекламный (Ср.: “Frutis, легкий и фруктовый” - в каком смысле надо понимать здесь слово *легкий*?), одним из постулатов которого, по-видимому, и является эта «приблизительность» смысла. По сути газетный текст - в речевом плане - становится рекламным текстом, хотя задачи у них, безусловно, разные.

Речевая анархия, таким образом, состоит в особом отношении к осмысленности, надежности и достаточности кода - в отказе от нормы, от открытости смысла, от необходимого баланса между языковыми средствами и передаваемой информацией. Но она наблюдается и в отношении коммуникантов к ситуативности кода. «Оригинальность», «выразительность»

сегодня в СМИ понимаются прежде всего как «раскованность» и «оценочность», а не «изобразительность», при этом предпочтение отдается собственно *оценочным словам* (в прямом и переносном значении). Скажем, это очень ярко проявляется в использовании *метафоры*. Картотека создаваемого сейчас словаря метафор свидетельствует, что основной массив переносных значений, используемых в СМИ, восходит к метафорическому фонду, который формировался в русском языке на протяжении веков. Однако показательны те изменения, которые происходят сегодня в этом фонде. Например, в наших СМИ активно используются метафоры из лексикона зарубежной прессы; изменения в значении метафорических наименований происходят на уровне оценочности; метафоры часто используются для так называемой “оценочной бомбардировки”, когда одно базовое слово определяется (характеризуется) целым рядом метафорических обозначений: политика, политический - *пируэт, балаган, бумеранг, синоптики, индюки* и т.д., что демонстрирует речевую стихийность и агрессивность говорящего...

Парадоксально, но в целом из-за речевой анархии репертуар (как совокупность типов нестандартных языковых средств и приемов), это вызывает необходимость постоянного обновления языковых средств в пределах одного типа. Вообще в СМИ сегодня почти нет стилистически оправданной «игры» со словом. Парадоксальным образом свобода оборачивается ограниченностью. Например, трудно говорить о том, что сегодня в текстах СМИ осознанно используется такой выразительный прием, как *стилистический контраст* и - шире - *окрашенная лексика*: ...

“В Библии сказано: “Да будет свет!” Надеемся, что те, от кого зависит *освещение наших дворов*, воспримут это как *руководство к действию*.” (ТВЦ. Петровка, 38. 2001. 11 июля).

Такое употребление *окрашенной* (эмоционально и стилистически) *лексики* показывает отсутствие чувства стилистической нормы, утрату ощущения стилистических параметров слова. И это в значительной степени объясняется тем, что в новом речевом поведении не ощущается разница

между литературным языком и просторечием, литературным языком и жаргоном, между книжным и разговорным словом; последнее особенно характерно, так как СМИ теоретически стремятся к непринужденности выражения и, как следствие, к сниженной лексике...

Таким образом, желание речевой свободы в текстах СМИ может приводить не только к раскрепощенности языкового выражения, оригинальности в речевом поведении, но и к речевой анархии, а в конечном счете – к утрате языковых ресурсов и потенциальным коммуникативным конфликтам.

...

6.3. Речевая актуальность. Речевая идентичность и речевая мода

Суть мотива речевой актуальности - “хочу быть современным, таким, как все”, “хочу соответствовать духу времени”, “хочу говорить на общем языке”. Цель речевой актуализации состоит в достижении речевой идентичности, в осознании тождества отдельного человека другим людям. Безусловно, в этом мотиве заложен положительный потенциал: учитывать мнение окружающих по поводу “современности” языка необходимо, если коммуниканты хотят ослабить конфликтность в общении. Проблема, между тем, заключается в том, какую долю ответственности за эту актуальность готов принять на себя коммуникант. Осознавая себя частью единого языкового коллектива, он стремится к актуальности, чтобы вместе со всеми участвовать ее формировании, ощущать свою идентичность и отвечать за собственное речевое поведение. В этом случае адресант вынуждает себя думать о собственном речевом поведении, совершать некий осмысленный выбор из возможных способов выражения, в том числе и с учетом потенциальных речевых конфликтов. В противном случае речевая актуальность становится речевой модой и приводит к речевой безответственности. Речевая мода - это косвенное подтверждение согласия на речевое подчинение.

Наиболее ярко речевая мода проявляется в том, как в текстах СМИ используются *заимствованные - исконные (+освоенные) элементы*: заимствованная лексика теснит исконную (и даже заимствованную, но освоенную ранее); чужие языки (прежде всего английский) трансформируют грамматические, а в некоторых случаях - и фонетические (интонационные) законы русского языка... Отметим, например, интересную тенденцию в языке СМИ последних лет: естественное для русского языка сочетание *сущ+сущ* заменяется сочетанием *прил+ сущ*:

*“Быстрые и решительные меры Центробанка в отношении широко известного Тверьуниверсалбанка, который испытывает значительные сложности с обслуживанием **клиентских платежей**, позволяют предположить, что “цепной реакции” в банковском мире не последует.”*(РГ. 1996. 11 июля).

*“Не скрою, приятно наблюдать на самом верху турнирной таблицы со стопроцентным **очковым показателем** сборную России.”*(МК. 1996. 19 дек.).

... Некоторые исследователи отмечают “нерусское” интонирование фразы у ведущих и журналистов на радио и ТВ (Арина Шарапова, Татьяна Миткова), а также “нерусскую” кинетику - мимику, жесты, позу (синдром Натальи Дарьяловой, жесты ведущих на BIZ-TV).

Еще одним проявлением речевой моды является позиционирование коммуникантов в системе *“устаревшие – актуальные - новые слова”*: мощная волна устаревших слов при более осторожном использовании новых. Правда, в некоторых исследованиях утверждается обратное: процесс неологизации усиливается, в том числе и в текстах СМИ, а этот процесс, безусловно, отражает стремление коммуникантов к речевой ответственности, причем исследователи отмечают изменение их характера: если в 70-80-е годы они относятся прежде всего к области словопроизводства, то в последние годы это в основном словотворчество. Однако “пик словотворчества” приходится именно на 90-е годы, сегодня, по нашим наблюдениям, создание

новых слов в СМИ идет менее активно. К тому же отличительной особенностью создания новых слов в текстах СМИ является серийность, повторение одной и той же распространенной словообразовательной модели: *обреферендить, опрезидентиться; гайдаризация, чубайсизация, ваучеризация, прихватизация; вампирировать, еврошопиться* и т.д.

В то же время за последние десять лет снова начинают активно использоваться многие *устаревшие слова*. И эту активность нельзя объяснить только и главным образом тем, что в нашу жизнь возвращаются предметы и понятия, от которых мы когда-то отказались. Здесь возможно иное объяснение. В этом использовании хорошо забытого, старого, но “возвращенного” слова вместо создания нового проявляется интуитивное желание журналистов найти новый способ наименования, но при этом не нести персональной ответственности за употребляемую языковую единицу. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что журналисты часто вообще не знают значения старых слов и приспособливают их к своему пониманию. Получается, что слово называет не тот предмет, о котором говорится в тексте:

*“Третья часть юбилейной программы состоится уже осенью- в планах турне по столицам бывших союзных республик. И если получится, как задумывалось, завершится все выступлениями в спорткомплексе “Олимпийский”. Этот **вояж** считаю своего рода проверкой на зрелость и прочность.”*(Тверская, 13. 1997. № 15) [*вояж* - это “путешествие, поездка”, и даже если иронический смысл, связанный с этим словом до недавнего времени, сегодня несколько ослабел, “поездка” не может стать “проверкой на зрелось и прочность”]

...Использование *оценочных - неоценочных средств* в текстах СМИ отражает не только стихийность речевого поведения, но и речевую безответственность: несмотря на различного рода утверждения об объективности и чистой информативности СМИ, мы наблюдаем ярко выраженную оценочность текстов СМИ, однако хорошо видно стремление

журналистов “переложить ответственность на чужие плечи”, оценка в большинстве случаев выражается косвенно, а не прямо (кстати, именно для этой цели журналисты часто используют элементы жаргона и просторечия, отчасти этим можно объяснить их экспансию); одним из основных способов выражения оценки в СМИ сегодня является ирония, в том числе и с помощью кавычек. Вообще так называемые факультативные кавычки в современных текстах СМИ нередко употребляются без очевидных, видимых смысловых оправданий. Ощущая это, адресант приводит собственную аргументацию такого употребления; показательны также случаи, когда аргументация в пользу постановки кавычек дается и при отсутствии самих кавычек в тексте...

Следование речевой моде приводит также к формированию серийных, штампованных метафорических рядов, когда одна и та же метафора становится характеристикой самых разных предметов. В результате в текстах СМИ почти нет «вызывающей», бросающейся в глаза метафоричности (заметим, что общая активность штампованного речевого поведения коммуникантов в текстах СМИ также является очевидным свидетельством мотива речевой простоты). Очень часто сегодня метафора в СМИ имеет “приглушенный” характер, допускается только та метафора, которая не является «сигналом» языка СМИ, не входит в «газетную серию», не напоминает прежние стереотипы. Следование речевой моде проявляется и в том, что выразительность в текстах некоторых СМИ строится почти исключительно на ненормативных элементах, и в том, как журналисты используют *фразеологический фонд языка*. Нередко утверждается, что использование фразеологических единиц говорит о нестандартности, самостоятельности речевого поведения коммуникантов, об их ориентации на более сложный тип речевого поведения потому что, во-первых, в текстах СМИ эти единицы, как правило, употребляются в измененном виде, а, во-вторых, здесь создается “новую фразеологию”, в состав которой включаются так называемые прецедентные тексты (ситуации).

Однако факты говорят о том, что существует своеобразная мода на способ преобразования устойчивого сочетания: чаще всего это или его расширение, или замена одного из компонентов (иногда даже паронимическая замена слова) на основе почти произвольной игры со словом, не получающей смыслового оправдания. Причем нередко один и тот же способ преобразования встречается в пределах ограниченного дискурса (например, одного номера газеты или журнала; издания в целом). Яркой иллюстрацией здесь могут послужить заголовки одного номера журнала «Профиль»(2001. №12). Это либо заголовки с открытым, прямым представлением основной мысли, либо заголовки-фразеологизмы (*Изгнание Адамова. Соединенные штатские. Токовая терапия. Квартальный отсчет. Север - дело тонкое. Параличное дело каждого*). Меньше заголовков с иным типом преобразования - на основе смысловой подстройки к содержанию материала (*Дорога к дому. Весеннее обострение. По полной программе*) и с непреобразованными устойчивыми сочетаниями (*Копейка рубль бережет*). Это очевидное свидетельство движения от экспрессемы к штампу и доказательство того, что следование моде не всегда осознается адресантом и что штамп может возникать просто из-за ограничения контекстного пространства в силу того, что этот контекст создается разными адресантами. В результате то, что для адресанта не является модой, не является штампом, для адресата будет таковым.

Итак, мы видим, что тексты СМИ демонстрируют новое отношение к основным постулатам кода и правилам речевого поведения (от точности к приблизительности, от изобразительности к оценочности, от единообразия к раскованности и т.д.). В этой динамике речевого поведения, в этом новом «лингвистическом вкусе» есть и положительные, и отрицательные моменты. Поэтому оценка этих новых явлений в русской речи возможна, если говорить не столько о том, *что* использует журналистика, сколько о том, *как* и *почему* она это делает.

Кооперация/конфликтность в общении определяется в конечном счете теми мотивами, которые управляют речевым поведением коммуникантов. Кооперативное общение отличается стремлением к раскрепощенности, доступности и идентичности, которая предполагает и речевую ответственность коммуниканта. Анархия, наивность и следование моде рожают потенциальные конфликты в коммуникации.

Этот выбор журналист делает в конечном счете сам. Однако изменения *лингвистического вкуса* и *речевого поведения*, которые мы наблюдаем в текстах СМИ, безусловно, происходят под влиянием общей коммуникативной настройки издания, набора и иерархии коммуникативных целей.

Муравьева Н.В. Язык конфликта //

<http://www.dere.com.ua/library/muravyeva/soder.shtml>

Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект

ВВЕДЕНИЕ

Воздействие на человека посредством речи активно изучается современной наукой. Пожалуй, наибольший интерес проявляется к такому специфическому виду воздействия, как манипуляция. Приоритет в изучении данного феномена, безусловно, принадлежит психологической науке. ...

Сам термин «манипуляция» метафоричен и в своем прямом значении определяется как «сложный прием, сложные действия над чем-либо при работе руками, совершаемые с какой-либо целью» ... В социально-психологическом контексте манипуляция приобрела новый объект — человека — и принципиально новые способы осуществления действий. Этот термин, основанный на метафоре, на данный момент не имеет общепринятого определения. Его толкование представляет собой описание некоего минимально необходимого набора отмечаемых большинством исследователей признаков манипуляции ... без объяснения причинно-следственных связей между ними. Во всех психологических, а также философских исследованиях отмечается два существенных признака манипуляции. Прежде всего, отмечают скрытый характер воздействия манипулятора на манипулируемого ... Манипулятивное воздействие определяется как скрытое программирование личного отношения к изображаемым или описываемым фактам или событиям⁵, «неявное побуждение»⁶, «скрытая трансакция»⁷. При этом у манипулируемого

⁵ Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.

⁶ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1996.

⁷ Берн Э. Игры, в которые играют люди / Пер. с англ. М.Будыниной, Е.Перцевой, В.Никандровой. М., 2003. (Серия «Психологическая коллекция»).

обязательно сохраняется иллюзия самостоятельности решений и действий⁸. Ермаков говорит, что «акт отчуждения духовной самостоятельности реципиент принимает за ее утверждение, а собственную зависимость и подчинение в этом акте он либо не замечает, либо воспринимает как форму добровольной солидарности с тем, с кем вступает в контакт»⁹. Запланированная оценка манипулируемым фактов и событий подается как процессуальная, формирующаяся в процессе взаимодействия спонтанно, а не под контролем манипулятора¹⁰. По мнению Битяновой, в скрытом характере (скрыт как факт воздействия, так и его цель) и состоит сила манипуляции (Битянова).

В связи со скрытым характером манипуляции выделяют три источника информации о ее существовании: позицию манипулируемого, манипулятора и внешнего наблюдателя (Доценко). При этом манипуляция может наблюдаться лишь с последних двух позиций. Второй важной характеристикой манипулятивного воздействия, которая часто становится основополагающей при определении манипуляции, считается использование обмана - разного рода искажений действительности (Берн, Доценко и др.). Манипуляция определяется как «способ, прием, действие, служащее для достижения каких-либо целей путем представления кого-либо, чего-либо в искаженном виде»¹¹, «ухищрение, подтасовка фактов, махинация», «ловкая проделка», «маскировка действительности»¹².

Различают степень искажения действительности при манипуляции - от прямой лжи до утаивания информации, которое в наиболее полном виде проявляется в умолчании — сокрытии определенных тем. ...

Исходя из скрытости воздействия для объекта воздействия - неосознаваемости им процесса воздействия - манипуляция традиционно определяется психологической наукой как внушение.

⁸ Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей: Учебное пособие. М., 2001 (серия «Кафедра психологии»).

⁹ Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.

¹⁰ Рубакин А.Н. Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие. Проблемы психолингвистики. М., 1972.

¹¹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

¹² Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

Внушение представляется разновидностью психологического влияния - процесса и результата изменения индивидом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и прочего в ходе взаимодействия с помощью исключительно психологических средств: вербальных, паралингвистических или невербальных¹³. Внушение является «целенаправленным процессом прямого или косвенного воздействия на психическую сферу, ориентированным на специфическое программирование человека и на осуществление им внушаемого содержания» ... Данный вид воздействия связан со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, а также отсутствием целенаправленного активного понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта. В связи с этим манипуляция, будучи внушением, во-первых, рассматривается как одностороннее воздействие, во-вторых, качественно противопоставляется убеждению — «воздействию на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению» ...

Согласно другой точке зрения, специфика манипулятивного речевого воздействия носит не качественный, а количественный характер... Спецификой манипуляции авторы считают наличие двух уровней воздействия - явного и скрытого. Согласно данному подходу, манипуляция (в терминах трансактного анализа – игра...) представляет собой одновременное воздействие на разные составляющие (эго-состояния Ребенка, Родителя, Взрослого) личности коммуниканта. Одно из этих воздействий подается явно, на социальном уровне, другое - скрыто, на психологическом. Явный уровень выполняет функцию «легенды» или «мифа», маскирующего истинные намерения манипулятора. Таким образом, при манипуляции «происходит передача нескольких сообщений, одно из которых ускользает от внимания адресата. Но именно ради него и задумана сама коммуникация» ...

¹³ Сидоренко Е.В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию // Морозов А.В. Психология влияния. СПб., 2000 (Серия «Хрестоматия по психологии»).

Поскольку конечная цель манипуляции — принудить партнера ..., «прибрать к рукам»..., говорят о монологичности, императивности и авторитарности манипуляции.

Более подробно психологами изучается объект манипулятивного воздействия. Манипуляция — «это игра на особенностях человеческой природы и человеческих слабостях, которые обеспечивают «коммуникативную слепоту» реципиента, делают его пассивно-послушным в признании правоты коммуникатора» ... В структуре личности манипулируемого выделяют так называемые «мишени воздействия» ... «Мишени воздействия» определяются как «психологически уязвимые места», «слабости» ..., психические структуры, на которые оказывается влияние со стороны инициатора воздействия независимо от того, имел ли он такое намерение или нет ... Воздействие на аудиторию имеет свою специфику: чем шире аудитория, на которую требуется оказать воздействие, тем универсальнее должны быть используемые мишени. «Специализированность и точная направленность массового воздействия возможна тогда, когда организатору воздействия известны специфические качества интересующего его слоя населения или группы людей. Чем уже предполагаемая аудитория, тем точнее должна быть подстройка под ее особенности. В случае, когда такая подстройка по каким-либо причинам не производится (дорого, некогда), в ходу снова оказываются универсальные побудители: гордость, стремление к удовольствию, комфорту, желание иметь семейный уют, продвижение по службе, известность - вполне доступные и понятные большинству людей ценности... Говоря об агитационном выступлении, А.Н. Рубакин подчеркивает, что «настоящий пропагандист должен

перевос-

площаться в Я своего собеседника..., а чтобы лучше всего сделать это, он должен ... подметить, выяснить: ... какие же именно чувства, эмоции, страсти,

аффекты являются в душе собеседника преобладающими?»¹⁴. «Более продвинутые способы манипуляции предполагают предварительное изготовление мнений и желаний, закрепление их в массовом сознании или представлениях отдельного конкретного человека, с тем, чтобы можно было к ним затем адресоваться» ...

Манипулятивное воздействие происходит в структуре координативных, социальных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не формальные или неформальные отношения субординации. В связи с этим, по мнению Е.Ф. Тарасова, «на аудиторию, обладающую определенной свободой выбора вариантов поведения, можно повлиять только путем мотивации или, иначе говоря, путем включения «желаемой» деятельности в систему мотивов адресата. Внушение в этом случае играет второстепенную роль»¹⁵. «В распоряжении коммуникатора нет других средств побудить реципиента следовать определенным рекомендациям, кроме включения инспирируемых действий в систему мотивов реципиента» (Рубакин) Социальные психологи, изучающие так называемую «психологию уступчивости»¹⁶ - податливости людей в отношении просьбы и требования, рассматривают в качестве «мишеней воздействия» имеющиеся у людей стереотипы поведения, или «модели зафиксированных действий» (Чалдини). Как утверждает Р. Чалдини, у людей превалирует автоматическое, стереотипное поведение, поскольку во многих случаях оно наиболее целесообразно, а в других случаях - просто необходимо. При определенных условиях, которые играют роль спускового крючка, человек начинает автоматически реагировать на происходящее. Манипулятор, или «профессионал уступчивости» (терминология Р. Чалдини), создает необходимые условия для срабатывания нужного ему стереотипа поведения манипулируемого, которое приводит к нужному манипулятору результату. ...Таким образом, манипуляция предстает видом

¹⁴ Рубакин А.Н. Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие. Проблемы психолингвистики. С. 135.

¹⁵ Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

¹⁶ Чалдини Р. Психология влияния. СПб, 1999.

психологического (нефизического) воздействия на человека, осуществляемым

- скрытым для того образом,
- с целью возбуждения у этого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями,
- в результате чего воздействующий субъект получает одностороннюю выгоду,
- при этом у объекта воздействия остается иллюзия самостоятельности принятых решений.

Коммуникант - объект этого воздействия представляется психологами в виде совокупности «мишеней воздействия».

С развитием антропоцентрического подхода в лингвистике появилась необходимость и возможность собственно лингвистического описания манипуляции.

...В собственно лингвистических исследованиях манипуляции коммуникант представлен языковой личностью - «совокупностью способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» (Караулов). Манипуляция в лингвистике, как и в психологии, рассматривается, преимущественно, как односторонний процесс воздействия, однако, в отличие от психологического подхода, основное внимание уделяется языковой личности коммуниканта-манипулятора, тогда как объект воздействия практически остается без внимания. Обусловлено это, по всей видимости, большим влиянием риторического подхода к изучению воздействующей речи и недостаточным количеством лингвистических методов исследования ее восприятия.

К.Ф. Седов, рассматривая речевое общение с точки зрения гармонии / дисгармонии, квалифицирует языковые личности по способности к

коммуникативной кооперации и выделяет «конфликтно-манипуляторский» подтип конфликтного типа речевого поведения. Этот подтип речевого поведения ориентирован на коммуникацию, в ходе которой один из участников общения в своем собеседнике прежде всего видит объект манипуляции. Манипулятор самоутверждается, ставя собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию. Он не испытывает уважения к адресату, считает его по интеллектуальным и этическим качествам существом менее развитым. Доминирующая иллюкативная установка в речевом поведении подобной языковой личности - навязывание своего мнения, преувеличение значимости личного жизненного опыта (Я считаю...; Ты должен(а)...; Я бы на твоём месте... и т.п.). В ходе общения манипулятор проявляется в поучениях, советах, диктате, а кроме того, в манере (задав вопрос, не дослушать ответ на него или же самому дать ответ), в бесцеремонной смене темы путем перебивания собеседника. «В речевом поведении конфликтного манипулятора присутствуют конфликтогены, назначение которых - снизить, унижить коммуникативного партнера». Дискурс, отражающий конфликтно-манипуляторское общение, дифференцируется автором в зависимости от принадлежности манипулятора к инвективному, рационально-эвристическому или куртуазному типам языковой личности¹⁷. ...Вслед за психологами большинство исследователей-лингвистов определяют манипулятивное речевое воздействие как внушение, противопоставляя его убеждению.

...существует некий информационный контекст взаимодействия — партнеры вступают в общение, уже имея набор сведений, известных им обоим. Признаком манипулятивного воздействия автор считает наличие двойного воздействия, а именно — наряду с произносимым вслух высказыванием отправитель воздействия имеет вполне конкретные ожидания

¹⁷ Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А.Купиной. Екатеринбург, 2000; Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А.Кормилицыной. Саратов, 2003.

относительно действий партнера, но по каким-либо соображениям не намерен выдавать их. Это скрытое воздействие совершается с опорой на какое-либо содержание («ассоциативное знание»), известное обоим партнерам, но актуально не упоминаемое. Для успеха манипуляции существенно, чтобы наличие двойного воздействия не осознавалось адресатом, чтобы он не догадывался о том, что манипулятор строит свой расчет именно на этом знании. Вежливость отличается от манипуляции тем, что, во-первых, о наличии косвенного воздействия партнер обязан догадаться, и, во-вторых, это воздействие является конвенциональным. ...

В риторике спора под уловкой понимается «всякий прием, с помощью которого хотят облегчить спор для себя и затруднить спор для противника»¹⁸. С.И. Поварнин разделяет механические и психологические уловки. Механическими считаются: не давать противнику говорить, «сорвать спор», «довод к городовому», «палочные доводы», «чтение в сердцах». К психологическим относят выведение из равновесия; расчет на медленность мышления и доверчивость; отвлечение внимания от мысли, которую хотят провести без критики, и наведение на ложный след; ставка на ложный стыд; «подмазывание аргумента»; внушение; «втирание очков на мысли»; двойная бухгалтерия. В такого рода уловках активно используются синтаксические фигуры, тропы. «В ораторских речах одним из сильнейших средств, отвлекающих внимание от мыслей и их логической связи, является пафос, выражение сильного эмоционального подъема, равно как и избыток удачных тропов, фигур и т.п.» (Поварнин).

Разделяют довод и софизм. По мнению С.И. Поварнина, софизмы - «это намеренные ошибки в доказательстве». «Софизм и ошибка различаются не по существу, не логически, а только психологически; различаются только тем, что ошибка — не намеренна, софизм - намерен. Поэтому, сколько есть видов ошибок, столько видов и софизмов» (Поварнин). ...В риторике делового общения, изучающей деловые переговоры - взаимобмен

¹⁸ Поварнин С.И. О теории и практике спора / Обл. С.Григорьева. СПб., 1996. С.69.

сообщениями с целью достичь соглашения в ситуации, когда интересы в чем-то совпадают, а в чем-то и не совпадают с интересами другой стороны, - говорят о манипулятивных приемах - «хитроумных способах добиться превосходства над противником» («намеренном обмане», «психологической борьбе», «позиционном нажиме»)¹⁹. Эти приемы оцениваются как «нечистоплотные, противозаконные, безнравственные или попросту неприятные», так как они «не выдерживают проверки на взаимность». Это «Их цель — помочь «одержать верх» в беспринципном волевом противоборстве... Они предназначены только для одной стороны; при этом предполагается, что другая сторона ничего не подозревает или будет покорно терпеть, даже зная, что ее обманывают». Эти приемы, определяемые как манипулятивные, «в сущности, односторонние предложения в отношении процедуры переговоров, т.е. той самой игры, в которой договаривающиеся стороны собираются участвовать» (Фишер, Юри)...

[http://www.roseis.ru/reos/library.nsf/Files/B9B9871617E66868C32573060035691F/\\$FILE/EBD_599_denisjukEV.pdf%204.pdf](http://www.roseis.ru/reos/library.nsf/Files/B9B9871617E66868C32573060035691F/$FILE/EBD_599_denisjukEV.pdf%204.pdf)

¹⁹ Фишер Р, Юри У. Путь к согласию // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М.Сергеева, П.Б.Паршина; Общ.ред. В.В.Петрова. М., 1987.

Лингвистическая психология культуры

Язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей.

Язык - тончайшая плоть мысли, неотделимая от ее природы.

И не мысли только, а целостного духа.

Поэтому язык есть имя нации как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру., т.е. царство идеальных ценностей.

Г.П. Федотов

1. Культурно значимые концепты и обусловленные ими сценарии коммуникативного поведения

...Теория культурно обусловленных сценариев - выявление негласных норм культуры какого-либо сообщества с точки зрения их носителя, формулировка представления о том, как быть личностью среди других личностей, то есть как думать, как чувствовать, как хотеть и как действовать в соответствии с представлениями, как добывать и передавать знания, как говорить с другими людьми.

Среди правил выявляются два типа: универсальные и специфические правила для каждой культуры. Так, например, универсальным является правило характеристики высказывания в сфере модальности, но языковые системы культурно различаются набором модальных элементов и способов их потребления (категория отрицания присутствует во всех языках, но ее частотность, степень рейтинга – разная).

Правила формулируются не явно или явно и реализуются в сценариях поведения. Формулируются правила в отношении к самому себе, а также в отношении к собеседнику.

Сценарии поведения отмечены как положительные примеры (как следует себя вести), отрицательные примеры (как нельзя себя вести), как

допустимые примеры с определенным ограничением (как можно себя вести в строго определенных ситуациях).

Культурно обусловленные сценарии являются семиотическими объектами и реализуются с помощью элементов различных семиотических систем: кроме языка как основного средства коммуникации используются мимика, жесты, умолчание, декоративные элементы.

2. Универсальные и специфические сценарии поведения в разных культурах

...Наиболее значимыми культурными концептами для сценариев поведения русского человека являются концепты “душа”, “тоска”, “фатализм”, “эмоциональность”, “иррациональность”. Тайна русской души, по **Н.А. Бердяеву**²⁰, состоит в том, что “Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры, и этим она действительно отличается от стран Запада”. Отсюда следует вывод о конфликтности национального характера русского человека, о фатальной предрешенности саморазрушения со стороны русского человека в создаваемой им же, по собственному почину, конфликтной ситуации. Черты национального характера порождают специфические сценария поведения в сфере коммуникации.

Приведем примеры специфических сценариев в разных культурах. Их специфичность объясняется культивированием различного отношения со стороны говорящего к себе, к собеседнику, к тем культурным ценностям, которые формируют представления о морали и нравственности в определенной культуре. ...

Сценарий сдержанности чувств в китайской культуре - “идти средним путем” (не следует печалиться в случае несчастья или радоваться счастью,

²⁰ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 67-81

так как за каждым событием следует “возмещение”). Отсюда культивирование сдержанности, отрешенности, умеренности в системе воспитания. В китайском языке лексическое поле чувств и переживаний менее развито, чем, например, в английском или русском языках.

Англо-американская культура - сценарий позитивного мышления, культивирование уверенности в себе: “Если я хочу, чтобы со мной случилось что-то хорошее, мне надо делать что-то для этого, и я могу это делать”. В сфере общения американец говорит о том, что он хочет, при этом следует у собеседника также выяснить, что он, со своей стороны, хочет. В японской культуре - иная ситуация, так как считается неприличным сообщать собеседнику, что хочет говорящий (поэтому говорящему приходится пользоваться эвфемизмами или конструкциями 3-го лица при сообщении о себе самом).

О себе американец предпочитает не говорить плохого, наоборот - подчеркивает хорошее, в то время как русский жалуется на собственные неудачи или болезни. Японец также считает возможным говорить о себе плохое.

Литература

Chomsky N . Rules and representations . N.Y., 1980.

Schweder Richard A. Cultural psychology - What is it? In: Cultural Psychology: Essays on comparative human development. J.W. Stigler, R.A. Shweder and G. Herdt, eds. Cambridge University Press. 1990.

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor Karoma publishers, 1985.

Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam , 1988.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.

Логический анализ языка. Культурные концепты . М., 1991.

Логический анализ языка. Модели действия . М., 1992.

Логический анализ языка. Ментальные действия . М., 1993.

Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.

© Copyright «Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания

Культурно обусловленные сценарии в речевом поведении

представителей разных культур //

http://genhis.philol.msu.ru/article_164.shtml

Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи

Уже ни у кого не вызывает сомнения плодотворность разделения языка и речи. При этом языковая сторона анализируется с позиции структурно-системной организации, а речевая сторона - как реализация языка в общении. Однако и в самой речи общающихся можно выделить в исследовательских целях два компонента - речевую деятельность и речевое поведение отправителя текста. В этих двух сторонах речи есть черты общие и отдельные.

Общими выступают, прежде всего, предмет исследования - текст, категории выбора отправителем текста лингвистических единиц, категории эффекта воздействия, учет компонентов актуализации речевого акта. Различие между речевой деятельностью и речевым поведением просматривается по критериям открытости/скрытости воздействия; целенаправленности, осознанности, мотивированности выбора языковых единиц, с одной стороны, и привычности, автоматичности, неосознаваемости выбора речевых сигналов, с другой стороны; по критерию единицы обследования; по критерию используемых для анализа методов исследования; и, наконец, по объекту исследования.

...Речевую деятельность мы в прагмалингвистике рассматриваем как деятельность отправителя текста по осознанному, мотивированному, целенаправленному выбору языковых единиц в конкретных условиях речевого акта для достижения оптимального результата общения²¹.

²¹ Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. - Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1998. С. 14.

Выбор - важная категория прагмалингвистики. Ее использование позволяет отграничить прагмалингвистический аспект от семантического и синтаксического, т.к. критерием семантического аспекта является адекватность языковых единиц объективной реальности; критерием синтаксического аспекта является корректность организации языковых единиц на всех уровнях языка; критерием прагмалингвистического аспекта является удачность выбора отправителем текста лингвистических единиц для оптимального воздействия. Именно введение в лингвистические исследования зависимости функционирования лингвистических единиц от таких экстралингвистических факторов, как коммуниканты, привело к смене парадигмы в языкознании: от изучения языка «в себе», как системы «чистых отношений»²² языковеды обратились к изучению функционирования языка в условиях внеязыковой действительности.

Важным условием привлечения компонентов внеязыковой действительности стало изучение роли коммуникантов и, прежде всего, отправителя текста. Оказалось, что целенаправленный, продуманный, мотивированный выбор языковых единиц осуществляет именно адресант. Единицей такого выбора при исследовании речевой деятельности адресанта стала иллокуция, которая занимает важное место в триаде внутренней стороны речевого акта - локуции, иллокуции, перлокуции. Напомним, что локуция речевого акта - это момент произнесения отправителем текста выбранной языковой единицы, иллокуция - это та цель, которую отправитель текста преследует при произнесении выбранной единицы, перлокуция - факт достижения/не достижения отправителем текста цели с помощью выбранной языковой единицы. При этом под языковой единицей понимается законченное высказывание на любом языковом уровне от слова до текста. Высказывание и выступает единицей обследования при речевой деятельности. Что касается классификации иллокуций, то она находится в

²² Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. - М.: Просвещение, 1990.

разработке, поскольку еще не выработано критериев и оснований для этой классификации. Так, первоначально Дж. Серль выделил пять типов иллокутивных актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации²³, а в работе 2003 года К.Р.Вагнер²⁴ идет при определении иллокуций от глаголов, количество которых необозримо.

Единицей обследования речевой деятельности выступает высказывание, которое, прежде всего, общепринято считается единицей речи. Ее основным свойством считается законченность выражаемого содержания. Представляется, что этим содержанием и является иллокуция. При рассмотрении высказывания как формы, а иллокуции как содержания возникает две проблемы: с одной стороны, одно высказывание как синтаксическая модель, может выражать больше одной иллокуции в зависимости от условий, в которых происходит речевой акт. Например, вопросительное высказывание *«Не пройдет ли Вы в полицейский участок?»* может интерпретироваться и как просьба, и как приказ. С другой стороны, несколько высказываний, построенных по разным синтаксическим моделям, могут представлять собой набор для выражения одной и той же иллокуции. Например, для выражения иллокуции просьбы отправитель текста может выбрать высказывание из следующего набора: *«Закройте, пожалуйста, окно!»* (модель побудительного предложения); *«Не закроете ли Вы окно?»* (модель вопросительно предложения); *«Хорошо бы закрыть окно»* (модель повествовательного предложения) и др.

Выбор нужной для адресанта единицы речи определяется целями и мотивами, которые являются экстралингвистическими факторами обоснования выбора и которые объясняют нам тот факт, что выбор адресантом продумывается и направлен на достижение конечного оптимально результата.

²³ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Том XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1999. С. 239-342.

²⁴ Вагнер К.Р. Pragmatik der deutschen Sprache. - Frankfurt am Main, Berlin, Bern: Lang, 2001.

При выборе высказывания адресант учитывает все внешние компоненты речевого акта. По вопросу о количестве и качестве учитываемых компонентов речевого акта также нет единства среди ученых. Выделяется от трех²⁵ до семи²⁶ компонентов речевого акта. Три компонента, безусловно, самые важные и учитываются всеми: отправитель-текст-получатель. Причем отправитель и получатель - участники речевого акта обладают целым рядом свойств нелингвистического характера, которые влияют на выбор текста отправителем. К ним относятся: социальные свойства - пол, возраст, образование, культура, социальный статус; психологические свойства - черты характера и темперамента; ситуативные свойства - социальные роли участников, степень знакомства, официальная/неформальная обстановка речевого общения²⁷. При даже частичном неучете этих экстралингвистических факторов цели отправителя текста не достигаются, более того, возможно возникновение конфликтной ситуации общения.

Методика изучения речевой деятельности основывается на непосредственном наблюдении, описании, использовании стилистического и сопоставительного анализов, приемов количественного анализа.

Другой стороной речи в исследовательских целях мы рассматриваем речевое поведение отправителя текста. Под речевым поведением понимается стереотипичное и индивидуальное проявление заавтоматизированного, неосознаваемого, интуитивного выбора отправителем текста речевых сигналов актуализации скрытых нюансов смысла²⁸.

В нашей речи актуализируются такие грамматические значения, выбор которых совершается автоматически, а обоснование этого выбора сразу и не найдешь. Например, в таких двух фразах, как «Я веду кружок немецкого языка» и «Я руковожу кружком немецкого языка» выбор категории

²⁵ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. / Пер. с нем. - М.: Прогресс, 2001. С.34.

²⁶ Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып.7. Социоллингвистика. - М.: Прогресс, 1975. С.58.

²⁷ Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. - М.: Прогресс, 1975. С.358.

²⁸ Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация грамматического лица («портрета») говорящего. - Дис. ... докт. филолог. наук. - СПб., 1992. С.6.

винительного падежа («*кружок*») в первом случае и творительного падежа («*кружком*») во втором случае у носителя русского языка происходит автоматически, интуитивно, а, следовательно, на неосознаваемом уровне. Разумеется, филолог-ученый сможет найти объяснение этому выбору. В обыденной жизни эта актуализация грамматических категорий происходит интуитивно в отличие от продуманного, намеренного выбора лексических значений в речевой деятельности.

Не только выбор грамматической категории падежа, но и всех грамматических категорий - числа, лица, наклонения носителями родного языка совершается привычно на неосознаваемом уровне. И это позволяет нам говорить о скрытости, как для отправителя, так и для получателя текста речевых поступков в речевом поведении. Причем эта скрытость выбора обладает свойством скрытого воздействия, потому что, накапливаясь в восприятии получателя текста до определенного порогового значения, она стимулирует получателя к оцениванию собеседника и принятию решения о своем отношении к нему, к его тексту и о своем дальнейшем поведении. Поэтому, анализируя речевое поведение, мы принимаем за единицу именно выбор отправителем текста речевого сигнала грамматической категории. Каждой грамматической категории соответствует речевой сигнал актуализации. Например, сигналам грамматической категории времени соответствует речевой сигнал выбора глагольной формы настоящего, прошедшего или будущего времени, а грамматической категории лица соответствует выбор формы местоимения.

В речевом поведении мы выделяем речевые стратегии скрытого воздействия отправителя текста на его получателя, которые в свою очередь подразделяются на планы-варианты актуализации. Например, речевая стратегия скрытого воздействия «участия/неучастия коммуниканта в речевом событии» представлена в тексте в трех планах-вариантах: личном, социальном и предметном.

При актуализации личного плана отправитель текста выбирает один из двух речевых сигналов - личное местоимение 1-го или 2-го лица единственного лица, т.е. в речевое событие вводится один из участников речевого акта: «*Я сейчас расскажу о...*», «*Ты сейчас расскажешь о...*». В качестве речевых сигналов можно рассматривать и косвенные, и притяжательные формы этих местоимений.

При актуализации социального плана выбираются формы личного местоимения множественного числа, указывающие на участников речевого события, но теперь актуализируется их совместное участие в речевом событии: «*Мы сейчас расскажем ...*», «*Давайте рассмотрим...*» и т.п.

Предметный план актуализируется в тексте, если нет речевых сигналов двух предыдущих планов: «*Солнце село*» . Интересно, что стратегия «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии» актуализируется в виде одного из своих планов в каждой малой синтаксической группе (МСГ) текста.

МСГ рассматривается нами как единица счета выбора речевых сигналов отправителем текста. Под МСГ понимается минимальная предикативно-модальная единица²⁹. Аналогичная минимальная единица уже была выделена и описана М.И.Черемисиной³⁰ для работы с текстом в рамках математической лингвистики.

Для МСГ важна актуализация грамматических категорий глагола - лица, времени, наклонения, поэтому при делении текста на МСГ учитывается наличие в ней глагола или его форм, выступающих в причастных, деепричастных, инфинитивных оборотах. Кроме того, к МСГ мы относим вводные слова, обладающие чистой модальностью; обращения, вводящие собеседника в речевое событие. И, наконец, большое количество МСГ зависит от количества однородных членов предложения, т.к. каждый однородный член предложения можно представить как отдельную МСГ.

²⁹ Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. С.76.

³⁰ Черемисина М.И. Элементарное высказывание как единица анализа текста (общие принципы и правила выделения) // Методологические и методические проблемы контент-анализа. Тезисы. - М.-Л., 1973.

Например, высказывание *«Давайте уважать чужие язык, культуру, религию»* может быть разбито на такие МСГ: 1. *«Давайте уважать чужой язык»*, 2. *«Давайте уважать чужую культуру»*, 3. *«Давайте уважать чужую религию»*.

Чем больше МСГ одного текста используется исследователем для анализа, тем надежнее полученные результаты, т.к. исследование речевого поведения отправителя текста проводится методом объективного прагмалингвистического эксперимента, в котором для составления фрагмента речевого портрета отправителя текста применяется модифицированный контент-анализ.

Контент-анализ - метод сбора количественных данных об изучаемом процессе или явлении, содержащихся в документе³¹. Метод контент-анализа широко используется в социологии и социальной психологии. С его помощью изучалась религиозная символика и популярные песни, устанавливалась мера эффективности политических слоганов, реклам и вражеской пропаганды, определялись особенности суицидального поведения, проявившиеся в предсмертных записках самоубийц, стереотипы сознания различных социальных групп, идеологическая подоплека передовиц газет и многие другие темы³².

В качестве единицы анализа в традиционном контент-анализе могут использоваться: слово (словосочетание), сообщение, герой, тема, суждение, ситуация. В последние десятилетия этот социологический метод заимствовался и активно использовался в таких науках, как юриспруденция, литературоведение, источниковедение, журналистика, политология, языкознание и др.

Мы говорим о модифицированном контент-анализе, т.к., уточнив единицу исследования (МСГ) и внося определённые изменения в алгоритм использования этого метода (строгий учёт единиц исследования, процентное

³¹ Контент-анализ / <http://irbis.asu.ru/mmc/grig/4.1.ru.shtml>

³² Шалак В.И. Контент-анализ. История метода / <http://www.vaal.ru/cont/content.php>

вычисление актуализации маркеров скрытого речевого воздействия в каждой из единиц (МСГ), сравнение процентных показателей, вывод общих показателей и т.д.) представители школы прагмалингвистики стали использовать его на новом материале для выполнения новых задач. В рамках скрытой прагмалингвистики модифицированный контент-анализ применяется для изучения речевого поведения отправителя текста и диагностирования его личностных индивидуальных качеств. Единицей анализа выступают речевые сигналы скрытой интенции отправителя текста.

Таким образом, в статье рассмотрены две равнозначные составляющие речи - речевая деятельность и речевое поведение отправителя текста, которые различаются по степени осознаваемости при выборе лингвистических единиц. При речевой деятельности этот выбор - целенаправлен и мотивирован; при речевом поведении он - автоматичен, неосознаваем. Другим различием является объект выбора: при речевой деятельности - это лингвистические единицы, обладающие лексическим значением; при речевом поведении - это выбор речевых сигналов грамматических категорий. Различают данные составляющие и по единице счета обследования и используемым методам: при речевой деятельности выбор изучается в высказывании количественным методом; при речевом поведении единицей счета выступает МСГ, а в качестве метода используется модифицированный контент-анализ.

Обе составляющие речи - речевая деятельность и речевое поведение отправителя текста - равноправны и проявляются в речи одновременно...

<http://rspu.edu.ru/projects/deutch/note52.html>

Язык конфликта как объект лингвосоциологии

Постановка проблемы

Конфликты, происходящие в период социальных изменений, требуют поиска способов, технологий их разрешения посредством диалога, переговоров и т.д. Иррационализация конфликтных процессов, возрастающее значение неформальной составляющей переговорного процесса также актуализируют проблему учета особенностей межличностных коммуникаций. Следовательно, язык как средство коммуникации приобретает особое значение. Вместе с тем отсутствуют специальные научные исследования специфики языка социальных конфликтов.

...Цель статьи – обосновать основные методологические принципы лингвоконфликтологического подхода к исследованию социокоммуникативных процессов, определить соотношение лингвосоциологии, социолингвистики и лингвоконфликтологии, а также познавательное и практическое значения понятия «язык конфликта».

Почему лингвосоциология, а не социолингвистика?

Каково соотношение социолингвистики и лингвосоциологии и каковы методологические предпосылки их разграничения? Бурная дискуссия 60-70 годов XX века в зарубежной и отечественной лингвистике и социолингвистике по ключевым методологическим проблемам несколько утихла. Однако достижения единства в понимании предмета, методологии и проблемного поля исследований, гармоничного синтеза лингвистических и социологических категорий и подходов не произошло. Целый ряд проблем остался нерешенным. Исследование языка социальных конфликтов вызывает

необходимость решения ряда проблем методологического характера через разграничение социолингвистики и социологии языка.

Возникшая изначально как социальная лингвистика³³, социолингвистика ближе к лингвистике, чем к социологии. В процессе ее становления целый ряд идей, связанных с исследованием взаимосвязи языка и общества в рамках социологической традиции (Г.Спенсера, Э.Дюркгейма, Г.Тарда, А.Щюца, И.Гофмана, Г.Гарфинкеля и др.) остался в тени. В русле именно лингвосоциологии может быть актуализирован целый пласт историко-социологического материала, позволяющий создать многомерную картину социокоммуникативных процессов. Особое значение приобретает лингвоконфликтологическая интерпретация ключевых идей и понятий социологии повседневности и этнометодологии. Это позволяет, с одной стороны, обогатить понятийный аппарат конфликтологии понятиями и категориями, описывающими нерациональные проявления конфликтности (например, «сценические разговоры» И.Гофмана, «чужак» А.Щюца и пр.), с другой стороны – выявить роль конфликтов в возникновении новых типизаций, создании «рамки интерпретации» и т.д.

Уже в 1960-е годы, в процессе становления социолингвистики, некоторые исследователи аргументировано обосновывали необходимость разграничения собственно социолингвистики и социологии языка, или лингвосоциологии (в частности, Р.Белл, Р.Гроссе, А.Нойберт и др. в западной, а Л.Б.Никольский - в советской социолингвистике). Так, например, с точки зрения Л.Б.Никольского различие между социолингвистикой и лингвосоциологией «заключается в том, что первая изучает отражение в языке тех или иных социальных явлений и процессов, тогда как вторая рассматривает язык как один из активных социальных факторов, влияющих на общественные процессы». Социолингвистика при этом рассматривается как часть лингвистики, а лингвосоциология – как часть социологии. Однако

³³ Энциклопедический социологический словарь. М., Прогресс. 1990.

по мнению А.Д.Швейцера, «...тем самым вновь воздвигается междисциплинарный барьер, препятствующий интеграции лингвистических и социологических исследований вокруг проблем, находящихся на стыке этих дисциплин»³⁴. Он подчеркивает важность гармоничного синтеза лингвистики и социологии на этапе становления социолингвистики. Подход Швейцера на долгие годы стал доминирующим в отечественной социологии и социолингвистике. Ряд проблем остались нерешенными именно в силу продекларированного слияния социолингвистики и лингвосоциологии, которого реально не произошло на методологическом уровне.

...В основе лингвосоциологии (включающей в себя социологию языка и социологию речи) – социологическая методология и, прежде всего, синтез социологических методов познания А.Шюца и Т.Парсонса. Подход Парсонса в большей мере отображает стратегию исследования языка конфликта и способов его взаимодействия с социальными институтами, а подход А.Шюца – особенностей речевых стратегий, влияющих на гармоничный или конфликтный потенциал коммуникативных процессов. Важной задачей лингвосоциологии является определение лингвистических механизмов конструирования социального пространства, позволяющих перейти от конфликта и разобщенности к формированию доверия, толерантности, лояльности, солидарности. Лингвоконфликтология изучает особенности лингвистического конструирования конфликтов, проявляющиеся в провоцировании конфликтов, протестном поведении, формировании определенного образа врага, изменении ценностных интерпретаций социально значимых событий и т.д.

Предметом лингвосоциологии являются особенности моделирования социальных взаимодействий посредством определенных лингвистических конструкторов. Лингвосоциология является одной из специальных социологических теорий, основываясь на методологическом фундаменте

³⁴ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, методы, проблемы М., 1976.

социологии в отличие от социолингвистики, которая остается по своей методологии лингвистикой: учитывая влияние социальных факторов, она анализирует их, прежде всего, с позиций языкознания.

Язык конфликта нуждается в комплексном исследовании с позиций лингвоконфликтологии, лингвосоциологии и социолингвистики. Посредством анализа языка конфликта мы можем выявить согласованность или рассогласование институциональной и повседневной плоскости социальных взаимодействий. При этом лингвоконфликтологический подход реализуется в рамках лингвосоциологии, выходя за ее границы в область конфликтологии.

Методологические принципы исследования языка конфликта и сфера применения лингвоконфликтологического метода

Сегодня мы все чаще наблюдаем ситуацию, когда социальные изменения сначала отрабатываются на уровне повседневных практик, причем именно посредством лингвистических механизмов конструирования реальности (посредством PR-технологий и пр.), а затем уже проецируются на изменения социальных институтов. Опираясь на сконструированные мифы, можно легитимизировать определенные социальные изменения, на утверждение которых «работают» ключевые символы, образы и идеи, не без помощи СМИ закрепляемые в общественном сознании. Ситуация конфликта обостряет восприятие, вызывает интерес к событию, позволяет ввести его в поток информации СМИ и акцентировать на нем внимание. Особое значение в данном случае имеет язык конфликта как способ этой легитимизации. Например, закрепление в повседневных практиках коммуникации, а также в различных формах проявления протестного поведения крымских татар привело к легитимизации их названия «коренное население». В дальнейшем это дало возможность поставить вопрос об изменении в земельном законодательстве, в котором предлагалось зафиксировать приоритетное

право на приобретение земли крымскими татарами как коренным населением.

Язык конфликта - это определенная семиотическая система, обладающая свойством маркировать и передавать уровень конфликтного потенциала, который может быть оценен по шкале «конфликт-согласие». Язык конфликта имеет свои нормы, непосредственно связанные с нормами и ценностями той социальной системы, применительно к которой он рассматривается. Взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций позволяет измерять лингвистические характеристики языка конфликта через аксиоконфликтные индикаторы [26], обнаруживающие потенциальную деструктивную конфликтность путем соотнесения с ценностными характеристиками. В основе этих индикаторов – аксиология конфликта, которая выступает как ценностно-интегрированная стратегия гармонизации социальных отношений.

Аксиология конфликта позволяет интегрировать различные подходы к анализу конфликтов с позиций ценностной морфологии коммуникативных процессов, вырабатывая интегральные ценностные параметры классификации конфликтов и методик их решения. Конфликтологическая интерпретация идей Т. Парсонса не только дает ориентиры проведения структурного анализа конфликта, но и позволяет понять экзистенциальную роль этики личности в сохранении и выживании социальных систем³⁵. Обращение к микросоциологии И.Гофмана, к социологии повседневности А.Шюца позволяет дополнить макросоциологическую теорию Т.Парсонса с учетом особенностей межличностной коммуникации. Объединение этих подходов позволяет перейти от ценностей личности, определяющих характер межличностных коммуникаций и способы реализации определенных образцов поведения, их символическое наполнение и интерпретацию (согласно И.Гофману), к ценностям общества, отображенным в «типовых переменных действия». Эта методологическая схема может быть реализована

³⁵ Даниленко О.А. Социологическое измерение конфликта. Харьков, 2003.

на уровне методики социологического исследования через обращение к лингвистическим характеристикам языка конфликта, характерным для определенных социальных систем. Язык конфликта характеризуется и как система знаков, сигнализирующих об уровне конфликтности, и как набор специфических лексических единиц, их взаимосвязанных подсистем.

Исследуя коммуникативные процессы в трансформирующемся обществе, целесообразно рассматривать систему «язык конфликта - язык согласия». В ней оказывается целый ряд лексических подсистем, отображающих два противоположных полюса (язык агрессии, сопротивления, революции и язык консенсуса, компромисса, солидарности) и характеристики, сопряженные с конфликтом и возможностью его разрешения: язык доверия/недоверия, язык толерантности/нетерпимости и т. д. По наличию определенных лексических единиц можно диагностировать уровень доверия, готовность к компромиссу, измерить остроту конфликтной ситуации, выявить тенденции дальнейшего развития конфликта, готовность к его завершению. Исследуя язык конфликта как систему знаков, передающих определенный уровень социальной напряженности или согласия, можно выявить важнейшие характеристики различных социальных институтов общества.

Значения, стоящие за определенными лексическими системами, единицами и знаками языка социальных конфликтов целесообразно объединить в смысловые блоки, а их, в свою очередь, в систему, которая может быть ранжирована, во-первых, по шкале «конфликт-согласие», и, во-вторых, – по ценностной шкале. Возникает возможность, соотнося язык конфликта с аксиоконфликтными характеристиками социальных систем, прогнозировать тенденции социальных изменений.

Исследовать язык конфликтов позволяет лингвоконфликтологический метод. Его ключевой принцип - рассмотрение конфликтов как системы структурных коммуникаций через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций ...

В основе структурно-коммуникативного подхода к анализу конфликтов находится аксиология конфликта³⁶, которая позволяет выявить структурные характеристики коммуникативных процессов в ценностном аспекте. От морфологии конфликта можно перейти к установлению взаимосвязи ценностных и речевых ориентаций, а затем – к анализу языка конфликта как средства коммуникации в конфликтной ситуации и интерпретации событий – современных и прошедших. Проиллюстрируем это на различных примерах реализации лингвоконфликтологической исследовательской стратегии.

Язык конфликта как средство интерпретации может быть исследован, в частности, посредством анализа изменений нарративов о конфликте. Социальные изменения всегда ведут к пересмотру истории: изменение оценок, акцентирование внимания на тех или иных событиях, введение новых «персонажей», превращение героев в антигероев и наоборот, переименование и т.д. Конфликтологический контент-анализ показывает, что не только меняются оценочные характеристики ситуации и ее участники, но и иные события оказываются в центре внимания. Это наглядно видно на примере нарратив-конфликтологического анализа событий революции 1917 года. В современных российских и белорусских учебниках по сравнению с советскими в центре внимания остается то же событие, но называют его по-разному («октябрьский переворот» вместо «Великой Октябрьской социалистической революции»). В украинских учебниках центральный нарратив – об украинской революции (дан развернутый нарратив, за ним – другие субъекты конфликта, конфликтные интересы и пр.). Украинская революция не тождественна событию, именовавшемуся ранее в советских учебниках Великой Октябрьской социалистической революцией (нарратив о ней свернут в краткой характеристике «русской революции» или «восстания в Петрограде»). Такое структурное сравнение нарративов позволяет выявить тенденции векторов социальных изменений через особенности конструирования и реконструирования истории.

³⁶ Там же.

При анализе языка конфликта как средства интерпретации целесообразно исследовать также нарративы о конфликтах, отраженные в средствах массовой информации, устной истории и пр. Изучая нарративы о конфликте и их особенности для различных субъектов конфликта, выявляя их характеристики в различные периоды развития общества, можно заметить взаимосвязь характеристик эпохи и ценностных характеристик нарративов о конфликте. Инструментом, позволяющим выявлять эти характеристики, является нарратив-конфликтологический контент-анализ, который и является последовательным воплощением лингвоконфликтологического метода.

Изучая *язык конфликта как средство коммуникации*, необходимо обратиться, прежде всего, к анализу повседневных практик коммуникации. Здесь особенно ярко лингвистически разграничивается поле «свой - чужой». «Мотив чужого» непосредственно связан с «типизацией процессов действия». При этом «типичным является то, что обычно можно ожидать как нормальный случай, в противовес исключительным и пограничным случаям»³⁷. Например, анализ языка конфликта посредством включенного наблюдения в сочетании с углубленными проблемно-ориентированными интервью позволяет выявить особенности языка конфликта отдельных этносов, исследовать специфику языка конфликта определенных субкультур (например, молодежных), особенности лингвистического разграничения «свой - чужой» в ситуации конфликта. Целесообразно также проведение исследования языка конфликта в период массового протестного поведения через анализ лозунгов, плакатов, призывов, а также посредством углубленных фокусированных интервью. Семантические и семиотические характеристики языка конфликта, предпочтение определенных лингвистических конструкторов при ведении полемики – не только маркеры принадлежности к социальной группе, индикаторы ценностных ориентаций,

³⁷ Вальденфельс Б. Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А.А.Михайлов; отв. ред. Т.В.Щитцова. Мн.: Прополис, 1999.

но и показатели потенциальной конфликтности, а также факторы, моделирующие социальные взаимодействия.

Заметим, что контент-анализ не противопоставляется традиционному анализу как количественный подход качественному, а рассматривается как качественно-количественный метод анализа текстов, причем для анализа конфликтов особенно важна именно качественная составляющая, так как это позволяет приблизиться к исследованию влияния иррациональных (когнитивно-волевых, эмоциональных и пр.) факторов на возникновение, развитие и снятие конфликтно-экстремальных ситуаций.

Исследовательская стратегия может сочетать в себе анализ языка конфликта одновременно и как средства коммуникации, и как средства интерпретации. Это будет продемонстрировано ниже на примере конфликтологического контент-анализа фрагмента автобиографии Питирима Сорокина «Бойня: революция 1917 года»³⁸. В данном тексте высвечивается язык конфликта как средство интерпретации, если рассматривать описание собственных переживаний автора, и как средство коммуникации - при рассмотрении этого фрагмента как «устной истории» (запечатленная живая повседневная речь, язык лозунгов и т.д.)...

Особенности социологического измерения языка конфликта в трансформирующемся обществе

...Проиллюстрируем возможности исследования языка конфликта и особенностей его проявления в условиях стремительных социальных изменений на примере языка революции 1917 года, обратившись к вышеупомянутому фрагменту автобиографии Питирима Сорокина³⁹. Этот текст представляет особый интерес, поскольку уникальное личностное переживание ситуации и воплощение его в тексте позволяет увидеть

³⁸ Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

³⁹ Там же.

характеристики языка конфликта как языка повседневности на «пике социальных преобразований» - революции. Текст Питирима Сорокина рассматривается не как отображение событий переломного периода жизни выдающегося социолога, не с точки зрения его политических ориентаций как общественного деятеля, а как уникальный материал для анализа языка конфликта. Качественный контент-анализ этого фрагмента автобиографии дает возможность за логичной, рациональной канвой изложения событий увидеть множество иррациональных проявлений конфликтности и особую роль слова, текста в воздействии на иррациональное поведение толпы, масс.

Питирим Сорокин называет 1917-1922 годы русской революции наиболее деструктивным ее периодом, поэтому, благодаря его тексту, мы можем выявить социолингвистические предпосылки проявления этой деструктивности. Текст отображает различные способы манифестирования конфликтных интересов и их изменение под влиянием социокультурных и ситуативных факторов.

Проведен анализ: 1) языка лозунгов и его взаимосвязи с поведением толпы; 2) темы дискуссий и языка политической полемики; 3) языка личностного переживания революции автором; 4) конфликтных структур в повседневной речи; 5) взаимосвязи речевых сценариев политической борьбы с тенденциями социальных изменений.

Контент-анализ фрагмента автобиографии Питирима Сорокина «Бойня: революция 1917 года» позволил выявить следующие характеристики языка конфликта как социолингвистические индикаторы предтоталитарных эпох: 1. Лозунги и призывы разрушительной направленности, которые в равной степени могут быть применимы к различным субъектам конфликта и периодически меняют своего адресата на противоположного («Смерть всем врагам народа!» и т.п.). 2. Жесткость выражений в агитационных выступлениях и политической полемике (яркий пример - фрагмент выступления Троцкого перед кронштадтскими матросами: «...Своими деяниями, преданностью коммунизму, безжалостной ненавистью и

истреблением всех эксплуататоров и врагов пролетариата вы впишите бессмертные страницы в историю революции... Пускай враги наши трепещут. Никакой жалости, никакого милосердия к ним. Сконцентрируйте всю свою ненависть. Уничтожьте врагов раз и навсегда!»⁴⁰). 3. Множество переименований оценочного характера (например, революционеров в контрреволюционеров⁴¹). 4. Высокая степень эмоциональности высказываний (и в лозунгах демонстраций, и в агитационных выступлениях, и в повседневной речи) наряду с их противоречивостью. Противоречия, во-первых, фиксируются в самих текстовых структурах, во-вторых, отмечается противоречивость высказываний и действий⁴². Такого рода текстовое воздействие усиливает агрессивность и колебания настроений толпы, готовой подчиниться наиболее жестким предложениям, сформулированным в простейшей форме и апеллирующим к самым значимым в этот момент жизненным ценностям. 5. Неопределенность, противоречивость, алогичность - характерные особенности и лозунгов, и полемики, и повседневной речи. 6. Всеобщность и безадресность воззваний («Всем! Всем! Всем!»), что еще более усиливает колебания настроений толпы в зависимости от «вбрасываемой» информации, позволяя союзников в решении конфликтных ситуаций мгновенно превращать в оппонентов. 7. Контрасты ценностей и «антиценностей» в текстах политической полемики, лозунгах и повседневной речи, зачастую сопряженные с абсурдными вариантами их интерпретации. 8. Призывы к борьбе с «врагами революции», «контрреволюционерами» и т.п. (с учетом размытости понятия «врага» энергию масс можно обратить против любого политического оппонента и, уничтожив все альтернативные политические силы, утвердить диктаторскую власть). Поиск поводов, которые позволят обосновать необходимость введения жестких мер, вооруженного выступления, диктатуры.

⁴⁰ Там же. С. 236-237.

⁴¹ Там же. С.226, 235.

⁴² Там же. С.229.

Как соотносятся выявленные на основе работы П.Сорокина характеристики с современными характеристиками языка конфликта?

Включенное наблюдение, конфликтологический контент-анализ текстов (рекламных предвыборных материалов, политических выступлений на митингах, в СМИ, на заседаниях Верховного Совета и на съезде депутатов всех уровней в Северодонецке, контент-анализ лозунгов, плакатов, листовок и пр.), а также углубленные проблемно-ориентированные интервью с экспертами и участниками событий (в том числе интервью с участниками акций протеста в палаточных городках оранжевых и бело-голубых на площади Свободы в Харькове) стали основой исследования языка конфликта в Украине в период с 20 сентября по 26 декабря 2004 г.

Конфликтологический контент-анализ позволил зафиксировать прежде всего различие и даже контрастность текстов - с одной стороны текстов политической рекламы (как всякая реклама, являющихся агрессивными в своих попытках манипулятивного воздействия), с другой стороны - текстов «институциональных разговоров», фиксируемых на уровне повседневности (здесь больше полутонов, все не так однозначно и значительно более миролюбиво по своей сути: «все мы люди, хотя по-разному маркирующие себя, в том числе и посредством оранжевой или сине-белой цветовой символики, при этом готовы общаться, отстаивать свое мнение, уважая другого» - примерно таким был доминирующий тон взаимного общения оранжевых и бело-голубых на митингах и в расположенных недалеко друг от друга палаточных городках.). Это основное отличие от описаний Питирима Сорокина, где в гораздо большей степени ощущается амбивалентность толпы, колебания ее настроений и категоричность высказываний. Однако и эти настроения и порывы, фиксируемые на уровне повседневности (зачастую искренне-увлеченные, зачастую растерянные и уставшие от альтернативных потоков информации - в этом тоже совпадение с работой Питирима Сорокина), могут стать и становятся основой политических манипуляций. И в современных событиях на некоторых из этапов развития конфликта

прослеживается его ужесточение и усиление категоричности выражения своих позиций, в том числе на уровне характеристик языка конфликтного противостояния. Являются ли конфликтные структуры в текстах показателем возможных деструктивных тенденций социальных изменений? Для ответа на этот вопрос обратимся вновь к характеристикам текстов предтоталитарных режимов, выявленных в работе Питирима Сорокина.

Некоторые из выявленных посредством качественного контент-анализа работы Питирима Сорокина характеристики языка конфликта сопоставимы с особенностями языка современных конфликтов, в частности, зафиксированных при исследовании современных социальных изменений в Украине. Анализ текстов, сопутствующих борьбе двух основных лидеров президентской избирательной кампании 2004 г. и их «оранжевых» и «бело-голубых» сторонников, позволил заметить наличие лозунгов и призывов разрушительной направленности обеих сторон конфликта. Например, «Позор тем, кто поддерживает преступников и фальсификаторов!», «Хунту под народный трибунал!», «За грати!» (За решетку!) - некоторые из лозунгов «оранжевых», «Нет оранжевой чуме!», «Нашизм не пройдет!» - лозунги «бело-голубых». Проявляется также жесткость выражений в агитационных выступлениях и политической полемике, контрасты ценностей и «антиценностей» в текстах политической полемики, призывы к борьбе с «врагами революции», «контрреволюционерами» (хотя они и называются иначе) и др.

Это позволяет говорить о некоторых аналогиях с характеристиками языка конфликта, выявленными при анализе работы Питирима Сорокина. На уровне институционализированных PR-технологий и освещения событий в средствах массовой информации они преимущественно совпадают, на уровне институциональных разговоров, отображающих канву повседневного восприятия ситуации конфликта - отличаются.

Анализ характеристик языка конфликта как средства выражения толерантности или враждебности, доверия или недоверия, выявление

изменений языковых характеристик конфликтного поведения различных социальных групп в условиях перехода от советских к постсоветским идентичностям, учет особенностей языка конфликта как средства межкультурной коммуникации в социальных технологиях - все это расширяет возможности эффективного управления конфликтными и интеграционными процессами в современном обществе.

Язык конфликта характеризует направленность социальных изменений. Коммуникативные и интерпретативные практики, связанные с конфликтами в условиях социальных преобразований, позволяют сфокусировать внимание на предельных характеристиках коммуникативных процессов, выявить типовые характеристики конфликтов, их взаимосвязь с векторами социальных изменений.

Выводы

...Лингвоконфликтологический подход способствует разработке эффективных технологий управления конфликтами, учитывающих лингвистические особенности конструирования социальной реальности.

Список литературы

1. *Кожевникова Г.* Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее: мониторинг прессы. М.: РОО «Центр «Сова», 2004. 103 с.
2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
3. *Крысин Л.П.* Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С.26-42.
4. *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия». Изд-во Европ. Ун-та, ИЦ «Гуманитарная академия», Изд-во европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

5. *Купина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
6. *Купина Н.А., Михайлова О.А.* Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. N 5. 2002.
7. *Шаклеин В.М.* Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2000. N 1. С. 73-88.
8. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
9. Язык и моделирование социальных взаимодействий. М., 1987.
10. *Трет'яченко В.В., Букаєва Т.В.* Лінгвістична модель конфлікту // Теор. і прикладні проблеми психології та педагогіки . 2001. № 2. С.155-160.
11. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
12. В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией / Отв. ред. *Т.М.Дридзе, Л.Н.Цой*. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2001. N 3. 176 с.
13. *Х.Абельс.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. С-Пб.: Алетейя, 2000. 272 с.
14. *Белл Р.* Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1989.
15. *Никольский Л.Б.* Роль языка в развивающихся странах (предпопытки лингвосоциологии) // Народы Азии и Африки. 1974. N 2 . С.99-100.
16. Образ врага /сост. *Л.Гудков*; ред.*Н.Конрадова*. М.: ОГИ, 2005.
17. *Гудков Л.* Негативные идентичности. // Новое литературное обозрение. М. 2004.
18. Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования / Под ред. *Е.И.Степанова*. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 344 с.
19. *Fehr H.* Öffentlicher Sprachwandel und Eliten-Konkurrenz. zur Rolle politischer Semantik in den Dekommunisierungskampagnen post-kommunistischer Gesellschaften (Tschechische Republik, Polen und Ostdeutschland) // Eliten,

politische Kultur und Privatisierung in Ostdeutschland, Tschechien und Mitteleuropa / I. Srubar (Hg.). Konstanz: UVK, Univ., Verl. Konstanz, 1998, 361 s.

20. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / Пер. с англ. М.: Лабири, 1994. 213 с.

21. Костенко Н., Иванов В. Досвід контент-аналізу: моделі та практики. К.: Центр вільної преси. 2003. 200 с.

22. Энциклопедический социологический словарь. М., Прогресс. 1990.

23. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, методы, проблемы М., 1976.

24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. 305 с.

25. Вальденфельс Б. Мотив чужого: Сб.пер. с нем. / Научный ред. А.А.Михайлов; отв.ред.Т.В.Щитцова. Мн.: Пропилеи, 1999. 176 с.

26. Даниленко О.А. Социологическое измерение конфликта. Харьков, 2003. 242 с.

27. Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.223-244.

28. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.

29. Штомпка П. Трудноучитываемые культурные факторы в быстрых социальных изменениях. Доверие, лояльность, солидарность // Социология: РЖ. 1999, № 2. С. 78 - 85.

© 2005 г.

http://www.hiscon.com.ua/publications/DanylenkoOA_SOSIC.doc

Глава четвертая

Слово и разум

Языковая проблематика очень важна ..., поскольку в языке, как на экране, проецируется вся диалектика рассудка и разума. Довольно долгое время преобладало мнение, что язык всецело ограничен сферой рассудочного познания, фиксацией - в статике - рассудочных категорий. Конечно, на нынешней стадии развития знаний язык предстает в основном как данная готовая структура взаимосвязанных элементов - в отвлечении от ее развития, особенно на ранних этапах. Тем не менее в современных исследованиях языка можно отметить целый ряд тенденций, которые ставят во главу угла динамические, творческие, порождающие аспекты, что способствует осмыслению в языке не только средств формальной фиксации рассудочного, но и возможностей схватывания и запечатлевания собственно разумного, творческого аспекта человеческой мыслительной деятельности. ...

Между формами языка и формами мышления, между словом и понятием, суждением и предложением нет и не может быть однозначного соответствия. Тому есть несколько причин: одна из них связана с условностью исходной физической основы знака по отношению к обозначаемому им содержанию, другая - с тем, что, раз возникнув, язык приобретает определенную самостоятельность, независимость своего существования, функционирования, исторического развития. ... Доминантой мыслительных подходов к языку в XX в. стало осознание самостоятельности языка, специфичности его как предмета научного изучения. Конечно, такой подход не мог возникнуть сразу и вдруг: превращение языка в самостоятельный объект изучения некогда закладывалось уже в процессах, ограничивавших сферу мифического мышления с его отождествлением «слов» и «вещей» и постепенно формировавших субъект-объектное отношение в системе «человек - мир». Одним из следствий этого было

постепенное осознание раздельности предметной действительности и самого человеческого сознания, формой существования которого и служит язык. Теоретическому осознанию самостоятельности языка, по-видимому, способствовало и возникновение письменности, и - позже - появление искусственных языков, значительно отличающихся от языка естественного. ... Сама возможность языкового творчества заложена, по-видимому, в несовпадении языковых форм с мыслительными формами, языка и предметов объективного мира; она осуществляется посредством особой дискурсивной интуиции (категоризирующей новые концептуальные содержания и в известной мере формирующей сами эти содержания).

Да, язык - это прежде всего форма связи мысли и предмета, мысли и действия. Но в языке со всей его структурностью и дискурсивностью есть свои специфические способы фиксации «немыслимого» или «неосмысленного», схватывания допонятийного содержания. В языке есть свои особые механизмы шлифовки, отработки концептуального содержания мысли на пути от «первометафоры» (мы будем говорить об этом далее) к понятию. Когда же мы задаемся вопросом о том, что же все-таки «первичнее» - мышление или язык, то при всей несомненности акцента именно на мышлении, на его определяющем характере, мы можем столкнуться при анализе конкретных примеров с самыми разными случаями: бывает, что язык как бы «забегает вперед», опережая содержание (ср. футуристические построения, где бесцельная, казалось бы, работа с языком приводит в конечном счете к обогащению смысловых возможностей), бывает, что язык «запаздывает» по отношению к мысли (например, когда понятийные содержания уже выкристаллизовались, но еще не нашли адекватного языкового выражения). Самое интересное здесь, однако, то, что эти «аномальные» несоответствия мысли и языка постоянно имеют место в повседневной языковой практике. В языке постоянно работают механизмы своего рода взаимоприлаживания форм и содержаний, мысли и слова, которые могут проявляться и в упомянутых выше случаях с «опережающей

формой» или «опережающим содержанием». Итак, ни одно из существующих направлений современной языковедческой мысли пока не в состоянии помыслить в полной мере соотношение рассудочного и разумного на уровне языка. ...

«Рационалистические» трактовки языка представлены главным образом в философии позитивизма и в самой лингвистике. Как известно, позитивизм существовал и развивался поначалу как логико-лингвистическая концепция, которая подходит к решению всех основных проблем посредством логического прояснения структуры искусственных языков или языков науки, а позже - путем анализа логической семантики. Однако этот подход сталкивался с внутренними трудностями, с невозможностью полной формализации естественных языков. Требовалось содержательное расширение и обогащение способов, которыми описывались естественные языки. Это приводило к тому, что метаязыки, использовавшиеся для описания тех или иных фрагментов знания, становились все более и более близкими к структуре естественных языков, обыденного языка. Контекст, от которого поначалу казалось возможным абстрагироваться, превращался в едва ли не главный объект анализа (во всяком случае, так было в рамках философии лингвистического анализа). При этом образуется поле более широкого исследования языка, а также складывается концепция языка «и самом широком смысле слова»: «Прояснение значения (содержащегося либо в формальных определениях, либо и иллюстративных примерах) происходит лишь тогда, когда определяемые термины «сцеплены» с человеческим опытом. Это серьезная проблема, поскольку опыт различных людей, хотя он в чем-то и перекрещивается, весьма различен. В частности, и в нашей научной жизни это различие опыта может быть очень значительным. Ведь наш опыт это во многом опыт мышления, а мышление регулируется *языком в широком смысле* (курсив наш.- Н. А.), т. е. способом организации идей, а различные способы организации идей задаются той или иной

«дисциплиной». Дисциплина - значит принуждение. Дисциплина очень важна для любой организованной деятельности. ...

. Поначалу она (лингвистика. – Т.В.) отвлекалась от всего «внешнего» и контекстуального, устремлялась ко все большей формализованности и абстрактности вычленяемых и анализируемых структур, пока не было замечено, что невозможно выявить общие структуры языка и способ их функционирования, не обращаясь к «контексту», с одной стороны, и к «субъекту», к языковому сознанию говорящего - с другой. Тем самым и в лингвистическое исследование вошла вся проблематика текста и контекста, текста и подтекста, формализуемого и «внерационального», «творческого», «порождающего», «нерефлексивного» и пр.

...Нынешние философские трактовки языковой проблематики при всем их разнообразии выявляют ограниченность как односторонне рассудочных, так и иррационалистических подходов к языку, свидетельствуют о поисках синтеза, объективно устремляются в сторону рациональности как рассудочно-разумной диалектики.

Проблематика языка, возникающая в середине этого сужающегося круга формализации, по свидетельству западных исследователей, занимает ныне в философии такое же важное место, какое в классической философии занимала проблема мышления, сознания и самосознания. Спектр трактовок языка в современной западной мысли очень велик, каждое сколько-нибудь развитое философское построение непременно содержит в себе более или менее выявленную концепцию языка: это язык как бессознательное (Ж. Лакан), язык как социальная сила (Ю. Хабермас, М. Фуко), язык как условие возможности конкретной рефлексии (П. Рикер), язык как фактор непереводимости и несоизмеримости теоретических построений (П. Фейерабенд) и др. Эти интерпретации языка настолько различны, что между ними имеются в философско-гносеологическом смысле лишь две общие точки - исходная и конечная. Исходная - это общее стремление, выраженное с той или иной степенью отрефлексированности, построить альтернативу

философии сознания и самосознания и тем самым такому идеалу знания, который предполагает «самодостаточное», «непосредственное», «беспредпосылочное» знание (язык и выступает как стихия опосредованности и носитель всякого рода предпосылок). Конечная - это общее стремление к синтезу разрозненных фрагментов культуры, уже более не скрепляемых единством логики, единством общих рациональных схем. Проблема языка, в широком смысле становится в современном буржуазном сознании главной сферой поиска «нового рационализма», нового единства знания: от того, в какой мере удастся прояснить посредством языковых механизмов огромную область культурных содержаний - социально-культурной предпосылочности познания - во многом зависит и судьба этих поисков. ...

Типология трактовок языка

Проблема языка возникает в XX в. в связи с кризисом общения, кризисом культуры как неотъемлемой частью общего социального кризиса. Ломка традиционных устоев социальной жизни, человеческого общения, крушение прежних мировоззренческих систем, придававших индивидуальному опыту целостность и осмысленность, а отношениям между людьми естественность и понятность, потребовали выработки новых жизненных устоев, новых рецептов и критериев понимания человеком самого себя, мира, общества.

... Культурный мир западноевропейского человека, скроенный, как некогда казалось, вполне по мерке естественных человеческих масштабов и потребностей, перестал быть самопонятным: он потерял четкость границ и целостность внутренней структуры. Те пласты и уровни бытия, которые некогда вовсе исключались из сферы опыта или же оттеснялись на его периферию, выявились теперь во всей своей качественной самобытности и тем самым потребовали переосмысления границ и критериев понимания самого разума. Для того чтобы понять эти новые содержания, сделать их частью внутреннего мира человека, нужно было найти способ общения с

ними, расшифровать их «язык», понять, что такое язык вообще, какова природа разнообразных механизмов культуры, организующих и передающих человеческий опыт.

Кризис общения вызывает, таким образом, и обостренное внимание к языку в самых различных областях: и в самой лингвистике, и в других социальных и гуманитарных науках, прямо или опосредованно связанных с языком, а также в философском, художественном, нравственном, быденном сознании. В лингвистике это приводит к вычленению в начале XX в. собственного объекта, функционирование которого не сводимо к логическим, психологическим, биологическим, историческим и другим закономерностям; к определению методов изучения языка как системы: отдельное слово, взятое само по себе, несоотносимо ни с мыслью об объекте, ни с самим объектом. В философии - к постановке - уже на новой основе (язык не тождествен мышлению, он способен формировать мышление в некоторых его структурах) - вопроса о соотношении языка и мысли, языка и культуры. ...

Мы выделяем четыре основных типа трактовки языка: формализацию, методологизацию, онтологизацию, социологизацию. Эти типы не связаны друг с другом отношением логического подчинения и не имеют общего основания в логическом смысле, однако они объединены общей социально-исторической и познавательной ситуацией.

Четыре выделенных выше типа проблематики языка и ее интерпретации в культуре можно рассматривать и как собственные характеристики тех или иных мыслительных направлений. Так, формализация языка является характерным признаком неопозитивизма, методологизация - характерным признаком французского структурализма, онтологизация - характерным признаком феноменологических и герменевтических интерпретаций языка, социологизация - одним из концептуальных определений леворадикальной практики. Однако подобное жесткое закрепление различных аспектов языковой проблематики за тем или

иным мыслительным направлением было бы натяжкой. В самом деле, при более близком рассмотрении оказывается, что в каждом мыслительном направлении, если взять его обобщенно-суммарно, придав ему, стало быть, те черты, которые редко сочетаются в пределах одной концепции, можно обнаружить почти все названные выше аспекты или типы языковой проблематики, хотя, конечно, и пропорции в сочетании этих элементов, и взаимосвязи между ними будут во всех этих случаях весьма различными. Тем не менее попытаемся вычленить общие характеристики этих типов.

Формализация. Этим термином обозначается здесь тенденция к «очищению» языка как средству достижения научности описываемого в языке знания. Эта мечта /219/ об идеальном, свободном от случайностей обыденного словоупотребления языке характеризует устремления логического позитивизма. Вряд ли можно рассматривать эту тенденцию к формализации как прямое воплощение и продолжение гносеологических установок классического рационализма, в частности проекта построения «матезис универсалис»: в XVII-XVIII вв. формализация языка, вытекавшая из его логизации, была исходным постулатом, в XX в. она становится искомым, но недостижимым идеалом, поскольку обнаруживаются принципиальные пределы формализации языковых систем (так, гёделевские теоремы о неполноте формальных систем и о невозможности доказать непротиворечивость формальной системы средствами самой системы показывают принципиальную невозможность формализации человеческого мышления). Пример языковой формализации - это развитие в XX в. языков математики и математической логики, построение исчислений и аксиоматических систем, конечный, хотя и весьма отдаленный прообраз которых усматривается в некоторых синтаксических свойствах естественного языка. Формализацией по своему замыслу является и попытка представить культуру как совокупность взаимодействующих «языков», кодов или означающих систем.

Методологизация. Этим термином обозначается здесь совокупность общенаучных и культурных явлений, связанных с методологическим самоопределением лингвистика и ее воздействием на другие социальные и гуманитарные науки: литературоведение, искусствоведение, этнологию, психологию, историю и др. Так, примерами методологизации языка могут послужить «формальная школа» в русском литературоведении и «новая критика» в Англии, ФРГ и Франции 50-60-х годов, Тартуская школа структурно-семиотических исследований культуры, и в особенности французский структурализм 60-70-х годов, связанный прежде всего с переносом методов исследования естественного языка на другие области исследования культуры. Во всех этих направлениях мы видим либо прямое заимствование приемов и методов исследования языка при анализе весьма разнородного материала культуры, либо апелляции к языку как аналогии, модели, на которой можно изучать свойства объектов, включающих языковой пласт, или целиком мыслимых в качестве структур, подобных языковым структурам. Процесс методологизации особенно усилился после смыкания лингвистики с семиотикой и возникновения единого комплекса лингвосемиотических исследований, преодолевших атомарный подход к знаку и создавших возможность семиотики культуры.

Онтологизация. Этим термином обозначается здесь совокупность явлений, фиксирующих превращение языка в некое самодостаточное, «непрозрачное» бытие, несводимое к каким бы то ни было закономерностям внеязыкового плана (подчас - самодостаточное бытие, недоступное никаким объективациям). Представляется возможным вычленить полярно противоположные по некоторым своим параметрам варианты внутри данного проблемного типа, например, онтологизацию «релятивного» или «субстанционального» типа (в проекции на объект), «субъектного» или «несубъектного» типа (в проекции на субъект) и др. Так, несубстанциональная онтологизация языка - это представление о языке как о самодостаточной сущности, специфика которой определяется в системе

отношений, абсолютно независимых от своего субстанционального воплощения (это представление мы находим в некоторых постсоссюровских лингвистических направлениях). С другой стороны, субстанциональная онтология - это представление о том, что язык есть самобытная сила, «грубое бытие», неподвластное человеческому вмешательству, более того, способное навязывать человеку свои законы. Оно характерно для модернистских течений в художественном творчестве и литературной критике: от русских футуристов с их опорой на «самовитое» слово через сюрреализм к английским и французским постмодернистам. ...

Социологизация. Этот термин обозначает взаимодействие языка уже не просто и недифференцированно с «культурой», но с обществом, расчлененным на группы и классы. Язык в его социологической проекции трактуется как нечто такое, что запечатлевает отношения социальных сил, тенденции борьбы «за власть», господство одних социальных групп и подчинение других. Таково, например, представление о языке у Ю. Хабермаса, позднего М. Фуко и некоторых представителей литературно-критического и политического журнала «Тель кель». Язык как носитель отпечатков социальных сил, «материальных» следов социальных взаимодействий становится в этих концепциях объектом борьбы за власть, а присвоение речи вкупе со всеми условиями и орудиями «символического производства» становится политическим требованием (ср. программа «Тель кель», лозунги «новых левых» в майских событиях 1968 г. во Франции). Социологизация языка в крайнем споем выражении уподобляет работу языка экономическому производству, а радикальную перестройку правил присвоения символической собственности приравнивает к осуществлению социальной революции.

Вульгарно-социологическая трактовка в леворадикальном сознании вовсе не является единственно возможным типом социологизации языка. Так, еще в 20-е годы М. Бахтин предлагал свою социологическую версию интерпретации языка: язык - это материальный элемент духовного

производства - в его терминологии «идеологического творчества» - и одновременно главный подступ к его познанию; при этом предполагается, что способность языка «замещать», «представлять, подставляя одно вместо другого» делает язык воплощением идеологических процессов с характерной для них превращенностью форм и отношений и одновременно позволяет осознавать в известной мере снимать эту превращенность. ...

Эти четыре типа языковой проблематики тяготеют к двум полюсам: гносеологическому (формализация и методологизация) и онтологическому (онтологизация и социологизация); отношения между ними характеризуются одновременно взаимопротиворечивостью и взаимоположением. Например, на первом полюсе - в пределе полностью завершенной (что невозможно) формализации - язык истончается до чистого логического каркаса мысли. На втором полюсе язык «мифологизируется», погружаясь своим основанием в глубины невыразимого, либо - в пределе социологизации - персонифицирует и отображает взаимосплетения социальных взаимодействий. Язык в гносеологической проекции выступает как нечто, доступное управлению и подчинению; язык в онтологической проекции выступает, напротив, как нечто, управляющее людьми и подчиняющее их власти своих законов, и т. д. Вследствие противоречивости его ролей и функций язык соответственно вызывает взаимоисключающие реакции у различных представителей современной культуры - имеют место и «логофилия» и «логофобия», романтическая мифологизация и научно-критический анализ. Множественность функций языка в культуре оказывает свое воздействие и на попытку современного гуманитарного познания использовать язык как средство рационализации иррациональных или внерациональных содержаний культуры.

...

Понимание, язык, метафора

Проблема понимания и проблема языка связаны настолько тесно, что может даже показаться, что они относятся к одному и тому же кругу явлений.

Но это не так прежде всего потому, что проблема понимания шире, чем какая бы то ни было проблема, связанная с языком.

В языковом плане проблема понимания возникла еще в глубокой древности. Возникновение ее было, по-видимому, связано с возможностью непонимания, т. е. с обнаружением разрывов между элементами внутри одного текста, разрывов между текстами или даже между языками. Преодолевать эти разрывы позволяют нам и наше владение языком и метаязыковые возможности самого языка - его способность к установлению отношений между различными своими элементами путем парафраза или перевода. ...

В философском плане проблема понимания возникает или, точнее, обостряется, в переломные моменты развития культуры, когда распадаются внутрикультурные связки между основными «предельными» для каждой эпохи понятиями, которые в совокупности своей определяют «фоновое», «контекстное» знание во всех его многоликих и трудноуловимых формах и составляют основу мировоззренческих схем, «канонов смыслообразования» (термин С. Б. Крымского), характеризующих ту или иную эпоху. В этом смысле в буржуазном рационализме нового времени проблема понимания не стояла именно потому, что поддерживалась и воспроизводилась система связей между опорными моментами и предельными предпосылками культуры и познания и тем самым гарантировалась возможность познать мир природы и внутренний мир человека, а также общезначимым образом выразить это понимание в языке, структуры которого считались в основном совпадающими с логическими структурами мысли. Эта триада основных понятий, образующих в пределе некое тождество бытие-мышление-язык, опирается на рефлексивный подход в философствовании, т. е. такое движение сознания внутри сознания, при котором значение полагается беспредпосылочно и непосредственно данным «чистому» субъекту (такому субъекту, который определяется лишь тем, что он мыслит, а не тем, как он мыслит).

Проблема понимания в этом смысле особенно остро встает на рубеже XIX и XX вв., хотя сходные симптомы видны уже в романтической идеологии начала XIX в. Периодизация герменевтической проблематики в XX в. (первый период связан прежде всего с именем В. Дильтея, второй - с именем М. Хайдеггера, третий, уже после второй мировой войны, - с именами П. Рикёра и Х.-Г. Гадамера как продолжателя линии Хайдеггера) дает представление о поэтапной проработке разрывов между опорными понятиями традиционного философствования - фиксации, углублении или же преодолении этих разрывов. Так, несколько упрощая картину, можно было бы сказать, что герменевтика первого периода обращает внимание прежде всего на разрыв между бытием и мышлением, а герменевтика второго периода - на разрыв между мышлением и языком, тогда как хайдеггеровское связующее звено - это прежде всего фиксация разрыва между бытием и языком и попытка преодоления этого разрыва.

... Внимание к языку и языковой проблематике в широком смысле сближает во второй половине XX в. мыслителей, изначально принадлежавших к самым различным направлениям (например, позднего Витгенштейна и позднего Хайдеггера). Выход языковой проблематики на передний план произошел не сразу и не внезапно. Так, в 1930-40-е годы сложился метод научного исследования языка в структурной лингвистике (язык-объект). В 50- 60-е годы методы анализа языка широко распространяются на другие области культуры, непосредственно или достаточно опосредованно связанные с языком (язык-метод). 60-70-е годы - это дальнейшее расширение сферы применения лингвистических методов, при котором эти методы все более теряют первоначальную строгость (язык-метафора). Во всех этих превращениях языковой проблематики в культуре накапливается опыт фиксации, и далее либо углубления, либо преодоления второй мыслительной связкой разрыва между мышлением и языком. Так, с одной стороны, фиксируется прямой и резкий антагонизм между мышлением и языком: (язык идет «вспять мышлению»), язык «уничтожает и вытесняет»

мышление (в особенности это относится к модернистской художественной практике), с другой стороны, вводится расширенное понимание как языка, так и мышления, при котором отношение тождества (или, по крайней мере, единство между тем и другим) сохраняется. При этом накапливаются свидетельства одного очень важного для нас противоречия, о котором шла речь в предыдущем параграфе: язык и языковая методология становятся средством рационализации культурных содержаний, основой соизмерения несоизмеримого, тем самым - опорой неорефлексивных, неорационалистических процессов в культуре вообще и в философии в частности, и вместе с тем в языке все более проступает все то, что в нем не подчиняется порядку логического или даже противоречит ему.

Это рассмотрение метаморфоз языковой проблематики в культуре позволяет нам охарактеризовать главную задачу неорефлексивного анализа в герменевтике послевоенного периода как задачу косвенного, через анализ языка осуществляемого, освоения и «присвоения» содержаний сознания как содержания культуры. Сообразно с этим изменением основной герменевтической установки от антирефлексивизма к неорефлексивизму происходит целый ряд других трансформаций. Если антирефлексивизм был одним из выражений установки на специфику гуманитарного знания и его безусловное противопоставление естественнонаучному, то неорефлексивизм в послевоенной герменевтике (равно как и в других течениях) свидетельствует не столько о взаимоотношении различных типов знания, сколько об определенной тенденции к единству знания в рамках более широко понимаемых предпосылок. Главное - выявление глубинных механизмов работы сознания, для которого самосознание - не исходная точка внутренней очевидности, но лишь возможный итог окольного движения по символическим слоям культуры. Если для многих видных философов послевоенной поры привилегированной областью философских изысканий становится филология, а не естественные науки, то причина этого не в специфичности и уникальности филологии, а в том, что в ней видится более

полное и глубокое воплощение наиболее существенных качеств, которые так или иначе проявляются при любом вообще отношении к миру и, в частности, при любом познавательном отношении к миру. Например, в филологии яснее видны символические механизмы жизни сознания, полнее раскрываются ресурсы естественного языка, выступающего как среда и посредник всех человеческих отношений, отчетливее проступают те структуры межсубъектного общения, без которых невозможно никакое познание ...

Итак, язык - это не инструмент, который можно отложить в сторону, когда он нам не нужен, но всеобъемлющее условие нашего знания о себе и мире. Гадамер высказывает свое согласие с главной установкой герменевтической онтологии: именно в языке дается отношение к целостности бытия до отношения к тому или иному конкретному объекту. И это отношение не поддается сознательной объективации подобно научному объекту. Язык скорее образует целостный контекст интерсубъективного понимания, определяет горизонт любого культурного значения. Тем самым языковое отношение к миру объемлет любые операции сознания, сосредоточивая на одном полюсе возможности максимально полного рефлексивного прояснения, а на другом - полисемантические и метафорические ресурсы: раздваиваясь и расщепляясь, язык выступает как продельное основание связности и непрерывности опыта о мире.

Однако вряд ли можно сказать, что апелляция к языку дает выход из тех затруднений, с которыми сталкивается современная философская герменевтика. На место объективированных форм научного сознания встает стихия повседневного и обыденного, в котором ищется полное воплощение конкретного. На самом же деле реальные формы жизненной конкретности определяются такими слоями общественной практики, которые лежат глубже языкового и символического опыта. Неосуществленной оказывается и синтезирующая интенция, характерная для современной герменевтики и особенно ярко проявившаяся в замыслах и построениях рикеровской концепции. «Всеобъемлющим» условием любого человеческого опыта язык

может стать лишь при столь расширенном его толковании, когда «лингвистичность» начинает усматриваться в любом проявлении культурно-исторической жизни человека.

... Еще в начале века ученые и философы заметили, что на уровне чувственного (обыденного) познания существуют свои особые способы приведения наличного материала к целостности, больше того - существуют особые способы задания целостности еще до ее конкретного выполнения в каком-либо конкретном материале. Эти полубессознательные схватывания целостности и есть «первичные» интерпретации фактов. Таким образом, парадокс части и целого (часть непонятна вне целого, а целое - без своих составляющих) реально разрешается при некотором «опережении» целостностью частей и при последующем «достраивании» частей, фактов на основе уже «витающей» в сознании целостности. И на уровне чувственного (эмпирического, обыденного) сознания, и в любом созерцании мы всегда имеем дело с презумпцией целостного конкретного образного смысла даже в том материале, который представляется нам совершенно бессмысленным. Этот факт был замечен и по-разному отображен, скажем, феноменологами в понятии интенциональности как предшествующей всякому конкретному познавательному акту установки на схватывание определенной предметно-смысловой целостности (это понимание стремилось быть чисто философским и отмежевывалось от какого-либо психологизма) или гештальтпсихологами, которые анализировали структуры и предпосылки целостного прообраза всякого реального восприятия на уровне отдельной индивидуальной психики.

Однако такое построение целостности, или «понимание», никогда не происходит автоматически, на основе простого обобщения наличного материала: оно требует отрыва от налично данных фактов, восприятий, ощущений и т. д., игры фантазии, интуиции, воображения. Все! эти способности разумного человека нужны для построения целостности на любом уровне - от чувственно конкретного до высших уровней абстрактного.

Когда теперь, вслед за В. И. Лениным, мы размышляем о том, почему же все-таки в любом созерцании содержится нечто большее, нежели во всех формах теоретического сознания, мы понимаем, что в этом созерцании представлены и уже «проинтерпретированы» первичные схемы практической деятельности. В конечном счете именно эти схемы и образуют следующие звенья между всеми уровнями человеческого сознания, именно, они дают нам разгадку непонятно откуда взявшейся системности, опережающей и предвосхищающей налично данные факты. На самых глубоких уровнях понимания эти целостности даны в недискурсивной форме. Однако не только на уровне созерцания, но и на уровне теоретического понимания деятельность связывания фактов в целостности немыслима без интуиции, воображения, без выбора менаду теми или иными возможностями интерпретации и потому неизбежно предполагает вмешательство наряду с собственно познавательными и иных - эстетических, этических факторов, по которым этот выбор осуществляется. Иначе говоря, разумная интерпретация или понимание в его высших проявлениях исходит из единства познавательного, этического и эстетического моментов человеческой деятельности.

Итак, функция понимания в наиболее развитой своей форме - это функция охвата и удержания в рамках теоретической разумности всех предшествующих ей дискурсивных и недискурсивных способов построения целостности. Каков, однако, механизм такого охвата? Очевидно, что понимание как деятельность разума сложилось в человеческой истории не сразу. Можно предположить, что на самой ранней стадии развития сознания, предшествующей даже мифу, человек строит образ мира путем переноса своих первоначальных впечатлений и ощущений на неизвестные ему предметы: понимание осуществляется здесь как перенос известного на неизвестное, т. е. как метафора в широком смысле слова. Миф предполагает уже более развитые формы такого метафорического переноса и схватывания целостностей, содержит в себе попытки системного, определенным образом

упорядоченного и организованного понимания окружающего мира путем антропоморфного переноса собственных человеческих свойств на этот мир. Когда же человеческая мысль сталкивается с препятствиями, постигая отличия собственных построений от того, что находится вне ее, т. е. от действительности, начинается этап преодоления антропоморфизма, не закончившийся и поныне, однако не прекращается само действие механизма метафорического переноса, хотя подчас меняется его направленность. По-видимому, именно метафорический перенос как чувственно выполненная ипостась аналогии является главным механизмом понимания на всех его уровнях.

Конечно, таким образом понимаемая метафора не является только языковой метафорой, быть может, даже прежде всего не является таковой. Однако лишь в языке могут быть зафиксированы наиболее развитые формы переноса как механизма понимания. При анализе языка философских да и любых других культурных текстов обнаруживается, что сам способ образования слов-понятий изначально предполагает метафору (перенос чувственно-конкретного смысла на иной, в чувствах не данный объект), что закрепление такого переносного значения в качестве основного происходит постепенно и что теперь в наших герменевтических штудиях мы очень часто стремимся отыскать (ранее) первичное за тем (ныне) основным, что когда-то было второстепенным. При этом происходит своего рода инверсия метафоры: так, изначально при складывании абстрактного смысла того или иного слова-понятия, скажем, «идея» (эйдос), метафора заключалась в переносе конкретных смыслов на неконкретные содержания («идея есть то, что видимо духом»), теперь же мы видим в слове «идея» прежде всего нечто нематериальное, необразное, и, только вникнув в первоначальный его смысл, вспоминаем об образной созерцательной компоненте значения. В «восходящей» словообразовательной метафоре заключается, таким образом, перенос с конкретного на абстрактное, с чувственного на духовное; а в «нисходящей» словоистолковательной метафоре - перенос с духовного на

чувственное, с духовного на материальное. Оказывается, что метафоричны также и многие ранненатурфилософские построения (например, концепция четырех элементов) и такие философские понятия, как Декартов «естественный свет» (то, что позволяет видеть ясно и отчетливо, не будучи само видимым). Более того, по сути, все фундаментальные оппозиции философского сознания (природное - духовное, природное - чувственное и т. д.) возникают, по-видимому, в результате метафорического переноса чувственно-образного на то, что мы теперь называем духовным, а затем происходит стирание этой изначальной компоненты, выветривание чувственного образа в понятии, хотя идеепорождающая и системопорождающая функции разума (в частности, постигание) всегда осуществляются лишь в образной форме.

Таким образом, метафорический перенос лежит и в основе первичного понимания, изначального схватывания целостности, и в основе высших форм понимания, в основе построения систем более высоких уровней: метафора выступает как чувственный срез аналогии, фиксирующий границы дискурсивности и места «отрыва» от рассудочной рациональности, указывает на необходимость воображения, фантазии и интуиции, без которых невозможно никакое познание, никакая философия, никакое понимание.

... Метафора многолика: это одновременно и средство артикуляции, концептуализации первоисточков сознания, еще не дифференцировавшегося на различные сферы и непосредственно слитого с практикой, и новое проявление онтологического единства мира. Одним из продуктивных направлений исследования в этой области представляется анализ метафоры как стержневого принципа работы сознания вообще на пути от доязыкового опыта к языковому значению, от спонтанного зарождения смыслов внутри интуитивных и полуинтуитивных представлений, внутри сферы воображения, к их рациональной фиксации, интеллектуальному расчленению и прояснению.

Анализ процессов метафоризации как пути образования языковых значений свидетельствует о весьма тесном взаимодействии первоисточков мысли с первоистоками языка. Ведь «метафора - это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в страну интеллекта, единичного в царство общего, индивидуальности в «страну» классов. Метафора стремится внести хаос в упорядоченные системы предикатов, но, входя в общенародный язык, в конце концов подчиняется его семантическим законам». В самом деле, с точки зрения рассудочной логики, метафора - это категориальная ошибка (она относит предмет к тому классу, к которому он в действительности не принадлежит), это помеха коммуникативной функции языка, однако именно метафора формирует те ресурсы смысла, без которых невозможна никакая вообще коммуникация.

Жизнь метафоры в языке выводит наружу его основной парадокс, зафиксированный в тех или иных формах, как мы помним, и на уровне философского мышления: язык одновременно воплощает универсальное и уникальное, формально отточенное и невыразимое, «идеальные цели» и «замшелые первоначала». Метафора как функциональный механизм человеческого сознания направлена одновременно и на уточнение, и на расширение смысловых ресурсов языка. За пределами поэтического языка, где ей суждена долгая жизнь, метафора весьма динамична: она всегда возникает как нечто «единожды-сказанное», но со временем, сохраняя прежний языковой облик, стандартизируется и входит в языковую картину мира того или иного народа. Однако все это не только внутриязыковые процессы. Сущность процесса метафоризации заключается в проработке материала различных видов человеческой деятельности - интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной - в языковые значения.

В последнее время проблемы метафоры и метафоризации выходят за рамки трактатов по эстетике и начинают играть заметную роль и в исследованиях науки. И тогда мы осознаем, что и в собственно научном мышлении метафора не есть случайная помеха: она выступает как

репрезентатор собственно эвристического, эстетического момента (при этом метафора может употребляться на различных стадиях перехода от логики открытия к логике обоснования). На пути превращения метафорического в концептуальное лежит еще одно звено - аналогия, средство уже собственно научного мышления. В этом смысле можно сказать, что метафора есть художественная ипостась аналогии, а аналогия - познавательная выжимка из художественных моментов метафоры, гносеологическая абстракция из метафоры. Углубление в метафорические основания работы сознания, попытка определить истоки различных видов человеческой деятельности, прояснить те практико-символические структуры, в которых закладывается и возможность научного, теоретического, рационального отношения к миру,- вот что лежит в основе этого интереса. Обращение к метафоре выводит нас за рамки некоторых привычных исходных противопоставлений или же, наоборот, некритически воспринимаемых тождеств (разрыва или же непроблематизированного тождества бытия-сознания-языка) и заставляет ощутить симптомы некоего нового единства всех этих моментов.

Обращение к метафоре, таким образом,- не прихоть, но настоящая необходимость, связанная с обсуждением непосредственно интересующих нас здесь сюжетов. В самом деле, равно неправыми и равно ограниченными представляются нам как традиционный для рационалистической философии подход к языку, который переоценивал близость мысли и языка и считал язык прибежищем рассудочного мышления, так и те современные западные концепции языка, которые разрывают язык и мышление, акцентируют онтологическую полноту языка и делают его демиургом мысли. Однако сам по себе этот разрыв мысли и языка симптоматичен в отношении одного важного проблемного сдвига: в нем фиксируется определенная мера самостоятельности языка по отношению к дискурсивно-упорядоченной мысли. Такое понимание обогащает наше представление о структуре и функционировании языка, а также по-новому освещает проблему, которую можно было бы назвать проблемой логических форм эвристической

разумности (понимание и есть одна из таких форм, а метафора - средство ее осуществления).

Язык оказывается тогда сферой взаимодействия рассудка и разума, а это дает нам основание по-новому осмыслить старый вопрос о единстве слова-дела-мысли.

Автономова Н.С. Рассудок - Разум - Рациональность. - М.: Наука, 1988. - 287 с. / Сканирование и обработка: А.Ш. // http://scepsis.ru/library/id_968.html

Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании

...В коммуникативном сознании разных народов категория толерантности представлена в разном содержательном объеме и обладает разной степенью сформированное. В русском коммуникативном сознании эта категория еще только находится в стадии становления, и важно проследить основные направления и проблемы ее формирования.

Особенностью утверждения категории толерантности в русском коммуникативном сознании является сопротивление многих норм и традиций русского коммуникативного поведения. Эти проблемы и являются предметом рассмотрения в нашей статье.

Коммуникативная категория представляет собой единицу коммуникативного сознания народа — то есть той части сознания, которая отвечает за общение. Коммуникативная категория — это концепт высокого уровня абстракции, определяющий тот или иной аспект коммуникативного поведения народа.

Коммуникативные категории принадлежат коммуникативному сознанию народа, являются базовыми строевыми элементами коммуникативного сознания.

Структурными элементами коммуникативной категории являются следующие ментальные (когнитивные) единицы;

Прескрипция — обусловленное сущностью концепта (категории) общее, максимально обобщенное предписание, определяющее характер коммуникативного поведения.

Установка — более конкретное коммуникативное предписание, вытекающая из той или иной общей прескрипции рекомендация.

Коммуникативное правило — конкретная рекомендация по реализации установки. Коммуникативное правило имеет императивную форму (говори так-

то, не говори так-то) и представляет собой максимально конкретную рекомендацию в области коммуникативного поведения.

Коммуникема — готовая единица общения, предназначенная в данной коммуникативной культуре для реализации того или иного коммуникативного правила (речения, этикетные формулы, стандартные сценарии общения). Языковые формы объективации соответствующих коммуникем вариативны, а выбор формы определяется коммуникативной ситуацией.

Концепт (категория) как единица концептосферы складывается из двух когнитивных составляющих — информационной и прескрипционной...

...Информационная составляющая концепта объединяет признаки, образующие содержание концепта (категории) в их упорядоченности и отличающие определенный концепт от других. Она определяет, *что такое* данный концепт.

Прескрипционная составляющая содержит прескрипции (предписания, указания, требования, императивы, запреты), определяющие, *что должен делать* обладатель концепта, руководствуясь требованиями содержания концепта, как поступать, какие действия совершать, что говорить, чего не говорить и не делать и т. д. Прескрипции вытекают из содержания концепта и обусловлены его интерпретацией, поэтому, очевидно, прескрипционная составляющая концепта вычленяется в его интерпретационном поле. Например, информационной составляющей концепта *толерантность* являются определение толерантности и историко-культурные сведения об этом понятии, а прескрипционную составляющую концепта образуют предписания по осуществлению принципа толерантности в поведении и общении.

Информационная и прескрипционная составляющие должны присутствовать в структуре всех концептов и когнитивных категорий. Однако при этом, по-видимому, некоторые концепты и категории выступают как преимущественно информационные — например, научные, высокоабстрактные, в то время как в других прескрипционная составляющая

гораздо ярче информационной (морально-этические, поведенческие, коммуникативные концепты).

Осознание носителем языка информационной и прескрипционной составляющих того или иного концепта может быть различным: носитель языка может владеть только информационной составляющей на рефлексивном уровне (чистое знание); обеими составляющими на рефлексивном уровне (знает содержание концепта, знает, что надо делать, но не делает); может владеть информационной составляющей на рефлексивном уровне, а прескрипционной — на бытийном (знает содержание и выполняет предписания). Обе составляющие *концепта толерантности* могут быть осознаны и на духовном уровне — как некоторые ценности национального сознания.

Рассмотрим с очерченных теоретических позиций когнитивную структуру универсальной глобальной коммуникативной категории *толерантности* ...

Представляется, что основными прескрипциями (установками) коммуникативной категории толерантности являются следующие:

- антиконфликтность;
- некатегоричность;
- неимпозитивность.

Проанализируем особенности реализации этих прескрипции в русском коммуникативном сознании и их связь с традициями русского коммуникативного поведения...

Антиконфликтность

Прескрипция антиконфликтности предполагает необходимость предотвращать споры и конфликты, а при их возникновении — необходимость урегулировать их через компромисс и сохранить в споре «лицо» собеседников. При этом компромисс рассматривается как положительная черта коммуникативного поведения собеседника, а умение его достигать — как положительная черта личности.

Установка на предотвращение (профилактику) конфликтов и споров реализуется в следующих императивных коммуникативных правилах:

преобладание антиконфликтной тематики общения; беспроblemность бытового межличностного общения; нежелательность публичного обсуждения разногласий; недопущение открытого противостояния; минимизация споров (стремление избежать споров); минимизация эмоциональности в споре; некатегоричность выражения несогласия.

Установка на стратегию компромисса в урегулировании споров реализуется в следующих правилах:

инакомыслие естественно и допускается; дискуссия должна носить кооперативный характер; стратегия спора должна быть направлена на взаимное выяснение точек зрения; целью спора является решение проблемы.

Установка на сохранение лица собеседника в споре предполагает выполнение следующих правил:

правота в споре не должна выглядеть торжеством победителя;
побежденный в споре не должен быть оставлен в состоянии психологического унижения от поражения...

Некатегоричность

Важнейшей прескрипцией толерантности является *некатегоричность в общении*.

Эта прескрипция реализуется в установках на снижение негативной оценочности и смягчение категоричности высказываний в процессе общения.

Минимизация негативной оценочности в общении достигается с помощью следующих коммуникативных правил:

избегать резких словесных оценок событий и друг друга; избегать ярких оценочных эмоций в процессе общения.

Смягчение категоричности высказываний предполагает использование следующих коммуникативных правил: смягчать просьбы и распоряжения;

избегать категоричных отказов;

избегать категоричных формулировок вопросов...

Неимпозитивность

Прескрипция *неимпозитивности* — третья важнейшая прескрипция, образующая категорию толерантности.

Под неимпозитивностью [Ларина 2003] понимается признание собеседником неприкосновенности личности, стремление не навязывать собеседнику себя, свое общество, свои мнения, не вмешиваться в его дела. Неимпозитивность предполагает вежливость дистанцирования, невмешательства.

Данная прескрипция реализуется в установках на минимизацию регулятивных речевых актов и поддержание дистанции в общении.

Минимизация регулятивных речевых актов предполагает выполнение следующих коммуникативных правил:

минимизация советов и распоряжений; невмешательство в дела других без просьбы с их стороны.

Поддержание дистанции в общении подчиняется следующим коммуникативным правилам:

исключение близкого приближения; ограничение физического контакта; минимизация личных вопросов к собеседнику; минимизация просьб к собеседнику;

строгое соблюдение норм формального, светского общения; отсутствие быстрого перехода к неформальным отношениям; воздержание от близкого личностного контакта с собеседником;

приоритетность деятельности перед общением; невмешательство в общение других лиц...

По-видимому, можно говорить о начале второго из вышеназванных этапов формирования коммуникативной категории толерантности в русском постсоветском общественном сознании.

Концепт *толерантность* в русском национальном сознании в настоящее время находится пока еще на рефлексивном уровне сознания образованной и либерально-демократически ориентированной части народа и не воспринят еще массовым сознанием. В российском обществе на бытийном уровне наблюдается непонимание слова и концепта *толерантность*, ощущается тенденция неприятия самого слова *толерантность*, как и слова *консенсус*, введенного в российскую политическую практику Горбачевым.

Вместе с тем в современном российском обществе наблюдаются попытки политической реабилитации конфронтационной модели массового сознания (*кто не с нами, тот против нас*), попытки устранения или подавления плюрализма в политике и публицистике на основе идеи «усиления властной вертикали», что не может не настораживать российскую демократическую общественность.

Для формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании необходимо время и целенаправленные усилия общества.

Требуются специальные меры учебного, пропагандистского, культурно-образовательного характера для «социального укрепления» данного концепта в русской концептосфере. Эта задача представляется важной и необходимой для современной России, поскольку принцип толерантности является одним из основополагающих универсальных принципов цивилизованного демократического общества...

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. Ред.
Н.А.Купина, О.А.Михайлова. Екатеринбург, 2004. С. 130.

6.3. О степени объективности метафорического зеркала

Современную эпоху в развитии цивилизации справедливо называют информационной. Новый статус информации в нашем обществе — это «сильнодействующее средство, для которого нет пределов»⁴³ ... вполне закономерен вопрос: «Что отражает метафорическое зеркало и не слишком ли оно искажает реальность?»

Развертывая концептуальную модель **МЕТАФОРА — ЗЕРКАЛО**, следует отметить, что это огромное зеркало (целостная метафорическая система русского политического языка) состоит из множества маленьких зеркал — конкретных метафорических словоупотреблений. Каждое из этих маленьких зеркал отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическое словоупотребление показывает только сиюминутное его настроение. Но если метафора подхватывается другими людьми — образ становится уже социально значимым фактом. Ср.: «Мой коллега Юрий Яковлев сказал: «Нас затоптали, во всем мире Россию воспринимают как черт знает какую страну, и тут такая радость» (Ж. Алферов)».

Когда фразу *Нас затоптали...* произносит «широко известный в узких кругах» физик — это его частное мнение, но когда эту фразу запоминает и повторяет (а, значит, фраза показалась ему точной и выразительной) лауреат Нобелевской премии и депутат Государственной думы, когда интервью с этой фразой печатает газета с многомиллионным тиражом — это уже не частное мнение и отражение личного мировосприятия, а значимый для политического дискурса факт.

Аман Тулеев страстно восклицает: «В России сейчас ГУЛАГ. ГУЛАГ преступности».

⁴³ Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000. С.9.

Конечно, эта криминальная (по сфере-источнику) метафора отражает не просто личное восприятие конкретного человека, но представления губернатора одного из крупнейших регионов России, члена Совета Федерации и кандидата в президенты, за которого на выборах проголосовали миллионы избирателей. И это словоупотребление служит еще одним подтверждением продуктивности метафорической модели СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — это КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР.

Ирина Хакамада кокетливо пишет: «Я придумала теорию хромого верблюда. Хромой верблюд — это Россия, Америка — сильный верблюд, идущий впереди».

И вполне понятно (хотя это очень горько осознавать), почему депутат Государственной думы, один из лидеров крупной партии, бывший федеральный министр сравнивает родную страну с больным животным, а не с вожаком каравана. Но это высказывание, будучи опубликованным в газете «Комсомольская правда», несомненно, воздействует на социальную оценку положения дел в России и вместе с тем еще раз свидетельствует о распространенности бестиальной метафоры в современной русской политической речи и о типовых концептуальных векторах такой метафоры.

Подобные примеры легко продолжить: одни политические лидеры выражаются ярко и афористично, другие — путано и коряво, но все они постоянно говорят о болезнях России, о преступных действиях или хотя бы замыслах своих политических противников, призывают к войне против терзающих Россию хищников до полной победы над преступными кланами, требуют прекратить политический фарс и разоблачают политических мародеров и проституток. ...распространенность одних концептуальных метафор и практически полное отсутствие других позволяют говорить о достоверности зафиксированной в метафорическом зеркале картины.

Многие из рассматриваемых метафор концептуализируют не российскую действительность в целом, а только (!) высшие властные структуры страны — президента, правительство или парламент. Разумеется, Ельцин — это еще не вся Россия, но когда президента называют сукой, проституткой, бандитом, паханом мафиозной семьи, то это свидетельствует и об оценке говорящими положения дел в стране, которую он возглавляет. Это же можно сказать и о случаях, когда правительство или парламент называют бандой, сворой, бездушным механизмом, сборищем комедиантов или шизофреников. Ср.: Отвечая на вопросы, Григорий Явлинский заявил, что Кремль представляется ему мясорубкой, в которую входит политик, а выходит фарш (А. Григорьев); Государственная дума в последнее время похожа на театр, впрочем, разве одна Дума напоминает театр? Вся наша политическая жизнь — игра (С. Панкевич); Кремль у нас выступает в роли политического хамелеона или флюгера (М. Ростовский); Те, кто до сих пор правит сатанинским балом в разграбленной стране, будут распяты народным гневом (В. Борков).

Подобные образы демонстрируют не только низкую речевую и политическую культуру их создателей, но и их отношение к высшим органам государственной власти. Все это воспитывает неуважение к политической системе России и ко всему государству в целом. Принятые в цивилизованных странах правила политической этики требуют корректно относиться к законным органам государственной власти.

Значительная часть исследованных метафорических номинаций характеризует положение дел лишь в конкретных министерствах и ведомствах, в отдельных партиях, регионах и т. п. Конечно, «беспредел» в той или иной государственной или общественной структуре, «болезнь», поразившая отдельно взятый город или всего лишь отдельного чиновника, не позволяют сделать вывод о том, что так обстоят дела во всей обширной державе. Каждая из подобных метафор не только мелкая деталь, малозаметное стеклышко в огромной мостке, но подобные образы — это

реализация действительно существующих в общественном сознании моделей. И рассмотренный выше материал свидетельствует о высокой продуктивности и частотности этих моделей, их доминантном положении в современном политическом дискурсе.

Важно подчеркнуть, что метафорическое зеркало ОТРАЖАЕТ не реальное положение дел в России, а его восприятие в национальном сознании. Реальность и ее осознание в социальной ментальности, разумеется, не всегда совпадают. В истории цивилизации известно немало фактов, когда граждане стремительно развивающейся страны считали, что они живут в очень суровую эпоху, но встречались и случаи, когда голодные полурабы были полны оптимизма и искренне пели о своей счастливой доле. ... факты показывают, что в общественном сознании эта ситуация оценивается как очень тяжелая. Вместе с тем создается впечатление, что излюбленные многими политиками и журналистами метафоры «болезни», «преступности», «войны» и «балагана» уже не находят прежнего отклика, что люди слишком устали от потоков грязи и жестокости.

Можно предположить, что, помимо реальной сложности социальной обстановки в России конца XX века, на развитие соответствующих метафорических моделей в агитационно-политической речи повлияли и некоторые другие факторы.

Во-первых, трудно припомнить в России времена, когда подавляющая часть общества была бы в полной мере довольна центральными и местными субъектами политической власти. По-видимому, есть в нашем национальном сознании какие-то гены вечного недовольства настоящим, ностальгии по прошлому и надежды на чудодейственные рецепты. Эти качества особенно усиливаются в эпохи политической нестабильности.

Во-вторых, агитационно-политическая речь имеет свои законы, в ней используются особые коммуникативные стратегии и тактики. Во все времена и во всех странах оппозиционные партии стремятся показать

избирателям, как неудачно правящий режим распоряжается данной ему властью, до какого незавидного положения доведено государство. Во многих странах оппозиционеры активно обсуждают и низкий моральный уровень официальных лиц — представителей правящей партии. Соответственно «партия власти» остро критикует оппозицию и объясняет существующие в государстве проблемы тяжелым наследством, доставшимся от предшественников, кознями оппозиции (и иных врагов) или хотя бы объективными обстоятельствами. И чем острее политическая обстановка в стране, тем агрессивнее становятся метафоры.

В-третьих, в советский период наши газеты под идеологическим давлением были «оптимистически ориентированы»: в сообщениях о жизни Советского Союза преобладала позитивная информация. В постсоветский период наблюдается противоположная тенденция: в средствах массовой информации главенствует негативная информация⁴⁴. Нередко высказывается даже мысль, что происходит это по злему умыслу «закулисных режиссеров». С последней точкой зрения трудно согласиться: слишком много надо режиссеров и не настолько продажны наши журналисты. Негативная информация оказывается востребованной в свободной прессе всех стран, но в России эта общая тенденция, по-видимому, усиливается за счет того, что со времен «перестройки» смакование «чернухи» считается признаком свободной прессы и смелости автора. Взвешенность оценок, объективность информации и репутация издания еще не стали в России главными критериями оценки работы того или иного средства массовой информации.

Рассмотренные особенности современной российской политической и публицистической речи ясно указывают на причины заметного преобладания метафор с концептуальными векторами тревожности,

⁴⁴ Майданова Л.М., Амирова В.М., Енина Л.В. и др. Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997; Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000). Екатеринбург, 2000.

агрессивности и неверия. Мы наблюдаем активизацию именно тех моделей, которые востребованы эпохой.

... Политическая метафора способна оказать мощное воздействие не только на избирателей, но и на решения самих политиков. Как мудро замечено в Евангелии, «сначала было Слово». Можно уверенно сказать, что первыми выстрелами в противостоянии президента и Верховного Совета (октябрь 1993 года) стало изменение системы номинаций: политические оппоненты превратились в преступников, с которыми необходимо вести не дискуссии, а войну. А поскольку «на политической войне — как на войне» к «Белому Дому» были подтянуты танки, выстрелы которых оказались наиболее весомым аргументом, и несговорчивые оппоненты были доставлены в «Матросскую тишину».

Рассмотренные в настоящем разделе материалы подтверждают мысль о том, что метафорическое зеркало отражает не столько реальное положение дел в стране, сколько бытующие в соответствующих сферах социальные представления о существующей ситуации. Однако эти представления способны существенно влиять на дальнейшее развитие событий, и метафора нередко как бы «подсказывает» пути для решения проблем. Несколько перефразируя В. И. Ленина, можно утверждать, что выраженная в метафорической форме идея быстрее овладевает массами и становится более весомой материальной силой.

Вместе с тем выявленная картина свидетельствует о несомненной боли за Россию, о желании при помощи метафорической гиперболы выделить наиболее жгучие проблемы, о стремлении к переменам именно в тех областях, которые наиболее последовательно концептуализирует политическая метафора с сильными векторами тревожности, агрессивности, отклонения от естественного порядка вещей...

Политический язык советской эпохи окончательно ушел в прошлое. Новый политический язык еще только формируется, далеко не все в нем пока отвечает потребностям социума. Нет сомнений в том, что со

временем все встанет на свои места: будет отброшено все мешающее развитию общества и появятся новые средства объективного и взвешенного отражения развития страны. Есть все основания полагать, что в политических метафорах XXI века наше общество сможет выразить совершенно иные представления о политической ситуации в России.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. – С.208-214.

К проблеме возникновения речевых конфликтов в билингвальных группах

...Особенности межкультурной коммуникации наиболее ярко проявляются при анализе отрицательного материала, то есть коммуникативных сбоев различного типа в общении коммуникантов, принадлежащих разным лингвокультурным сообществам. ...

Реальному естественному диалогическому общению присуще явление, которое получило наименование «коммуникативная неудача». Подобные неудачи интересны лингвисту тем, что они особенно ярко выявляют те черты непринужденного разговора, благодаря которым коммуникативные намерения говорящего и их прочтение слушающим не совпадают.

Коммуникативной неудачей называют полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего. Также к коммуникативным неудачам следует отнести и возникающий в процессе общения, не предусмотренный говорящим, нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление.

Неудачи могут классифицироваться как широкие (не достигнута практическая цель) и как узкие (не достигнута не только практическая, но и коммуникативная цель). Рассматривая причины коммуникативных неудач... Необходимо вести речь не о речевом действии как составляющей коммуникативного акта, а о речеповеденческом акте. Адекватная коммуникация в рамках того или иного лингвокультурного сообщества возможна только при владении как языковыми, так и неязыковыми семиотическими системами этого сообщества.

Можно выделить коммуникативные неудачи, которые обусловлены внешней интерференцией, то есть переносом знаков и значений своего лингвокультурного сообщества в другую культуру, в которой эти знаки или вообще отсутствуют, или имеют другое значение. Причиной коммуникативных неудач может служить также «внутренняя» интерференция, то есть инофон пытается оперировать знаками иного лингвокультурного сообщества, но пользуется ими неадекватно, знак, имеющий весьма ограниченную «зону» употребления, универсализируется, начинает восприниматься как характерный для самых разнообразных коммуникативных ситуаций.

Понятие «коммуникативной неудачи» тесно связано с понятием ошибки, ибо именно ошибки инофона при порождении и воспроизведении речи на русском языке являются основным источником коммуникативных неудач в общении инофона с представителями русского лингвокультурного сообщества. При рассмотрении коммуникативных неудач следует учитывать классификацию этих речевых ошибок:

1. «Технические» ошибки, вызванные неверным фонетическим или графическим оформлением речи на русском языке. Причиной этих ошибок является слабое владение инофоном фонетикой, графикой и орфографией русского языка.

2. «Системные» ошибки, вызванные слабым владением системой языковых значений различного уровня и способов их выражения.

3. «Дискурсивные» ошибки. Эти ошибки вызваны не незнанием системы языка, а неверным использованием этой системы, что обуславливается невлаждением инофоном системой культурных норм и ценностей в самом широком понимании того сообщества, на языке которого ведется общение. В этом разделе классификации коммуникативных неудач следует выделить несколько уточняющих подразделов.

1. «Этикетные» ошибки, вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-речевых аспектов в коммуникации (например, обращение

американских студентов к русским преподавателям с использованием уменьшительных имен – Дима, Маша и т.д.).

2. «Стереотипные» ошибки. Они могут быть разделены на две группы: ошибки, вызванные невлаждением русскими социокультурными стереотипами речевого общения, что ведет к неверному использованию стереотипных речевых формул; и ошибки, вызванные невлаждением ментальными стереотипами русского когнитивного сознания, находящими отражение в речи на русском языке.

3. «Энциклопедические» ошибки, вызванные невлаждением инофоном теми фоновыми знаниями, которые являются общими практически для всех социализированных русских. Название «энциклопедические» является более чем условным. Для элиминации этих ошибок мало просто представить собственно энциклопедическую информацию о том или ином объекте, необходимо объяснить, какой инвариант восприятия этого культурного предмета существует в общенациональной когнитивной базе.

4. «Идеологические» ошибки, вызванные различиями в системе социальных, этических, эстетических, политических и т.п. воззрений, являющихся базовыми и инвариантными для той или иной культуры.

...Причины, по которым два языка у взрослого развиты неодинаково, самые разные. К числу наиболее важных относят следующие: на каком языке он говорил в детстве (то, что усвоено наиболее прочно и часто бессознательно); на каких языках говорили родители, люди ближайшего окружения – в доме, на улице; на каком языке велось обучение в школе; кем были друзья; какие языки и в каком объеме он изучал в дальнейшем; где жил и чем занимался профессионально. Даже при стечении множества благоприятных обстоятельств есть вероятность того, что один из языков будет усвоен недостаточно. ...

Когда более сильный язык «обслуживает», например, жизнь человека внутри семьи, а в общественной жизни он вынужден прибегать к более

слабому языку, то, скорее всего, добиться значительных результатов в карьере ему будет сложно. Если, наоборот, в семейном кругу употребляется слабый язык, а более сильный в работе, то профессиональная жизнь, по крайней мере, не будет страдать из-за недоразвитости языка, однако, возможно непонимание со стороны близких, если они недостаточно хорошо владеют более сильным языком. ...

Если же речь ни в одном языке не сформирована полноценно, то разрушается структура мысли, терпят поражение попытки самовыражения.

...Типологически причины, вызывающие коммуникативные неудачи можно разделить на три класса: 1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими факторами.

Классическая риторика рассматривает технологию успешной коммуникации, выделяя пять последовательных частей или шагов, которые совершает говорящий: изобретение, или нахождение материала (инвенция, лат.*invencio*), расположение, или развертывание (диспозиция, лат.*dispositio*), выражение (элокуция, лат.*elocutio*), запоминание (мемория, лат.*memoria*) и произнесение, говорение как действие (акция, лат.*actio*). ...еще в рамках античной риторики было выработано представление о том, что успех речевого сообщения зависит от должного учета особенностей коммуникативного процесса в целом. ... Развитие речевой практики позднее приводит к тому, что наряду с общей риторикой появляется частная риторика, которая рассматривает приемы правильного построения высказываний в конкретных условиях и формах речи.

Конфликт может возникнуть только на базе коммуникативного контакта. Противоположность позиций или мысленное действие никак не выраженное вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, и нет конфликта, если действует только один участник.

Конфликт отсутствует в двух случаях: при идеально слаженной интеракции на основании полного взаимного соответствия стратегических

и тактических интересов общающихся и при отсутствии всякого контакта между ними. Таким образом, конфликт - это двустороннее поведение, базирующееся на коммуникативном контакте. Важным вопросом в теории конфликта является понимание и оценка природы конфликта. Оно связано с пониманием природы самого человека: что главное в нем - индивидуальное или социальное?

...с позиции исследователя, наблюдающего за проявлением конфликта в видимой, доступной для наблюдения стадии, мы можем выявить два параметра, характеризующие причины и характер конфликта.

Первый параметр – непосредственные участники конфликта, чье поведение обусловлено комплексом внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов. К внешним факторам, регулирующим речевое поведение, отнесем традиции и нормы, сложившиеся в данной этнокультурной общности, в профессиональной группе, к которой принадлежат говорящие; конвенции, принятые в данном социуме; схемы речевого поведения, ставшие социально значимыми и усвоенные личностью; а также выполнение коммуникантами социальных ролей, определяемых социальным статусом, профессией, национальной принадлежностью, образованием, возрастом и др. К внутренним факторам, определяющим поведение участников конфликта, относим такие, которые обусловлены качествами самих субъектов: типом личности (психологическим и коммуникативным), интересами, мотивами, интенциями, установками и взглядами участников конфликта и др.

Второй параметр - язык и речь, которые также соотносятся как явления внешнего и внутреннего порядка. Социальная сущность языка, его конвенциональная природа позволяют рассматривать язык в качестве кода, единого для говорящих на данном языке, создающего условия для понимания общающихся, и говорить о языке как о средстве установления контакта в речевом общении. Другое дело речь. Речь - явление индивидуальное, зависящее от автора-исполнителя, это творческий и

неповторимый процесс использования ресурсов языка. Ситуативная обусловленность, вариативность речи, с одной стороны, и возможность осуществить выбор для выражения определенного содержания, с другой, делают речь своеобразной, непохожей на речь другого человека. Правильный выбор средств языка, ориентированных на собеседника, способность адекватно передать содержание, оправдывая ожидания партнера по коммуникации, - все это гармонизирует общение.

В сознании носителя языка речевой конфликт существует как некая типовая структура – фрейм. Фрейм - «конфликт» представляет особую стереотипную ситуацию и включает в себя обязательные компоненты отражающего объекта (верхний уровень фрейма «конфликт»): участники конфликтной ситуации, чьи интересы находятся в противоречии; столкновение (целей, взглядов, позиций, точек зрения), выявляющее их противоречие или несоответствие; речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояние собеседника; сопротивление речевым действиям другого участника посредством собственных речевых действий; ущерб, который наносится речевыми действиями участника и который испытывает другой в результате указанных речевых действий. ... Особенность диалога разноязычных носителей состоит в том, что многофункциональность слов одного языка гипертрофируется многообразием вариантов придания значения этому слову в другом языке. Каждый участник диалога в процессе поиска смысла и его вербализации приходит к своей истине. Она может и не совпадать с истиной, открытой другим участником. Важно решить вопрос о принципиальной возможности их единения. Для этого есть предпосылки, они - в наличии общего объекта и общей цели, в общей технологии, в общих способах мышления, средствах познания объекта, общей логике становления и изложения мыслей об объекте диалога. Формирование таких предпосылок способствует поликультурному образованию учащихся, в том числе развитию у них способности к

взаимопониманию. Взаимопонимание можно определить как признание взаимной ценности в сходстве и различии, как межчеловеческое и межкультурное взаимодоверие и комплиментарность, взаимодополнимость идеалов и смыслов.

...Психологическим механизмом языковой и речевой репрезентации любого конфликта является, во-первых, намерение одного из участников коммуникативного акта применить ответное вербализованное действие на действие своего партнера, задевающее его честь и достоинство, и желание его реализовать; во-вторых, неадекватные оборонительные действия. Они соотносимы с языковыми и речевыми механизмами порождения конфликта.

© PGLU.ru

Классическое лингвистическое образование - в современном мультикультурном пространстве-2. 2006// <http://pn.pglu.ru/>

Тексты

Юрий Лужков

Малые города — великое достояние страны

(Вечерняя Москва. 1998. № 181. 12 авг.)

Ещё Н.М.Карамзин писал, что *«Россия возродится провинцией»*. И сегодня московские власти много делают для укрепления связей с российскими регионами, с малыми и средними городами. Вот что сказал по этому поводу нашему корреспонденту Леониду Галинскому мэр Москвы.

Несмотря на многообразие и специфические особенности наших городов, на существенные различия в плане финансово-экономического потенциала, сегодня мы вместе определяемся, как нам жить дальше, как строить инвестиционную политику, как восстановить доверие российских граждан к властным структурам.

Для Москвы, как и для всей России, малые города — это великое достояние страны, корни нашего народа.

Широко известны такие города, как, например, Саров и Обнинск — “Наукограды”, которые в течение долгих лет являлись кузницей российской науки, где годами выкристаллизовывался ценнейший научно-технический потенциал, равного которому нет в мире.

Это такие промышленные и транспортные центры, как старинный уральский город, созданный на слиянии трех рек, Чусовой. Город славен не только своим металлургическим предприятием, но и такими своими земляками, как большой русский писатель В. П. Астафьев.

Для многих выдающихся людей России малые города стали фундаментом жизни и жизненной школы, ведь маленький город дает больше возможности проявить себя и воспитывает особую психологию, уверенность в себе.

Знаю, что Чусовой, переживший, как и все малые города, нелучшие времена, когда градообразующий завод был на грани закрытия, сегодня активно использует возможности развития межрегионального сотрудничества. Руководство города и предприятия не стало дожидаться кардинальных решений со стороны федеральных властей и активно занялось поиском нестандартных выходов из создавшегося положения. Поддержка московского инвестора позволила заводу укрепить свои позиции и обрести уверенность в завтрашнем дне. Люди научились ориентироваться в условиях рынка, появилась надежда, что предприятие вновь будет набирать обороты.

Во имя восстановления утраченных связей и правительство Москвы предпринимает активные усилия. Заключено уже более 120 соглашений о сотрудничестве и, в том числе, в прошлом году с городами Торжок, Алатырь, Ростов Великий и другими.

На первый, и со всем основанием могу сказать некомпетентный, взгляд может показаться нелогичным установление прямых договорных отношений такого мегаполиса, как Москва, с небольшими муниципальными образованиями. Вместе с тем в основе нашего движения к налаживанию всесторонних межрегиональных связей, в том числе со средними по численности населения городами, лежат отнюдь не популистские мотивы, не желание завоевать авторитет в российской глубинке, который, надо сказать, Москва как столица государства Российского давно заслужила. Стержень нашего стремления — это искреннее понимание того, что без комплексного решения проблем малых городов, в том числе на федеральном уровне, нельзя обеспечить поступательное социально-экономическое развитие страны.

Однако, к сожалению, приходится констатировать, что малые города остаются, пожалуй, самой неблагополучной и взрывоопасной зоной на общероссийской карте социальной напряженности.

Социально-экономическая ситуация в таких городах характеризуется кризисом неплатежей, обвальным падением производства, остановкой градообразующих предприятий, растет безработица.

Не удастся погасить задолженность по заработной плате и пенсиям в полном объеме. Субсидии из федерального центра поступают несвоевременно, и я знаю, что городские власти должны выплачивать госслужащим из местных бюджетов. В результате этого в местных бюджетах образуется дыра, которая *не позволяет развивать городской транспорт, модернизировать больницы, поддерживать на надлежащем уровне жилищно-коммунальное хозяйство, а главное, не позволяет создавать условия для развития местных производств*. Подъем же производства на местном предприятии приводит к большей занятости, к увеличению числа рабочих мест, к поступлению налогов в местные городские бюджеты. Все это в конечном счете могло бы снизить социальную напряженность в муниципальных образованиях. И если сотни российских городов и поселков избежали социальных взрывов, ставших уже постоянным спутником жизни в России, то это благодаря конкретным людям, избранным в муниципальные органы и взвалившим на свои плечи все трудности последних лет.

В основе активных шагов правительства Москвы навстречу малым городам — искренняя забота о сохранении истории и самобытности наших народов, их национальной культуры и традиций, источниками и хранителями которых являются старинные Ростов Великий, Суздаль, Дмитров и другие города. На весь мир известны изделия елецких кружевниц, жестовских и палехских мастеров.

Примечательно, что Москва породнена историей со многими малыми городами, многие из которых создавались как форпосты для защиты Московского государства, как купеческие поселения, которые способствовали развитию торговых связей между губерниями России и столицей. Так, еще в 1370 году Иван Грозный отправил для обороны

московских границ от набегов кочевников 120 стрельцов, которые основали впоследствии город Алатырь.

Сегодня нас с этим городом связывает не только прошлое, но и отчетливые перспективы будущего взаимовыгодного сотрудничества. На основе заключенного между правительством Москвы и администрацией города соглашения рассматриваются возможности размещения на предприятиях города московских заказов по производству оборудования, в частности, ремней безопасности для автомобилей “Москвич”, по поставке для нужд городского хозяйства светильников и другого светотехнического оборудования.

В будущем наша совместная работа должна быть направлена, в первую очередь, на создание *условий для оживления производства*, на обеспечение его самоокупаемости и прибыльности как экономической базы деятельности органов городского управления.

Могли бы также сосредоточиться на проработке механизмов взаимодействия по созданию рыночной инфраструктуры и благоприятной среды для развития малого предпринимательства, обеспечивающего по опыту Москвы *значительный рост налоговых поступлений* в городскую казну. Нет никакой тайны в том, что относительным благополучием столица обязана малому предпринимательству, уровень которого во многом обеспечивает занятость населения и реализацию социальных программ. 240 тысяч предприятий малого бизнеса формируют около половины поступлений в бюджет Москвы, компенсируя недоборы с крупных промышленных предприятий, которые пока не преодолели кризисных тенденций.

Думаю, важно поддержать традиционные промыслы и стимулировать внимание потенциальных инвесторов к становлению городов как туристических центров.

Полагаю, что хорошие перспективы нашего сотрудничества в самых разнообразных областях очевидны.

<http://mos.ru/major-lujkov/doklad-12-08-1998.htm>

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ И ЗАДАЧАХ ОРГАНИЗАЦИИ

Доклад на Втором съезде Общероссийской политической
общественной организации «Отечество» (24 апреля 1999 г., г.Ярославль)

Уважаемые делегаты съезда!

Дорогие соотечественники!

Совсем немного времени прошло после 1 Съезда «Отечества». Но это было время, наполненное делами. Мы строили нашу организацию. Мы активно участвовали в жизни страны. Нам пришлось разворачиваться на марше, но это *принесло свои плоды*.

Сегодня можно с уверенностью сказать: «Отечество» состоялось как массовая политическая организация (аплодисменты).

Оно стало заметным и влиятельным фактором общественной жизни все России. Лучшее свидетельство тому - состав нашего съезда, где представлены все республики, края и области Российской Федерации.

Совсем не случайно съезд сегодня проходит здесь, в Ярославле, на древнерусской земле - *в колыбели славянской цивилизации*. Мы видим в этом глубокую символику, отражающую наше стремление к традиционным ценностям, единству российских земель, каждая из которых, будь то столица или провинция, нам одинаково близка и дорога.

Позвольте от вашего имени поблагодарить губернатора Ярославской области Анатолия Ивановича Лисицина, администрацию области и города Ярославля за гостеприимство и огромную работу, которую им пришлось проделать, чтобы съезд «Отечества» смог состояться здесь (аплодисменты).

Эта возможность нам ценна и тем, что *с самых первых наших шагов* пришлось выслушивать шуточки о «партии Садового кольца», якобы имеющей перспективы только в столице. Недавние выборы в Бурятии и в Удмуртии, - а это, согласитесь, от Садового кольца далековато, - где

представители «Отечества» получили более 40% голосов, надеюсь, заставили наших критиков призадуматься.

Давайте поздравим наших бурятских и удмуртских товарищей с этими победами и выразим уверенность в том, что они станут для нас далеко не последними (продолжительные аплодисменты).

Такая уверенность основана на постоянном и *всевозрастающем* интересе, проявляемом согражданами к нашему «Отечеству». Мы постоянно чувствуем этот интерес, ведем непрерывный диалог со страной. Убежден: наша организация востребована народом, который видит в ней силу, способную улучшить его жизнь.

Конечно, в этом главная роль и главная ответственность принадлежит вам - активистам «Отечества», работающим в сотнях городов и поселков и представляющих *в глазах окружающих вас людей лицо нашего движения*.

Уважаемые делегаты!

Наш съезд собрался в условиях серьезного экономического, социального и политического *кризиса, поразившего Россию*. Страна еще не *оправилась от экономического шока*, вызванного событиями 17 августа прошлого года, но уже *стоит на грани новых потрясений*, способных вызвать еще более тяжкие результаты.

Миллионы сограждан с тревогой вслушиваются в выпуски новостей, сообщающих фронтовые сводки с Балкан и не менее горячие вести о борьбе за власть в России. Мы в одночасье оказались *в двух шагах* от большой войны, в реальность которой еще недавно трудно было поверить, и немногим дальше от войны гражданской, еще более пугающей.

Все нарастающий процесс политического противоборства проходит у нас, можно сказать, по-русски, с удалью. К счастью, пока все *эти страсти бушуют в пределах нескольких административных зданий* на территории Центрального округа Москвы и еще не выплескиваются на улицы.

Хочу высказать свое искреннее убеждение в том, что вся работа по так называемому импичменту ведется его инициаторами из чисто политических

соображений, не имеющих ничего общего с реальной заботой о благе народа, о соблюдении конституционных норм. Это все чистой воды политиканство, стремление поскандалить погромче, чтобы получить на выборах дополнительные голоса избирателей.

Тревожит и стремление противоборствующих сил втянуть силовые структуры, правоохранительные органы, армию, прокуратуру в свои интриги. Дело может плохо кончиться как для самих интриганов, так и для России в целом. Пример тому - совершенно *нездоровая ситуация*, сложившаяся вокруг генерального прокурора.

Необходимо удержать *горячие головы от шагов*, нарушающих Конституцию и действующее законодательство. Нам не нужны ни дворцовые перевороты в интересах узкой группы лиц, ни попытки решить политические споры через уличные беспорядки и *разгул толпы*.

Мы проводим интенсивные консультации со всеми политическими лидерами и должностными лицами, от которых зависит сохранение стабильности. Скрывать не буду: положение остается тревожным, но не безнадежным. У нас есть шанс пройти 1999 год без больших политических потрясений.

Мы не дадим никому нарушить Конституцию, поставить страну перед угрозой гражданского конфликта. Пусть знают все *у кого чешутся руки*: подобные попытки встретят решительный и энергичный отпор!

Да, власть надо менять, но только так, как прописано в Конституции. Сначала в декабре с помощью демократических выборов поменяем власть законодательную. Изберем в нее, наконец, нормальных людей, которые понимают, что и как надо делать. В июне 2000 года дойдет дело и до замены власти президентской.

Все остальные варианты, может быть, кому и выгодны, но только не большинству граждан России.

То же самое касается и вполне реальной угрозы распада России. Мы сейчас находимся на сложнейшем этапе перехода от унитарного государства

к реальному федерализму - и в нынешнем состоянии можем легко проскочить эту развилку, скатившись к конфедерации, которая уже и не государство вовсе, а нечто аморфное и для России не приспособленное.

Гарантами единства и целостности Российской Федерации в нынешней ситуации должны стать все здоровые силы общества. Мы рассчитываем на мудрую позицию региональных, в первую очередь, национальных элит, которых, кстати, частенько обвиняют в сепаратизме и прочих идеологических грехах.

Мы обязаны не допустить превращения нашего Отечества в лоскутное одеяло.

* * *

Прошло уже почти 9 месяцев, как в России работает новое правительство, и, видимо, пора подвести некоторые промежуточные итоги. Мы понимаем, что восстанавливать экономику намного сложнее, чем *толкать ее в пучину кризиса* путем непродуманных решений. Видимо, понадобится время, чтобы восстановить хотя бы тот уровень хозяйственного развития, который Россия имела до 17 августа 1998 г.

Вместе с тем, 9 месяцев - немалый срок. Пора бы уже что-нибудь да родить. Но приходится констатировать, что усилий правительства явно недостаточно для стабилизации и, главное, *экономического роста*.

Развитие экономики происходит стихийно, и правительство далеко не всегда контролирует ситуацию. В программах правительства нет четких ориентиров, не указаны приоритеты развития, сокращается валовый внутренний продукт. Государство практически никак не стимулирует промышленное производство.

Сохраняется высокий уровень неплатежей во всех звеньях экономики. При этом надо иметь в виду, что каждый рубль, не выплаченный вовремя из бюджета, приводит по цепочке к задолженности предприятий и организаций:

Мало кто понимает, что Россия почти утратила возможность производить средства производства. По некоторым данным, от прежних

возможностей вряд ли осталась треть. Большинство профильных российских заводов разорены, рабочие на них дисквалифицированы годами бездеятельности.

А что мы имеем в социальной сфере? Можно подбирать разные слова - «сложности», «трудности», «проблемы». Но если говорить правду - а только это намерено делать «Отечество», - то у меня нет другого слова, кроме слова «катастрофа».

В последние годы и без того низкая зарплата усохла благодаря росту цен в два раза. Особенно пострадали те, кто зависит от бюджета - учителя, врачи, библиотекари, военнослужащие, работники оборонных предприятий. Официальный прожиточный минимум в среднем по России сейчас перевалил за 800 рублей в месяц. Можно ли прожить семье офицера - с безработной женой и малолетними детьми, получающего 1500 рублей? Или учителю на 500 рублей?

Но даже и эти зарплаты далеко не всегда выплачиваются в срок. Правительство прилагает определенные усилия, чтобы выправить положение, но все равно задолженность остается очень большой - около 10 миллиардов рублей. Это почти двухмесячная зарплата бюджетников! Если работающий человек может - если повезет - получать зарплату, то пенсионеру жить не на что, кроме как на ту нищенскую подачку, которая называется «пенсией». С мая минимальная пенсия будет 304 рубля в месяц, а максимальная - подчеркиваю, трудовая пенсия! - 450 рублей. С 1 апреля повышены должностные оклады работникам бюджетной сферы. Очень своевременное решение. К сожалению, в условиях дефицитного финансирования госбюджета реализация его может превратиться в плохую первоапрельскую шутку.

Ко всему этому добавляется разруха в здравоохранении и образовании. В регионах собирают последние гроши, чтобы хоть как-то сохранить бесплатную медицинскую помощь. Но ее уровень постоянно снижается из-за

недостатка средств на техническое переоснащение, современные лекарства и оплату труда специалистов.

Так стоит ли удивляться тому, что у нас позорно низкая продолжительность жизни, что входят в жизнь больные поколения, которым отвечать за судьбу России в XXI веке?

Благодаря отчаянным усилиям регионов и работников образования дети имеют возможность ходить в школу, а молодежь может рассчитывать на вузовское обучение. Но если государство наконец не обратит внимание на нужды этой отрасли, то мы наверняка растеряем весь тот огромный образовательный потенциал, которым всегда выделялась Россия.

Не могу не сказать об отечественной науке. Беды ее общеизвестны. И это тоже результат действий наших «горе-реформаторов»: практически нулевое финансирование, *подталкивание* к стопроцентной коммерциализации. Куда это годится, когда институты с мировым именем существуют исключительно за счет сдачи в аренду своих площадей и зарубежных подачек!

Итак, подведем печальный итог.

Страна потеряла 10 лет, которые придется наверстывать ускоренными темпами. Выправлять положение нужно уже сейчас, без промедления.

Возникает вопрос - где же выход из этой мрачной ситуации? Мы исходим из того, что *страна не больна неизлечимым недугом*. Ни в экономике, ни в политике пока еще, слава Богу. *Не произошло ничего необратимого. Но налицо паралич политической воли*, способной переломить неблагоприятные обстоятельства.

Наша организация появилась потому, что была востребована ситуацией и обществом. Люди устали от обмана, но они по-прежнему нуждаются в вере в будущее. Сегодня они связывают свои надежды и ожидания именно с нами, и мы должны быть на высоте этих ожиданий.

Конечно, это - аванс. Аванс доверия мы получили потому, что можем не только говорить красивые слова, но и показывать реальные результаты.

Многие сейчас похваляются, что знают, как выйти из кризиса, но только мы с полным правом можем утверждать, что умеем это делать.

Хочу сказать прямо: мы готовы взять на себя груз ответственности по расчистке завалов, возникших в российском хозяйстве за последние годы.

Предпосылки экономического роста в российской экономике сегодня существуют. Девальвация рубля обеспечила снижение спроса на импорт, причем как на потребительские товары, так и на промышленное оборудование. Российские производители получили редкую возможность расширить производство импортозамещающих товаров. Но эта возможность не сохранится надолго - у нас есть всего несколько месяцев, чтобы воспользоваться ситуацией.

Что же нужно сделать, чтобы *стимулировать экономический рост*?

Нужны дешевые кредиты предприятиям реального сектора и, конечно, гражданам, потребителям, - на приобретение дорогих товаров долговременного пользования,

- нужна кампания поддержки национального производителя под лозунгом «Поддержи Россию - покупай российское»!

- нужно использовать значительную часть валютной выручки *от растущего экспорта* для приобретения российской продукции;

- нужно снижать налоги, списывать часть задолженности по платежам в федеральный бюджет для тех компаний, которые приобретают отечественные машины и оборудование.

Мы против объявленного повышения налогов с физических лиц. Большинство сограждан готово платить справедливые налоги, но их будто специально заставляют искать обходные пути. В результате все большая часть их доходов переходит на нелегальное положение. Пора предложить людям понятную и разумную налоговую систему.

Необходимо использовать высокие технологии как источник экономического роста. Не нужно забывать о способности России участвовать в мировом рынке высоких технологий. Даже сегодня в российских

институтах и на предприятиях ВПК успешно разрабатываются и внедряются в производство передовые наукоемкие продукты, которые могут использоваться как в военных, так и в гражданских областях.

Сейчас, к сожалению, продолжается обратный процесс, о чем говорят примеры Московского вертолетного завода, «Горизонта» и других лучших российских предприятий.

Серьезной экономической проблемой остается внешняя задолженность России. Необходимо договориться, чтобы долги бывшего СССР, которые мы имели неосторожность принять на себя, были списаны, по меньшей мере, на 75%, а оставшаяся часть, т.е. собственно российские долги, реструктурированы на 10 - 15 лет. Для этого нужно добиться получения Россией очередного займа МВФ в самое ближайшее время.

Нужно развивать малый бизнес, создать условия для создания и работы малых и средних предприятий. Таким путем можно создать тысячи новых рабочих мест, обеспечить реальное наполнение бюджетов регионов.

Многие из этих предложений уже переданы правительству в качестве предложений «Отечества». Мы готовы сотрудничать с правительством в их реализации, но будем серьезными оппонентами власти, если наш голос не будет услышан.

* * *

«Отечество» - организация, обращенная к интересам основной массы населения, - тем, кто зарабатывает на жизнь своим трудом. Поэтому для нас особенно важны проблемы и нужды людей труда. Мы не собираемся откладывать их решение на завтра или послезавтра, до прихода «светлого будущего». Мы выступаем за социальное партнерство, дающее работникам возможность участвовать в управлении предприятием и всем народным хозяйством через систему коллективных договоров и соглашений.

Зарплата остается основным источником средств существования для подавляющего большинства населения. Именно поэтому одной из важнейших задач «Отечества» является борьба за обеспечение справедливой

оплаты труда, которая должна включать в себя и часть прибыли, создаваемой работниками.

Мы будем добиваться выплаты зарплаты в размере не ниже определенного государством процента от вновь произведенной стоимости. Доля зарплаты в валовом внутреннем продукте должна быть постепенно повышена до уровня развитых стран.

* * *

В проекте программы «Отечества» ключевое место уделено нашим намерениям по решению социальных вопросов.

Одна из острейших социальных проблем - выплаты пенсий. Каждый трудоспособный гражданин должен быть уверен, что, уйдя на пенсию, он сможет себе гарантировать приемлемый уровень жизни. Мы не противопоставляем интересы пенсионеров и работников. Только ликвидировав задолженность по заработной плате, можно собрать пенсионные взносы и обеспечить стабильные выплаты пенсионерам.

Предлагается создать более гибкую трехуровневую пенсионную систему:

- Первый уровень - социальная пенсия, которая выплачивается инвалидам и нетрудоспособным гражданам, достигшим пенсионного возраста, в размере не ниже прожиточного минимума.

- Второй уровень - трудовая пенсия, выплачиваемая в зависимости от общего трудового стажа, заработной платы и взносов в Пенсионный фонд.

- Третий уровень пенсионного обеспечения должны составить дополнительные пенсии, выплачиваемые из негосударственных пенсионных фондов, деятельность которых должна находиться под жестким государственным контролем.

Не менее остры проблемы образования. Финансирование образования - это не вопрос бедности или богатства той или иной страны, а вопрос приоритетов государственной политики. Посмотрите на американцев: куда идут самые мощные финансовые потоки?

В образование и науку! Я, конечно, не предлагаю равняться на богатейшую страну мира в смысле денежных объемов. Но поучиться у Америки точности в определении приоритетов нам бы не помешало.

В равной степени такой подход применим и к здравоохранению. Не буду перечислять все его беды, россияне знают о них не понаслышке. Так давайте же определимся с двумя-тремя основополагающими позициями. Первое: здоровье народа не может быть предметом рынка. Говорить об отмене или пересмотре 41-й статьи Конституции, декларирующей бесплатную медицинскую помощь, по крайней мере, легкомысленно.

Второе: за здоровье народа должно отвечать государство. Третье: и в здравоохранении должен действовать принцип социальной справедливости - богатый платит за бедного. Иными словами, каждый гражданин, у кого есть деньги, должен платить за медицинские услуги из своего кармана.

В государственной *поддержке* нуждается культура, подъем творческих и духовных сил народа, который начинается в России. Вспомните историю: могущество страны всегда *имело своими корнями духовность* народа, его нравственную силу. Мы открыты для всего мира. Готовы впитать в себя все ценное, что создано человечеством. Но зачастую вместо шедевров нам подсовывают самый настоящий ширпотреб, называя это еще обменом культур.

Мы за государственную поддержку культуры, образования, науки и ясно говорим об этом в нашей программе.

* * *

В политическом авторитете «Отечества», несомненно, важна такая составляющая, как реальный, плодотворный опыт социального развития ряда городов и регионов. Здесь я, конечно, имею в виду и опыт Москвы. У людей есть возможность своими глазами видеть разницу путей, по которым шло социальное развитие в столице и в целом по России.

В чем тут дело? У нас в столице деньги, как и везде в мире, зарабатываются трудом. Преимущества столицы, о которых ходит много

сплетен, *являются плодом завистливой фантазии*. Когда говорят о так называемых преимуществах, не учитывают особого внимания, которым нас одаривает федеральная власть, склонная, скорее, сэкономить на Москве, чем дать ей хотя бы положенные средства из бюджета.

Кризис, которым охвачена страна. Москву не обошел, к сожалению. Но мы сохраняем в городе устойчивую социально-экономическую ситуацию. На первом месте - возобновление экономического роста.

Мы осознанно сделали ставку на подъем реального сектора экономики. Скоро уже 10 лет, как мы целенаправленно и последовательно развиваем малое и среднее предпринимательство.

Мы развиваем конкурентную среду и рыночные преобразования не как самоцель, а с ориентацией на экономическую и социальную эффективность. Наконец, мы рационально и очень бережно используем городскую собственность. Исходя из этого правительство Москвы выделило следующие приоритетные направления:

- обеспечение надежного функционирования всех систем жизнедеятельности города;
- поддержка социальной сферы, сдерживание безработицы;
- предотвращение обнищания народа и возможного спада потребления;
- оздоровление предприятий реального сектора экономики;
- нормализация банковской платежно-расчетной системы города;
- расширение налоговой базы городского бюджета;
- улучшение экологической ситуации.

Во всем этом, как видите, нет ничего сверхоригинального. Важно, что все это есть, и не на бумаге, а в московской реальности.

Москва открыта для взаимовыгодного сотрудничества с регионами России, а при необходимости готова оказывать всестороннюю помощь. В свою очередь мы рассчитываем на такую же поддержку со стороны других городов и регионов - наших ближних и дальних соседей.

Так или иначе, но московский опыт принадлежит России. И с этой трибуны уместно сказать так: сделали в Москве - сделаем и в России!

* * *

1999 год стал годом качественных изменений в мировом контексте жизни России.

Вот уже месяц идет война на Балканах, конца ей не видно, а ситуация в Югославии, как и предсказывалось, только ухудшается. Гибнут ни в чем не повинные жители, в Косово разразилась гуманитарная катастрофа. В Европе появилось более полумиллиона новых беженцев.

Мы считаем, что первой задачей является скорейшее прекращение войны. Это отвечает интересам и сербов, и албанцев, и всех народов. Должен сказать, что у нас есть своя программа урегулирования кризиса.

Прежде всего, стратегия мира в Югославии должна исходить из строгой приверженности нормам международного права и нравственным принципам. Необходимо безотлагательно прекратить бомбардировки Югославии, а также прекратить действия югославской армии и силовые операции правоохранительных органов в Косово, ограничив их деятельность чисто полицейскими функциями.

Реальным выходом из нынешнего тупика было бы урегулирование под эгидой Совета Безопасности ООН.

В качестве гарантий безопасности в Косово могли бы быть допущены наблюдатели и миротворческие силы ООН из числа представителей нейтральных и неприсоединившихся стран.

В рамках действий «восьмерки» по Югославии, в ООН и ОБСЕ необходимо поставить вопрос о срочном созыве международной конференции по поддержке социально-экономического развития Югославии, преодолению возникшего там гуманитарного кризиса.

Необходима мобилизация гуманитарной помощи Югославии, как по двусторонней линии, так и по линии международных организаций.

Международная гуманитарная помощь должна доходить и сербам, и косовским албанцам.

Принципиально важно, что Россия может принести мир на Балканы, только не превращаясь в одну из сторон конфликта.

События на Балканах продемонстрировали опаснейшую тенденцию, подрывающую всю основу современного международного правопорядка, формировавшегося столетиями. Под внешне благовидными предложениями защиты прав наций на самоопределение и прав человека все чаще ущемляется суверенитет различных государств.

НАТО, оттесняя ООН и ОБСЕ, присваивает себе право арбитра не только в международных спорах, но во внутригосударственных конфликтах, все больше нацеливается на решение военно-полицейских задач за пределами национальных территорий стран-членов.

Вот что пишет об этом наш давний знакомец Збигнев Бжезинский : «Все... европейские демократии поддерживают в целом НАТО. Напротив, ожесточены лишь непредсказуемый поклонник Гитлера в Белоруссии (так оскорбительно он обозначает президента Лукашенко - Ю.Л.) и нынешний режим в Москве, которому не удалось в Чечне то, что пытается осуществить Милошевич в Косово».

Разве здесь не содержится прямое указание на следующие возможные цели НАТО? Я рад был бы ошибиться, но прежние писания господина Бжезинского очень уж часто становились в Вашингтоне руководством к действию.

В результате такой политики разрушается сама система международных отношений, основанная на принципах национального и государственного суверенитета. Опасность этой тенденции - в ее связи с распространением оружия массового поражения и средств его доставки. Ряд стран, наблюдая за военно-полицейскими операциями НАТО, примеряют эту ситуацию к себе и ищут гарантий от ударов такой полицейской дубинки.

Было бы большой ошибкой сейчас поддаваться на соблазн внешне *эффектных шагов* и идти на углубление конфронтации. В нынешнем мире никто, даже такая страна, как наша, *не сможет прожить в одиночку*.

В то же время в области политических отношений с Западом необходимо решительно отойти от схемы пассивных действий. Слишком часто в последние годы российская внешняя политика шла вслед за событиями, вслед за действиями Запада.

Говоря о внешнеполитическом окружении России, нельзя не задать себе вопроса: с кем вы в изменившемся мире? В условиях нынешнего кризиса у нас оказалось не так уж много друзей и союзников. Это - суровый урок для российской дипломатии. Хотя нельзя не отметить позицию нашего по-настоящему стратегического партнера - Индии, взаимодействие с Китаем, сближение взглядов с арабскими странами.

С Западом, особенно с Европой, нас связывают столетия совместной истории, повседневные хозяйственные, культурные, и иные связи. Но в то же время Россия является и великой азиатской, тихоокеанской державой. В этом регионе живут наши не только соседи, но и традиционные партнеры в торговле и политике. И все же первостепенное значение для России имеют отношения с самыми близкими соседями - со странами СНГ и Балтии.

Сейчас многие критикуют СНГ, механизмы Договора о коллективной безопасности. Да, Содружество несовершенно. Но другого у нас нет. И было бы ошибкой отказываться - от него, не создав взамен более эффективную структуру.

Сейчас за рубежами России проживают почти 20 миллионов наших соотечественников. Мы считаем, что все они имеют право считать Россию своей Родиной, сохранять свою национальную и культурную самобытность, язык. Нельзя закрывать глаза на то, что в целом ряде случаев наши соотечественники за рубежом подвергаются дискриминации, попыткам насильственной ассимиляции. Российские государственные структуры до сих пор не смогли создать систему устойчивых связей с соотечественниками за

рубежом, учета и защиты их прав. Почти ничего не делается для государственной *поддержки русского языка* - одного из мировых языков межнационального общения.

* * *

Обстановка в мире тревожная. У нас нет оснований для благодушия в условиях, когда многие из нынешних конфликтных и кризисных ситуаций в мире происходят в непосредственной близости от России.

Практически все страны мира сейчас реформируют свои вооруженные силы, приспособливают их к новым условиям XXI века.

Россия и здесь значительно отстает от большинства развитых стран. Сегодня Армия и Флот освободились от многих излишних структур и несвойственных функций. Однако качественного улучшения не произошло. Реформа почти не продвигается. Более того, нарастают разрушительные процессы в Вооруженных Силах.

Мы все должны ясно понять, что Вооруженные Силы для России - это абсолютно необходимый инструмент обеспечения ее подлинной независимости и суверенитета.

В самом тяжелом положении оказались оборонная промышленность и наука. Мы требуем, чтобы в самые короткие сроки были приняты меры по их финансированию и развитию.

* * *

Любая политическая организация - если она действительно политическая - ставит своей целью получить власть.

Нас часто спрашивают: а разве сейчас вы не «партия власти»? Нет? Мы не должны и не можем принимать на себя ответственность за прошлые ошибки и злоупотребления, за решения, принимавшиеся без нашего участия. Реальная власть в России в последние годы была в руках узкой группы лиц, к которой мы не принадлежим.

Но мы стремимся к завоеванию парламентского большинства и будем делать все, чтобы на выборах в Государственную Думу в декабре за нас проголосовали избиратели.

Мы стремимся к тому, чтобы наши представители заняли ключевые высоты в исполнительной власти, и, будем делать все, чтобы под наши знамена пришли самые профессиональные и одухотворенные высокой целью спасения Родины люди, достойные войти во власть.

Это не похвальба, не «шапкозакидательство». Это спокойная уверенность в собственных силах, вера в правоту идей и ценностей, которые мы защищаем, убежденность в реальности предлагаемых нами ответов на острейшие вопросы и вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня.

Власть в России нужна нам, прежде всего, чтобы обеспечить людям достойную жизнь.

Власть нужна нам, чтобы в полной мере использовать возможности и инструменты государства для выправления положения в экономике и социальной сфере, для наведения в стране порядка.

Власть нужна нам для того, чтобы Россия заняла по праву принадлежащее ей место в геополитическом раскладе, чтобы *удержать человечество от сползания в катастрофу*, чтобы отстоять единственно возможную для цивилизации модель многополюсного мира.

Задачи эти гигантские по масштабам. Но, как говорится, *глаза боятся, а руки делают. И первый шаг, первый рубеж на этом нелегком пути* - декабрьские выборы в Государственную Думу.

Доверие избирателей - наш главный политический капитал, который может увеличиться, если мы найдем путь к сердцу каждого россиянина с его реальными жизненными трудностями. Нашими кандидатами должны стать люди известные и самое главное - порядочные, а выборы с участием «Отечества» - чистыми, а с точки зрения закона - безупречными.

За последние годы российский избиратель стал мудрее. Все меньшей популярностью пользуется *истеричный национализм*, попытки сыграть на

протестных настроениях. Все чаще люди хотят видеть на всех уровнях власти профессионально подготовленных прагматиков. Идеологические и партийные «измы» вызывают все большее отторжение.

У «Отечества» есть неплохие перспективы получить голоса значительной части *трезвомыслящего большинства*.

Мы можем сегодня сказать: для победы у нас есть многое - идеи, люди, поддержка избирателей. В этих условиях наша задача - создать четко действующую штабную вертикаль, координирующую работу по выборам в органы местного самоуправления и очередные выборы в Государственную Думу.

В настоящее время нами создан центральный штаб для проведения этих избирательных кампаний, его возглавил Артур Николаевич Чилингаров, формируются соответствующие избирательные штабы в регионах. Речь идет не о подмене территориальных организаций, а о создании структуры под конкретную задачу.

Идя на выборы как *самостоятельная политическая сила, рожденная самой логикой* политического процесса в стране, мы должны четко определить, с кем нам по пути, кто наши союзники и противники.

Поэтому мы открыты для совместных действий в едином блоке с движением «Вся Россия» Минтимера Шаймиева и партнерских отношений с «Яблоком» Григория Явлинского, а также к консультациям с «Голосом России» Константина Титова, если это движение состоится, и с другими. В самом деле, ничто не разделяет нас с людьми, входящими в эти движения, и я уверен, что у нас хватит мудрости и ответственности, чтобы быть вместе и на выборах, и в новом составе парламента,

Да и с теми, с кем у нас меньше общего, мы хотели бы иметь некое соглашение о правилах игры.

* * *

Общероссийская политическая общественная организация «Отечество» растет и множит свои ряды с каждым днем. С момента ее создания в декабре

прошлого года созданы отделения организации в 89 регионах России, насчитывающих более 102 миллионов избирателей.

Мы создали «Отечество» не по случаю, не к очередным выборам, а всерьез и надолго. Ему предстоит быть одной из опор политической системы страны, стать мощной партией, выражающей интересы больших групп людей. И строить его надо основательно, навсегда.

Ни в коем случае *нельзя заниматься надуванием щек* и преувеличивать нынешнюю популярность и влияние нашего движения. Но нельзя не видеть и первых его успехов.

За короткое время по всей России были созданы отделения организации, в состав которых вошли десятки тысяч граждан, поддерживающих курс «Отечества», готовых бескорыстно, самоотверженно работать в его рядах. Большинство организаций прошли юридическую регистрацию, обустроились и готовы к действию.

Нужно сказать и об опасности бюрократизации региональных отделений. «Отечество» ни в коем случае не должно превращаться в карманную организацию ни для федеральных властей, ни для властей региональных. Наши избиратели должны видеть, что их интересы нам важнее, чем хорошие отношения с теми или иными руководителями.

К вопросу об очевидном иждивенчестве многих региональных структур, живущих и действующих по принципу «Дай!». Должен прямо сказать: чтобы забрасывать центр подобными просьбами, много ума не надо. Работать самому - вот что требуется от каждого активиста «Отечества».

* * *

Организация крепка не только численностью рядов, но и своей идеологией, единством позиций. Мы не боимся слова «идеология», которое кое-кто слишком поспешно предал анафеме. Напротив, мы считаем, что многие проблемы страны проистекают из отсутствия ясных целей и твердой воли к их осуществлению.

За время, прошедшее после. Первого съезда, мы смогли продвинуться в формировании идеологии «Отечества», ее основные черты вырисовываются в представленных вам документах: прежде всего в Программе и в Манифесте «Отечества».

Мы проанализировали исторический путь России, особенно опыт последнего столетия, и пришли к выводу, что соединить сильное государство с личной свободой и политической демократией - вот наш путь, вот подлинная национальная идеология. Соединить, *не ломая через колено*, а на основе согласия, доброй воли всех тех, кому дорого наше Отечество. Именно этот процесс начался было на заре XX века, но был перечеркнут последующими потрясениями.

Наш девиз - мы верим в себя и в Россию. Страшный итог последних лет - потеря веры во все и во всех. Но без веры в будущее и в тех, кто его строит нельзя изменить жизнь к лучшему.

* * *

Сегодня, когда будущее России зависит от каждого голоса, от споров в каждой семье, в любом цеху или офисе, общественные организации дают «Отечеству» возможность общения с миллионами граждан, даже минуя средства массовой информации.

Более 90 общественных объединений выразили свое намерение вступить в организацию «Отечество». В настоящее время 22 из них стали коллективными членами. Но и за пределами этого круга мы готовы работать со всеми, кто разделяет наши принципы и цели.

У нас есть успешный опыт взаимодействия с профсоюзами в рамках социального партнерства в Москве и в ряде других регионов России. Активно участвует в деятельности нашей организации *политическое крыло* российских профсоюзов - Движение «Союз Труда».

В «Отечество» вошел ряд ветеранских организаций. Мы намерены всячески поддерживать их деятельность, помогать ветеранам, укреплять их по праву заслуженные гарантии.

Государство - это большая семья, и решать его проблемы без участия женщин невозможно. Многие сложные и драматические события в нашей новейшей истории удалось бы предотвратить, если бы мудрый и спокойный голос женщины, матери был бы услышан в политике.

Одной из главных социальных целей «Отечества» является создание общества равных возможностей. Эта цель должна быть особенно близка молодежи. В нем каждый молодой человек независимо от своего социального происхождения должен иметь право получить образование, реализовать свои способности и талант, найти себе дело по душе.

Наш съезд сегодня не заканчивается - его второй этап пройдет, когда потребуется рассмотреть вопрос о нашем участии в парламентских выборах.

Но мы обязаны сделать так, чтобы наша встреча в Ярославле стала не формальным мероприятием, а важным этапом жизни и роста организации.

Предстоящие выборы, вся обстановка в стране потребуют от нас предельной мобилизации сил, наивысшей ответственности и умения предвидеть события. Я уверен, что мы сумеем использовать ближайшие месяцы для того, чтобы еще более повысить боеспособность всех организаций «Отечества». Вместе - мы победим

<http://mssun.mos.ru/major-lujkov/doklad-240799.htm>

ЧТО ТЕПЕРЬ БУДЕТ

(Коммерсантъ, 14.04.2000)

Дискуссию «Напутствие, или Чего ждет бизнес от власти», начатую в «Ъ» Петром Авенем 29 февраля, продолжает Сергей Кириенко.

Принято считать, что смена фамилии президента венчает смену эпох: закончилась эпоха Ельцина, наступила эпоха Путина. Это не то, что неверно, это пока преждевременно. Мы находимся не в новой эпохе, хотя уже и не в старой. Мы на нейтральной полосе: паспортный контроль пройден, билеты зарегистрированы, багаж сдан, но посадка еще не объявлена. То ли время не пришло, то ли пассажиры не решили, куда собираются лететь. Будущее неизвестно, когда прошлое непонятно. Хотя бы поэтому надо уяснить, какую страну мы уже покинули.

Ни прошлое, ни будущее не описывается одними фамилиями государственных деятелей. Что, собственно, такое - эпоха Ельцина? Это эпоха демократической революции, и ее целью было дать свободу. Ельцин обнаружил в российской тайге кимберлитовую трубку свободы. Он проломил дорогу, развалил деревья, взорвал саму кимберлитовую трубку, раскопал бульдозерами породу, добрался до алмазов... И, собственно, все. Теперь прииск не охраняется, нет навыков отбора, нет правил сортировки руды, нет огранки, и каждый таскает, сколько может: кто в карманы, кто мешком, а кто грузовичок подогнал и стал олигархом.

А просвещенная публика сидит на отвалах, держит в руках эту породу из кимберлитовой трубки с некрасивыми и противными негранеными алмазами и возмущается: «Когда мы были на Западе и видели витрину бриллиантового магазина, там все было совсем по-другому, там все было очень красиво. Мы хотели так же красиво, нам обещали, что если сейчас все

взорвем и обломаем, то у нас будет то же самое. Нас обманули. Ах! Ах! Видимо, в России все такое неказистое, вот и бриллианты у нас ужасные, и все у нас не так, и менталитет другой. То ли взорвали мало, то ли надо зарыть все обратно!».

Менталитет как менталитет, не хуже, чем у людей. Но к ежедневной рутинной работе он не приучен. Все, что мешало, сломано, теперь нужно строить новое. Открытие сделано: пришло время серийного производства. Надо поставить охрану, отогнать народ с мешками и грузовиками, наладить конвейер, который отсортирует алмазы, чтобы они попали на гранильную фабрику. Это и будет новая эпоха. Период демократической революции закончился, результат достигнут, свобода дана. Теперь надо оформить эту свободу, начать гранить алмазы. Это обычно называется общественным договором. Пришла пора институализации и закрепления правил. На языке финансового инвестора - это момент «фиксации прибыли». Мы должны так упорядочить и зафиксировать результаты демократической революции Ельцина, чтобы развиваться дальше, не потеряв полученной «прибыли» - возникших свобод и возможностей.

Нейтральная полоса

Вопрос первый: зачем вам нужен президент?

Следить, чтобы правила, по которым живет государство, не менялись

Принято считать, что либералы всегда выступают против государства, считая, что его слишком много. В России его очевидно не хватает. Не хватает именно либералам. В Советском Союзе существовала абсолютизация внеэкономического принуждения, а в постсоветской России мы впали в другую крайность - в абсолютизацию только экономического принуждения. И лишь сейчас приходит понимание того, что для нормального функционирования рынка должны работать вне рыночные институты. Рынок не может создать их самостоятельно, стихийно: армия, полиция, судебная система, антимонопольное законодательство, образование и фундаментальная наука не возникают сами по себе и не являются

саморегулирующимися системами. Создавать и регулировать их должно государство. И самое главное - это не может быть предметом торга. Вот здесь *коренная российская беда*.

Когда в 80-е годы Гавриил Попов ввел понятие «административно-командная система», Виталий Найшуль в ответ написал, что в России никакая не административно-командная система, а такой специфический «бюрократический рынок». Найшуль прав. Торг при Советах был, и еще какой, и любой советский директор его помнит - я сам застал это на производстве, когда дают план 110 процентов и фондов на 20 миллионов, а тебе нужно фондов 30 миллионов и план хорошо бы 90 процентов. И ты срочно летишь в Москву, и начинается торг в управлении, в главке, в Госплане. Потом, когда плановую экономику упразднили, изменился только предмет торга, а вовсе не его главный участник. Сам торг с государством продолжился. Просто теперь торгуются не за объем плана и фондов, а за размер налога, за доступ к госзаказу, за ставки арендной платы и так далее.

Исполнение государством своих базовых функций как было, так и осталось предметом переговоров с конкретным чиновником. А раз это только предмет переговоров, значит, каждый договорится по-разному. И коррупция совершенно неизбежна. И всевозможные льготы тоже неизбежны, и статьи бюджета, которые не финансируются, и нереальная система социальных гарантий. Чиновнику нужен нереальный бюджет и «дутые» обязательства государства, потому что если всем все равно не хватает, власть переходит к тому, кто устанавливает очередь! Все это итог того, что государство приторговывает своими базовыми функциями - тем, что никогда, ни при каких обстоятельствах не подлежит торгу. Говорят, что у нас очень развитая бюрократия, тормозящая движение вперед. Все, скорее, наоборот, у нас нет бюрократии, поэтому нет и движения вперед. *Бюрократия - это неукоснительное соблюдение тупых правил*. У нас нет ни правил, ни соблюдения: каждый день все заново. Любимая игра российского чиновника - менять правила. Сейчас можно ответить вопрос: зачем вам нужен

президент? Вот за этим он мне и нужен - чтобы правила не менялись, чтобы государство исполняло свои базовые функции, чтобы действовал суд и торжествовал закон.

Постоянные криминальные разборки - рыночная реакция экономики на отсутствие правил и неэффективность судебной системы. Свято место пусто не бывает. Кто-то же должен эти функции выполнять - следить за правилами и разруливать. Кто-то и выполняет: освобожденное государством место занято криминалом. Взаимодействовать с таким государством для нормального гражданина невозможно. Он и не взаимодействует - он пакует чемоданы и сидит на них, каждую минуту ожидая объявления о посадке, чтобы улететь куда-нибудь. Куда, он и сам толком не знает.

На чемоданах

Вопрос второй: какой путь развития должен выбрать президент?

Либеральный. И он его выберет - этого требуют государственные интересы

Теперь давайте оглянемся вокруг и посмотрим, кто с нами вместе оказался в зале ожидания, у кого сколько багажа с собой, кто в каком виде отправляется в дорогу. И готовы ли мы к препятствиям, которые ждут нас на пути?

Путин перед выборами сказал, что нужна инвентаризация, это верно. Но я бы уточнил, что инвентаризировать надо не только основные фонды, но и человеческие ресурсы. Почему?

Потому что за последние годы глобально изменилась картина мира в экономике, а значит, и в политике, и в общественном сознании. Тот мир, в который мы так стремимся, живет уже по иным законам. В нем экономика больше не описывается рамками государственных границ. У нас не было в 1980 году такой проблемы, что товар может производиться здесь, в России, программистом из компании, зарегистрированной на Багамских островах и имеющей расчетный счет в City Bank. Не было этой проблемы. А теперь есть.

Отныне удержать капитал силой невозможно: границы стали прозрачными. И не считаться с этим невозможно.

Если вам надо сегодня поднять производительность труда в Италии, вы будете инвестировать в предприятия Германии или Франции. Если конец XIX-первая половина XX века были периодом бунта труда, то вторая половина XX века - начало XXI - эпоха бунта капитала. Бунтует капитал, и если условия ему не нравятся, то удирают наиболее его мобильные формы: деньги и мозги. Индустриальная экономика держалась в границах - завод не подыметь и не увезешь, а все активы компании Yahoo вы подымете и перевезете в другую страну за месяц, и не заметит никто.

Мы говорим именно об общественном капитале, не только о деньгах, но и *о мозгах, об интеллекте и способах его воспроизводства*, о культуре, традиции - это все общественный капитал. Сегодня из России ежемесячно уходит 1,5 миллиарда долларов. Только денег. *Невозможно точно подсчитать, сколько уходит мозгов*. Это при том, что у нас сегодня действительно есть *экономический рост*. После кризиса 1998 года экономика впервые повела себя в соответствии с экономической теорией. Значит, количественные перемены перешли в качественные. Но *этот рост захлебывается*, потому что он недоинвестирован. Капитализация всей российской экономики равна капитализации одной компании Yahoo. Смешно?

Первая цель сегодня - изменить направление потоков капитала. Нам необходимо не просто остановить утечку капитала, необходимо, чтобы 1,5 миллиарда долларов ежемесячно приходили в Россию. Для этого есть только один способ - создать условия, выгодные капиталу в России. Какие это условия?

Первое - политическая стабильность. Теперь, после выборов, она существует. Необходимо, чтобы президент выполнял предвыборные обещания. Но поскольку Путин никому ничего не обещал, выполнить это условие нетрудно. Второе - исполнение государством своих базовых

функций. Судебная система должна стать реально независимой, судебные решения - реально исполняемыми. Третье - гарантии прав собственности. Дело не только в том, чтобы перенести в Россию западное законодательство. Наши законы часто не хуже. Дело в том, что у нас отсутствует культура и прервана традиция уважения частной собственности. Это требует избыточных мер защиты. Четвертое - налоговая реформа. Как минимум отмена налогов с выручки, нормальная возможность отнесения расходов на себестоимость, плоская шкала подоходного налога со ставкой не более 20 процентов, отказ от двойного налогообложения дивидендов. Принципиальным является не только качество, но и стабильность, долговременность налоговых правил!

Но главное это - эффективность использования капитала. Конечно, мы можем сказать, что рынок сам все расставит по местам. Но давайте вспомним про глобальный мир и прозрачные границы. В масштабе мировой экономики рынок все действительно расставит по местам. Но остается один вопрос: какое место достанется нам? Постиндустриальная экономика диктует новые законы. Сферы максимальной эффективности капитала меняются на глазах. Готовы ли мы к этому?

Наша экономика представляет собой довольно странный и громоздкий багаж. Условно можно разделить его на четыре части.

Первая - старые советские предприятия, остаточная материально-техническая база коммунизма, предприятия, производящие отрицательную добавленную стоимость. Каждый день их работы наносит нам убыток. Единственный смысл их существования, как правило, извращенная форма социальной защиты людей, которые на них работают. Вот мне только что объясняли в Новосибирске: «Мы понимаем, что наша колхозная ферма убыточна, но если не будет фермы, на которой можно свистнуть ненадолго трактор и одолжить навсегда комбикорм или горючее, то никто не будет держать рядом крупный рогатый скот или обрабатывать землю». То есть ферма выполняет функцию обслуживания находящихся рядом личных

хозяйств. Если она исчезнет, исчезнут личные хозяйства, хотя сама по себе она, естественно, убыточна. Наши градообразующие предприятия очень похожи на эту ферму.

Вторая группа - это предприятия экспортно-сырьевого сектора. Прибыльные, они очень сильно зависят от мировой конъюнктуры цен. (Очередной раз нам напомнили об этом, пока писалась статья.) Они еще долго будут кормить страну, но на них нельзя сделать рывок вперед. Политика «газ в обмен на трубы» могла быть приемлемой в конце 70-х и совершенно невозможна для XXI века как *стратегия развития*, как идея прорыва страны.

Третий сектор - это новые рыночные предприятия, прибыльные сегодня, которые правильно среагировали на выгоды, порожденные кризисом 1998 года, воспользовались этим и пошли в гору. Они успешно развиваются, но ориентированы, как правило, на внутренний рынок: сельхозпереработка, легкая промышленность, то есть предприятия, новые для России, но отнюдь не для постиндустриального мира, с которым надо конкурировать.

И четвертый сектор российской экономики - это предприятия, которые являются новыми и для России, и для всего цивилизованного мира. Это новые виды деятельности: электронная экономика, гуманитарные технологии, биотехнологии, новая энергетика. Все, что связано с производством и употреблением знаний, воспроизводством интеллекта. Это, безусловно, предприятия будущего.

Наша трудная задача - создать условия для перехода общественного капитала из первого сектора в третий и, главное, в четвертый. Повторю, это не деньги, а общественный капитал. Общественный капитал подразумевает и труд, и интеллект. При этом скорость изменений в мире такова, что невозможно заранее точно определить отрасли прорыва даже на пять лет вперед. Государство должно создать условия для свободы творчества и действия, доступности образования и информации, мобильности капитала и труда. Это колоссальная по масштабу задача, потому что в первом секторе

находится до 40 процентов предприятий. Но иначе страна не будет развиваться, она не станет конкурентоспособной.

Можно что угодно думать о Путине, но он - адекватный политик. «Какой путь развития должен выбрать президент?». «Современный», - сказал бы я. И он его выберет. Либерал он, не либерал - уже даже и не важно: его экономика все равно будет либеральной. Этого требуют государственные интересы. (Назначение Андрея Илларионова советником президента по экономическим вопросам - еще одно тому подтверждение.)

Прозрачность экономических границ - данность времени. Вопрос только в том, обернется это силой или слабостью России. Закрытость - в любом случае слабость. Даже если бетонной стеной отгородиться от мира, все равно *будет утечка мозгов* и денег, небольшая, но будет. Что-то мы удержим в стране, но взамен ничего не получим. Президент в состоянии закрыть границу, но он не в силах *заставить капитал двигаться* по своей воле. Такова реальность конца XX - начала XXI века. Либерализм всего лишь из нее исходит. Как и пять, как и десять лет назад, *либерализм - это здравый смысл*, прежде всего. Ничего другого в наших чемоданах не содержится.

Бунт пассажиров

Вопрос третий: кого (что) вы считаете главным врагом президента?

Соппротивление, саботаж и паника элит

Президент в России обладает колоссальной властью, но даже она мала для того, чтобы в одиночку совершить реформы.

Тогда кто еще? Общество. Одна часть общества говорит: летите сами, куда хотите, а нас, пожалуйста, извольте отправить назад. В страну вечнозеленых помидоров. С этими людьми государству предстоит много и трудно работать, потому что нет ничего сложнее, чем объяснять очевидные истины: дважды два, извините, четыре, жизнь невозможно повернуть назад и т. п. Вторая часть общества заявляет, что взлетать еще рано, давайте тут пока посидим, потому что нам и здесь уютно и тепло. Это та элита, которая

чрезвычайно успешно питалась продуктами распада СССР и пользовалась революционной неразберихой, грузила алмазы бочками. Третья часть говорит, что ни в коем случае нельзя садиться в этот самолет, потому что он всех привезет в тоталитарное государство. Четвертая часть заявляет, что самолет вообще не взлетит, если нельзя будет на протяжении полета все время обсуждать, как этот самолет плох, какой отвратительный пилот и какой гадостью тут кормят. И только пятая, наименьшая часть готовится к взлету.

Если ненадолго забыть об этой пятой части, *мы останемся с огромным букетом личных комплексов, а вернее, с одним большим комплексом неполноценности, с боязнью невостребованности.*

Я как-то перед выборами был на одном серьезном собрании по поводу благоприятного инвестиционного климата. И мне очень понравилась дискуссия, когда старые олигархи возопили: «Что это за безобразие такое, Закон о банкротстве! Он же просто стал оружием передела, что за наглость такая. Нельзя так. Надо же сохранять, оберегать. Это черт те кто там приходит и банкротит серьезные предприятия». *А напротив них сидели молодые волки, из подрастающих,* и ухмылялись: «Постойте, постойте? Значит, как вы залоговые аукционы проводить, так, значит, можно, а как мы теперь вас пришли подвинуть, то это наглость? Нет уж, извините, эффективный собственник так эффективный собственник». Я очень веселился, видя, что столпами консерватизма были не коммунисты, не красные директора, а олигархи первой волны. Значит, у них есть потребность в правилах, по крайней мере, для себя. Но многие из них боятся, что, если эти правила станут общими, если их возьмутся устанавливать не они лично, то никакого способа удержать собственность у них не останется. Если государство перестанет с ними взаимовыгодно торговаться, то они не справятся с управлением самостоятельно, на общих основаниях. И такие примеры повсюду.

Недавно мне довелось участвовать в совсем иной дискуссии. Обсуждалась судьба демократии в целом и неизбежная угроза тоталитаризма при Путине. Я пытался доказать своим собеседникам, что будущее вовсе не обязательно мрачно, и мы можем на него влиять, *нужно только не «истерить», а действовать*. Мои оппоненты ни за что не соглашались, дискуссия кончилась ничем. Поспорив, русские люди обязательно выпьют. И расслабятся. «Ты думаешь, мы не понимаем, что ли? - признались мне они. - Ты нас не в том убеждаешь. Ты нам рассказываешь, какое светлое и хорошее, это будущее. Понимаем, может, оно и такое. Своего места только в нем не видим».

Самое примечательное, что часто так же рассуждает и пресса. «Кровавый чекист задушит свободу слова», - кричат журналисты. Однако оппозиционная пресса выходит и пишет все что ей заблагорассудится. Почитайте газету «Завтра»: там в каждом номере громится антинародный режим и его ставленник Путин. И все только пожимают плечами. Может быть, этого и боятся просвещенные журналисты. Не того, что их перестанут печатать, а того, что перестанут слушать. Вот написал, и рука дрогнула: нельзя ругать прессу. А почему, собственно, нельзя? Почему все власти доступны критике, а четвертая от нее застрахована? Пресса очень эффективно отделила журналистику как творчество от журналистики как бизнеса. Но стоит тронуть этот бизнес, стоит только призвать его к минимальному, единому для всего бизнеса порядку, как немедленно начинаются *страшные крики об удушении свободы печати*. Это все та же *боязнь общих правил*. Есть ли *реальная угроза демократии* и свободам, или это только выдумка? Конечно, есть! Мы живем во время больших возможностей и больших угроз. Но угроза авторитаризма не в личных качествах Путина, а в масштабе вызова, стоящего перед Россией. Любые провалы в экономике, политическая изоляция, неэффективность государственной машины *будут толкать к авторитаризму*. Но *«истерикой» здесь точно не поможешь*. Боязнь элит остаться невостребованными - тоже

одна из *угроз демократии*. Можно годами звать к реформам, можно пламенно и красиво говорить о будущем, но, раз все сохраняется на своем месте, значит, всех устраивает настоящее. Жизнь, впрочем, сопротивляется. Идет война с настоящим за будущее. Смена элит - процесс, драматичный для любой государственности, - идет сейчас полным ходом. По своим масштабам и последствиям он сопоставим с 1991Д1992 годами. Пассажиры, привыкшие сидеть в бизнес-классе, вдруг обнаружили, что им там может не достаться места!

Здесь ответ на третий вопрос Ъ. Главный враг Путина - сопротивление, саботаж и паника элит.

Бизнес-класс

Итак, президент не может все сделать сам. Он должен действовать с помощью людей, собранных в организации, и идей, организованных в идеологии. Где эти люди и где эта идеология?

Любая экономическая теория описывает равновесное состояние экономики, которая должна угасать. Почему этого не происходит? Действие нуждается в субъекте. В начале XX века австрийский политэкономист Шумпетер его обнаружил и ввел в научный обиход фигуру предпринимателя, принимающего на себя две функции - энергию развития и риск. Этому предпринимателю любое общество всегда обязано переменами, иначе был бы вечный застой. В принципе, такой движущей силой может быть и государство, корпоративное - по типу Германии 30-х или СССР того же печального времени. Тогда это позволило *сконцентрировать все ресурсы в одних руках* и провести, например, волшебными, небывалыми темпами индустриализацию. Но одновременно государство принимало на себя и все риски. Ну что, собственно, и произошло в Советском Союзе. Цена ошибки при наличии в стране единственного предпринимателя - государства - оборачивается системным поражением всей страны, всего общества, всего народа.

Когда имеется не один, а сотня тысяч предпринимателей, то все проходит без таких эксцессов. Часть разоряется, платя своим риском за быстрое обогащение. И происходит естественный отбор. Общество в целом застраховано тем, что кто-то рискует. Естественные ошибки не приводят к краху страны. Нельзя не ошибаться никогда. Любой человек, занимающийся бизнесом, понимает, что рано или поздно он ошибется... Когда я был президентом банка, то для венчурных операций создавал дочерние фонды, чтобы не рисковать всем капиталом, а только частью, это жесткое правило.

Новая энергия и новый риск тащат на себе все. Предпринимательство как Творчество, как создание Будущего, то есть того, чего еще нет. Прибыль предпринимателя - премия за риск. Собственно, так обстоит дело не только в экономике, но и в этике, в нравственности, в культуре. Не бывает этики, бывают носители этики, не бывает культуры, бывают носители культуры, и никак по-другому. Должно возникнуть критическое количество носителей делового поведения, и тогда сами собой складываются деловые правила. Это и произошло в сегодняшней России. В стране появился человек новой энергии и нового риска. Это не только средний или мелкий бизнесмен, а значительно шире, это все новое поколение.

В России выросло целое поколение людей, сделавших предметом оборота, бизнеса - в самом широком значении этого слова - не механическую энергию спекуляции, а творческую энергию интеллекта. Это самая динамичная и современная часть общества, потому что скорость мысли быстрее любой другой. Они продают и покупают не хитрость, не сноровку, точнее, не только их, они продают и покупают умение думать динамичнее и действовать дальновиднее других. Они продают и покупают товар XXI века. Смена эпох - это смена не президентов, не политиков, вообще не лиц, а ассортимента рынка. И ее обеспечивает новое поколение. Новое поколение - это главный факт сегодняшнего дня.

Речь идет не о возрасте - двадцатилетний наркоман или мечтатель, желающий поскорее «раздербанить чужой кэш», никакого отношения к

этому поколению не имеют. Напротив, шестидесятилетний директор, *оживляющий полумертвый мукомольный завод*, - типичный новый человек. Речь идет не о профессии и даже не *о деловой жилке* - в Интернете или в гуманитарных технологиях они встречаются чаще, чем в коммерческом ларьке. Речь идет об отношении к миру, о способности к конкуренции, об энергии и риске. Новое поколение возникло, и оно требует правил. Хочет того президент или не хочет, примет правила Дума или не примет, отныне они сделались неизбежными. Это и есть главный итог всего последнего десятилетия.

Еще совсем недавно реформы Гайдара и Чубайса было принято высокомерно поругивать даже в демократической среде. Маститые экономисты важно указывали на *падение производства*. Не туда смотрели, не там искали. Реформы-то были удивительными: за каких-то десять лет сформировалось новое поколение, результатом разрушительных действий стало созидание, у России появился внутренний заказчик. Этот заказчик ничем не похож на традиционного либерала, выросшего в курилке академической библиотеки брежневского застоя. Он не читал умных книжек и, наверное, удивился бы, узнав, что его считают либералом. Новое поколение равнодушно к звучным словам. Очень прагматичный подход: работает - не работает. Не работает - не нужно, работает - сюда давай. Это и есть заказчик, реальный современный заказчик. *Как говорится, «не знаю, кто придумал воду, но это были явно не рыбы»*. Воду в России придумали Горбачев с Ельциным и Гайдар с Чубайсом и все демократическое движение. *А теперь выросли рыбы, которые в ней дышат*. Для них рынок и либерализм не являются ни идеей, ни мечтой. *Это их среда обитания. Любят ли они свободу, любят ли рыбы воду? Да нет, пожалуй. Но они без нее умирают*.

Почему о новом поколении заговорили именно сейчас, а раньше его было не видно, не слышно? Потому что, пока шла революция, пока правил не было никаких ни у кого, ему незачем и не с чем было выступать. Это как в детской игре, когда стульчиков на один меньше, чем бегущих по кругу,

помните? После хлопка нужно успеть сесть. Пока ты бегаешь, ты не думаешь, когда садиться надо, делается вдруг важным и количество стульев, и правила игры. Так и здесь. Наступил период закрепления, остекления. Когда хаос, не о чем было беспокоиться, но раздался хлопок, и народ заинтересовался правилами. Нового человека в России до сих пор считают винтиком. Он ищет защиты в криминальных разборках, унижается перед чиновниками, прячется от налоговой службы, а ведь он главный для общества. Он - первый класс, а его задвигают в хвост самолета. Он всеми неуважаемый субъект, потому что правила у нас перевернуты. И глаза, впрочем, тоже. Просвещенная публика стонет: почему в России нет мидл-класса, где оно, среднее сословие? В упор не видят. А ведь полет обеспечивает именно он. Но для полета нужно еще правильно выбрать время и погоду.

Летная погода

Вопрос четвертый: от какой ошибки вы бы предостерегли президента в первую очередь?

Чтобы он не думал, что у него много времени

Летная погода длится недолго. У меня есть несколько примеров. Пример первый - это принятие бюджета. Начинаем обратный отсчет времени. В начале сентября надо иметь бюджет. Пошли назад. Формирование бюджета предусматривает принятие Налогового кодекса, второй его части, хотя бы во втором чтении и согласование реструктуризации внешнего долга. Следовательно, нужна какая-то договоренность с МВФ. Если мы хотим иметь к концу августа бюджет, мы должны уже в июле получить решение совета директоров МВФ - для этого потребуются законы, принятые Думой. ГД собирается на каникулы 18 июня, но, предположим, может остаться и посидеть числа до 10Д15 июля. Все равно это означает, что не позже 10 июня в ГД уже должны лежать все нужные законопроекты. А это значит, что в мае они должны быть согласованы и отработаны. А это, в свою очередь, значит, что они должны

существовать к концу апреля, что, не дожидаясь никакой инаугурации, нужны люди, которые эти решения определяют.

Вторая проблема - внешнеполитическая. Это американская ПРО, система противоракетной обороны. Абсолютно схожая картинка. В июне администрация США должна принимать решение по разворачиванию ПРО. Поскольку ПРО поддерживают в Америке 92 процентов населения, вероятность принятия, если мы не занимаем определенной позиции, а просто выжидаем, очень высока. Можно себе представить, к чему это приведет. *Они выходят из договора по ПРО, мы в ответ выходим из договора по СНВ и по ограничению ядерных вооружений, способных разнести весь мир.* Это не означает войну. Но это означает резкое напряжение ситуации.

Репетиция такого напряжения происходит сейчас на наших глазах. Я имею в виду постановление ПАСЕ и лишение полномочий российской делегации. Она поступила правильно, уйдя из зала. Конечно, обидно. Но самой большой глупостью было бы устраивать ответные демарши. Форма давления для нас неприемлемая, но важно понимать, что озабоченность европейских стран событиями в Чечне подлинная. Другой недопустимой *крайностью является призывать Запад наказать свою страну.* Я могу всеми методами отстаивать свою позицию дома, но как только я в делегации России, точка - я представляю свою страну. В конце концов, решать проблему Чечни на политическом и правовом уровне (а только так она и может быть окончательно разрешена) нужно нам самим. А не потому, что этого требуют другие страны.

Это не последний инцидент. Сторонники эскалации напряжения есть и в России, и за рубежом. Задача - успевать действовать. В июне срок принятия американских решений, значит, период наших активных действий - апрель. Если к моменту выхода этой статьи удастся ратифицировать в Думе СНВ-2 и заявить российские инициативы по глобальной системе контроля за ракетными технологиями, *это будет своевременный шаг* в правильном направлении.

Итак, от какой ошибки я бы хотел предостеречь президента в первую очередь? Чтобы он не думал, что у него много времени.

Мотор

Вопрос пятый: какую идеологию следует избрать сейчас?

Национальную. Новое поколение - это и есть национальная идея. Говоря по-русски, народная мечта

Главной же нашей ошибкой было бы считать, что за нас все сделает президент и «летняя погода».

Нас уязвляют тем, что мы одобряем чеченскую кампанию, стали государственниками и патриотами и идем вслед за Путиным. Это неточно: мы идем вслед за заказчиком - за новым поколением. Какая идеология нас ведет? Ведь со сменой эпох исчерпался позитивный смысл противостояния коммунисты-демократы. Что осталось?

Вместе с изменениями людей и общества развиваются и идеологии. *Наш либерализм остался все той же логикой здравого смысла*, но сегодня я назвал бы его либерализмом-два. Чем он отличается? Либерализм-один - система воззрений, либерализм-два - образ жизни. Психологическая разница влечет за собой и другую.

Новое поколение, конечно же, пока в меньшинстве. Но это меньшинство активно. Оно борется за мнение большинства. И главное, оно само может стать идеей для всей страны. Само по себе новое поколение и есть национальная идея, или, говоря по-русски, народная мечта.

Либерализм по своей природе тепл и человечен. О новом поколении, о будущем своих детей и внуков можно мечтать. А ведь нельзя мечтать о «монетизации расчетов» и «сбалансированном бюджете». Помнится, кто-то из журналистов «Эксперта» шутил, что самолет не может взлететь, если на борту недостаточно людей, которые верят в то, что самолеты могут летать. Самолет, о котором идет речь в этой статье, точно не взлетит, если люди, в нем находящиеся, в это не поверят.

Новое поколение - то, что верит в полет, - это поколение государственников. Но не потому, что оно стремится во власть, а потому, что туда не стремится. Оно не хочет всякий раз заново договариваться с государством. Оно ищет постоянства. Оно требует, чтобы государство выполняло свои базовые функции и всегда на один манер. Чтобы работал *бюрократический механизм - тупой, узколобый* и четкий, всегда одинаковый. *Его раздражает,* что в современной России нет бюрократии - одно вдохновенное творчество чиновников, причудливое и разнообразное.

Новый человек патриотичен, как любой гражданин. Он хочет гордиться своей страной. И уже как минимум перестал ее стыдиться. Он любит Россию, как француз любит Францию, англичанин - Англию, а немец - Германию, и не видит в этом ничего стыдного. Он без стеснения произносит слово «русский», не заменяя его деликатно «российским», - как и немец, и англичанин, и француз, имея в виду не «кровь и почву», а язык, на котором человек говорит. Западные ценности одинаково близки всем либералам. И новое поколение ценит чужое *privacy*, чужую самодостаточность, чужую свободу, не лезет ни в душу, ни в грязное белье соседа. Разница лишь в том, что для них западные ценности не равны западным интересам: русские интересы русским дороже.

Всем либералам, живущим в России, нужны избыточные гарантии частной собственности, и старым, и новым - прерванная некогда традиция не восстановилась, и доверия к власти не возникло. Но изменения все-таки есть. Первые либералы сторонились темы социальной справедливости, считая, что это хлеб левых. И правые, и левые полагали, что справедливость и эффективность противоположны друг другу. Для нового поколения это одно и то же. То, что справедливо, то и эффективно. Каждый, *кто поддерживает нынешнее уродство «социальной защиты»*, кто не уважает самостоятельного человека, кто поощряет иждивенчество, а не свободу выбора и свободу возможностей, тот неэффективен, а значит, несправедлив, - считает новый человек. Справедливы только те обязательства государства, которые оно

реально в состоянии выполнить. Нереальные обещания - самая мерзкая форма несправедливости. Новое поколение, укорененное в своей стране, несет стабильность и на нее рассчитывает. И требует права платить налоги. Потому что если оно соберется это делать сегодня, то разорит свой бизнес, *пустит по миру семью и похоронит предприятие*. А хочется быть честным и спать спокойно.

Новое поколение - это посредник между настоящим и будущим. Оно мотор того самолета, который должен привезти Россию в XXI век. Президент - пилот, взявшийся доставить нас в аэропорт назначения. Но без мотора самолеты не летают. Мы - правые - не экипаж, мы не партия власти. Но мы и не оппозиция. Мудрено звать в будущее и одновременно строить баррикады: так можно и ноги обломать. У нас не оппозиция, у нас позиция. Мы - партия мотора. Мы не представляем общество в целом, не отстаиваем интересы всех - это задача Путина, а не какой-либо из партий. Это он «президент всех россиян». Само слово «партия» происходит от латинского слова, означающего «часть». И мы представляем интересы только части общества - нашего заказчика, того, кто сегодня необходим государству и кого оно не привыкло учитывать в своих расчетах. Да и сам наш заказчик не приучен иметь дело с государством, не понимая, что без защиты своих интересов он окажется завтра в такой стране, где сам факт его существования будет поставлен под сомнение. А врожденный либерализм нового поколения обернется для него билетом в один конец - в эмиграцию. Но это наша страна, и мы никому ее не отдадим. На том и стоим.

А значит, наступает время полноценной политики. Политики - как формирования своего образа будущего, политики - как согласования общественных интересов с нашими интересами, политики - как борьбы за власть, за свою власть.

Изначально у меня вся статья была про это. Я хотел написать о том, что, когда интеллигенция боится, она по-своему права: опасность авторитаризма в России и в самом деле существует, но она объясняется не

личными желаниями или нежеланиями Путина, а объективными обстоятельствами. Если экономика даст сбой, то мы неизбежно потянемся к авторитаризму. Если будет сбой с СНВ/ПРО, мы потянемся туда же. И если будет сбой с чиновничьими кадрами, то нас ждет аналогичная судьба. А этого сбоя очень трудно избежать. Потому что у нас *дикий, просто бешеный кадровый дефицит*, и через месяц-полтора Путин столкнется с тем, что вся административно-командная вертикаль, которая бодро рапортовала о его поддержке, начнет саботировать принимаемые им решения. А где брать людей? Только из нового поколения с его стихийным государственничеством и патриотизмом - и одновременно с внутренним пониманием потребностей самостоятельного «нового класса», только их можно рекрутировать в служивое сословие. То есть нужна настоящая, серьезная системная кадровая реформа. И мы как по кругу приходим к одному и тому же. А вы говорите, оппозиция. Какая, прости Господи, оппозиция, когда времени совсем не осталось? Взлетать надо. Иначе та Россия, в которую мы стремимся, так и останется на бумаге - проектом, описанным в газетах конца XX века.

Русских офицеров – в дикторы ОРТ!

(Завтра. 2000. №38. Сент.)

Напрасно демжурналисты набросились на стиль, коим написана «Доктрина информационной безопасности России». Им ли, говорящим, по меткому выражению Полто-ранина, на «лагерном иврите», оценить блистательную лексику документа, не уступающего по изысканности Набокову. Что может быть прекраснее языка, которым изъясняются русские офицеры, обеспокоенные судьбой Отечества? Пожалуй, лишь текст судебного приговора, пресекающего деятельность предателей Родины. Рекомендуем преподавателям русской словесности включить наиболее поэтичные места «Доктрины» в хрестоматию родной литературы, выдавив оттуда братьев Вайнеров, братьев Стругацких, братьев Тур, братьев Монгольфьер и других «братьев наших меньших», против кого и направлен упомянутый ослепительный текст.

Бывший министр печати и информации Федотов, пытавшийся при Ельцине закрыть газету «День», которую все же без суда и следствия, под грохот грачевских танков, закрыл его «брат» со зловещей фамилией Цабрия,— этот экс-министр, на долгие годы пропавший без вести в Женеве, издевался над «Доктриной», отрицая роль иностранных государств в спонсировании российской прессы, в управлении ими информационными потоками России.

А как же Сорос, агрессивный русофоб, державший на содержании целый гарем демократических газет и журналов? А «Ньюсуик», спаренная с «Итогами»? А радио «Свобода», на льготных условиях отхватившее особняк в лучшем районе Москвы, рассылающее по стране подрывных журналистов-бабицких? А Лев Новоженков, в гайморитной передаче «В гостях у Льва» ставящий^Ттюд^ сомнение принадлежности Южных Курил России? А НТВ,

пропитанное идеологией НАТО, как уксусная тряпка, поднесенная к устам Христа? А усатый «агент влияния», благословлявший американские «В-У» в дни бомбардировок Белграда? А Масюк, бравшая интервью у агентов турецкой разведки Хаттаба и Басаева? А некрофилы, торгующие снимками русских трупов, вызывающие у солдат такую живую и праведную ненависть, что, увидев телекамеру, те пускают в нее пулю? А мерзавцы, на трагедии Военно-морского Флота изготавливающие «информационный продукт», добывающий остатки военной мощи страны? А «чернуха», навязывающая мысль о беспросветности русской жизни, после чего обязательно последует сюжет о веселой рок-опере на Бродвее? А цветная пена иностранных боевиков и «мыльных опер», как из прорванных очистных сооружений, дни и ночи текущая в русские дома? А дядюшка Познер, воспитывающий нас на примере дядюшки Сэма? А дикторши, у которых случается многократный оргазм при слове «Америка»? А последний инцидент в Ханкале, когда военные помешали провокаторам НТВ вклиниться в мучительный конфликт Кадырова и Гантемирова, суливший пролитие крови?

Телевизионные империи Гусинского и Березовского — есть мощное, оснащенное западными прицелами, сконструированное западными оружейниками информационное оружие, с помощью которого олигархи рвутся к политической власти. Эта власть должна продлить выедание у поверженной страны последних остатков живой плоти, после чего огромный белый русский скелет останется лежать от Смоленска до Владивостока, напоминая наивным народам, к чему может привести отсутствие у них «Доктрины информационной безопасности».

Нам нравится, что прогнали Доренко с его голыми проститутками, и пусть его место займет наш добрый товарищ из Ханкалы — полковник Кухаренко. Нам нравится, что дядюшка По, почуяв запах ружейной смазки, добровольно отказался от программы «Мы». Ибо «Мы», народ, умираем от «вас», Познер.

Как только власть создаст свою службу информации, перестанут тонуть подводные лодки и гореть телевизионные вышки. Перестанут умирать дети и осыпаться позолота с кремлевских соборов. Мы увидим другую страну. Не ту, которую показывает нам губастенькая Зайцева, заглядывая в золотые клозеты богачей. И не ту, которую подсовывает нам влажный от профессионального рвения Лобков, демонстрируя, как злой волшебник А.Яковлев выращивает на своей даче анчар и смазывает им стрелы. Мы увидим страну, мучительно выбирающуюся из-под глыб ельцинизма. Услышим ее писателей, философов, правдолюбцев. Увидим родные лица, родные пейзажи. Возликуем и восплачем от звуков любимых стихов и песен. Преодолеем уныние, страшное опустошение душ, раскол, на который нас обрекли враги. А Новодворскую, с ее мазохизмом и неистребимой любовью поправлять бюстгальтер перед телекамерой, мы попросим спеть под клавесин «Доктрину информационной безопасности», которая, положенная на музыку Шнитке, вполне может сгодиться в день закрытия московской редакции радио «Свобода».

Александр ПРОХАНОВ

Закон, закон и еще раз закон!

Конфликт на Северном Кавказе, как и конфликт в любой точке России, носит один характер - нежелание соблюдать Основной Закон нашей страны. Мы так долго *отбивали охоту* соблюдать Конституцию Российской Империи (четыре советские конституции), что пятую Конституцию тоже не особенно хотят соблюдать и граждане, и должностные лица. Поэтому удивляться здесь нечему. Если здесь, в Государственной Думе, мы не хотим соблюдать Конституцию, Основной Закон, не хотим соблюдать закон о статусе депутата, не хотим соблюдать Регламент, то что вы хотите от граждан, которые *не связаны теми обязательствами*, которые мы дали нашим избирателям? Поэтому все, что происходит сегодня в масштабах всей России, и в том числе на юге, *носит естественный характер*. Здесь не нужно думать, так сказать, что кто-то в одном регионе что-то специально сделал, ибо неприятие законодательства повсеместно.

Я только вчера из Петербурга. Чего мне волноваться за Кавказ, когда вчера мне, депутату Государственной Думы, приставили пистолет ко лбу? И кто это делает? Глава администрации Собчак. Если преступники возглавляют администрацию на местах, меня не интересует Кавказ, меня Север интересует.

Уже целый год мы говорим: заслушать отчет мэра, принять какие-то меры в отношении его. Ничего же не делается. Вчера всю делегацию Госдумы (в Петербурге) заставили положить руки на капот. Меня единственного они знают в лицо и постеснялись это сделать. Ну вот зачем мне нужно заниматься Кавказом, если на Севере меня ставят под дуло автомата? Та самая милиция, или вооруженные люди, которые должны обеспечивать безопасность.

Это факты, это каждый день происходит. Поэтому, если мы пытаемся лишить слова депутата... Слово ему дал народ, вы не имеете права его здесь

лишать слова, нигде этого не написано: ни в Конституции, ни в Регламенте. Но вы приходите сюда к микрофону и говорите: лишить слова. Так что же вы хотите? Почему другим народам не делать и не жить так, как им хочется? Мы же нарушаем законы постоянно везде. Если Госдума говорит: остановить приватизацию, - из Кремля говорят: продолжить приватизацию. Мы говорим: не хотим этого прокурора - тот прокурор остается. Это же анархия в масштабах всего государства. Поэтому не надо выискивать виновных. Если депутаты Государственной Думы (Явлинский и Гайдар - прим. ред.) устраивают в центре Москвы противоправные действия, нарушают Положение по городу Москве о проведении несанкционированных мероприятий, то что же вы хотите? Что это за Дума? Мы сами каждый день совершаем преступления. Если нам сообщили, что в Думе находятся депутаты, пришедшие сюда на иностранные деньги (ЦИК в своем отчете признал, что «Яблоко» получило деньги в свой избирательный фонд от иностранных фирм - прим. ред.), и Дума продолжает функционировать, не удалив из зала депутатов, приход которых в парламент, так сказать, был оплачен определенными спецслужбами, то что вы хотите-то? Поэтому мы должны понять: по новой Конституции у нас разделение властей. Президент не должен вмешиваться в дела парламента, мы не можем вмешиваться в дела Президента. Его избрало население. Население изберет другого Президента. И то же самое должно быть... Не личность должна играть роль, а позиция Основного Закона. Мы не вмешиваемся в деятельность Верховного Суда России? Не вмешиваемся. И здесь нет Председателя Верховного Суда, который нам будет указывать, как принимать законы. То, что делает исполнительная власть, - это *ее поле деятельности. Наше поле деятельности* - законодательство. Поэтому *не надо снова смешивать все ветви власти*, тогда не нужен парламент, давайте изберем, так сказать, политическое руководство России.

И нельзя создавать комиссию. Что значит комиссия *от разных ветвей власти*? Ну, сколько комиссий можно создавать? Вы комиссию по Кемерово

создали, и что это дало? Где результаты? Ничего же нет! Когда депутаты находились в воздухе и должен был разбиться самолет (губернатор Кемеровской области не дал разрешения на посадку самолета с депутатами от ЛДПР и самолет с трудом дотянул до резервного аэродрома - прим. ред.), *на это наплевать было* главе администрации Кислюку и Государственной Думе. И сейчас снова - «создадим комиссию». То, что происходит на Кавказе, комиссиями не решается. И не только на Кавказе, в любом регионе.

Национальный вопрос не решается таким вот широким обсуждением, какой народ лучше, какой хуже. Есть два пути решения, так сказать. Или сплошная суверенизация, как была сплошная коллективизация. Но *это происходит насильно*, потому что тогда русский народ тоже везде создаст свои республики, в том числе и в городе Грозном надо создать суверенную русскую республику. Или у нас будет единое государство. И новая Конституция предполагает наличие единого Российского государства. Поэтому всякие политические спекуляции по вопросу о том, что такая демократия с танками нам не нужна... Я согласен, только три года назад это нужно было сказать. Три года назад нужно было сказать, что вот та демократия, которую нам навязали с августа 1991 года, нам тоже не нужна. Пусть у нас будет одинаковый подход ко всем историческим явлениям, как и ко всем партиям.

У нас информационная война в стране проходит, мы ее продолжаем вести и потом говорим: «Вот где-то прорвалось (в Чечне)». *Больной умирает, если его судьбу решают несколько врачей. Большие всего смертельных случаев, когда, так сказать, консилиум собирают: пока они принимают решение, больной умирает.* Поэтому в такой ситуации, как на Кавказе, никакие комиссии, никакие выборы, никакие обсуждения невозможны. *Раз ситуация созрела*, она может и должна решаться только исполнительной властью, никто не должен вмешиваться. Все должно происходить в соответствии с Конституцией, с теми функциями, которые возложены на внутренние войска, на Министерство обороны. Они сами все

это должны решать. Мы же с вами не будем говорить пожарникам, как тушить дом. Мы скажем: «С той стороны воду подвезите» или «Давайте еще кого-то позовите». Они скажут: «Отойдите в сторону, вы нас вызвали уже, мы уже работаем.»

Так и здесь. Уже когда прозвенел последний звонок, в услугах Госдумы никто не нуждается. Когда депутаты от ЛДПР привезли двух солдат, отмыли, накормили и передали по назначению, в это время другие депутаты продолжают их удерживать. Мы не поднимаем этот вопрос, вы подняли вопрос. Мы в соответствии с законом передали их, и ими занимаются, и нормально занимаются, а вы во второй раз в плен их «посадили». Сперва их на Кавказе пленили, а теперь «посадили» их здесь, так сказать.

Вот голос надорвал вчера в «боях» с Собчаком. У меня северные фронты. Меня южный фронт не интересует. (Шум в зале.) Меня интересует северный фронт. Там у нас нет порядка. Поэтому, если мы, депутаты, будем применять два стандарта, мы никуда не двинемся. Есть Конституция - стандарт один. И решение национального вопроса только одно - единое Российской государство, единое, где национальный вопрос будет решаться дома, на кухне, в религиозном учреждении, в обрядах, в обычаях, в одежде, в питании, пожалуйста, но не на государственном уровне.

И то, что сегодня происходит на Кавказе, все это, к сожалению... Опять же я вынужден сказать о планах, так сказать, международных центров, им это надо, и *определенным силам в Москве надо.* И здесь *нам не устоять.* Если они смогли часть парламента России сформировать на свои деньги, то сформировать внешнюю политику России на Кавказе тем более смогут. Поэтому мы должны сделать все так, *чтобы конфликт не разрастался дальше. А что делают, если одну ногу гангрена поразила? Чтобы спасти все тело, что делают врачи, если лечить не получается? Надо ампутировать, так врачи говорят.* Вот в политологии то же самое: чтобы эта маленькая война на Кавказе не превратилась в большую войну между Россией и всем

южным регионом от Стамбула до Алтая, нужно с ней покончить сегодня, сегодня! А если будем идти...

Из зала. Регламент!

Жириновский В.В. Регламент у Вас был на Пушкинской площади, депутат Осовцов, туда Вы позвали людей. *(Аплодисменты.)* Вот видите, как он опять... Выступают их представители - он молчит.

Председательствующий. Владимир Вольфович, завершайте, пожалейте себя, голос совсем уже...

Жириновский В.В. Голос ничего, как только уберем Собчака, голос «прорежется», и будет все хорошо. *(Шум в зале.)* Поэтому я призываю к одному: не надо переходить на личности и смотреть, кого вам жалко и где какие могут возникнуть ситуации. Строгое соблюдение закона! Российская республика - это единое государство, везде действует Конституция. Если есть Вооруженные Силы, они могут применяться в любой точке России, в том числе и с 15 декабря в городе Москве они могут быть применены, как бы мы этого ни не хотели. Так что нам осталось мирных дней всего два. Давайте два дня мирных проведем в более спокойной обстановке и не будем создавать лишних поводов для усиления напряженности в обществе. Поэтому Государственная Дума России, Иван Петрович, должна заняться сухой работой по созданию новых законов и оставить в покое исполнительную власть. И никаких комиссий не формировать, никого никуда не посылать и никакую идею свободных выборов не пропагандировать! Давайте сперва свободные выборы в России проведем, хоть один раз. Здесь у себя проведем и уже тогда будем советовать, какие выборы свободные провести в других регионах.

Поэтому позиция фракции ЛДПР - никуда не вмешиваться, соблюдать закон и просить политическое руководство страны (я заканчиваю) обеспечить защиту всех граждан России (и гражданских, и военных) в любом регионе Российской Федерации. Закон, закон и еще раз закон! *(Аплодисменты.)*

Прим. ред. На заседании 13 декабря Зюганов потребовал переговоров с бандитами. Он заявил: «Мы считаем, необходимо приостановить военные действия и включить весь переговорный процесс на полную мощность, пригласив на эти переговоры все авторитеты (государственные, религиозные или общественные) из всех республик Северо-Кавказского региона. Повысить статус делегации Правительства, Президента и Государственной Думы на этих переговорах». Не поддержали борьбы с сепаратистами также Явлинский и Гайдар, которые накануне провели в центре Москвы митинг в поддержку чеченских бандитов.

**О проекте федерального закона об ограничениях оборота продукции,
услуг
и зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской
Федерации**

Жириновский В.В. И закон действительно важнейший, потому что *можно накормить население*, создать условия безопасной жизни, но если не решить вопросы сексуальной культуры (именно в этом плане нужно понимать закон), не повысить уровень сексуальной культуры... По-русски даже лучше назвать это половой культурой, у нас многих пугает чужое слово «секс», по-русски это - половые отношения, то, с чего начинается наша с вами жизнь. Если бы их не было, то и нас бы здесь в этом зале не было. И мы иной раз отвергаем, так сказать, основу самой жизни.

Вопрос имеет самые разные аспекты. Вот две страны. Таиланд. Слишком разрешили все - но Таиланд не воюет. Рядом Бирма. Все запретили - и *Бирма истекает кровью*. Вот что лучше? Таиланд - плохо, но еще хуже - Бирма. То есть из двух зол человечество должно выбрать меньшее зло, хоть мы этого и не хотим.

Да, на алкогольные деньги мы содержали, может быть, полстраны в свое время. Но это же известно. На деньги от наркобизнеса существуют целые государства. К сожалению, очень много доходов на планете Земля добывается аморальным путем. Но планета, сама планета не готова обеспечить собственное население, нас с вами, всем тем, что необходимо, честным нормальным трудом. Неужели вы думаете, есть добровольцы выйти на панель, есть добровольцы стрелять, есть добровольцы принимать наркотики. Это же *общество подталкивает!* Если миллионы мужчин находятся в состоянии войны десятки лет, то какая у них может быть нормальная половая жизнь? Если у нас миллионы женщин-одиночек. Они

что, виноваты? У них нет мужа. У них что, не должно быть нормальной половой жизни? А как она должна происходить? Если юноша вступает в брак в 25 лет, а потребность в половой жизни наступает у него в 15-16, что он делает 10 лет? И так далее. Сколько разведенных, сколько вдов, сколько вдовцов?! То есть миллионы людей не имеют возможности вести нормальную половую жизнь. Отсюда причина многих революций, многих ненужных реформ, многих злодеяний.

Когда «Московский комсомолец» говорит: расстрелять юношу, изнасиловавшего полуторамесячную девочку, надо вспомнить его слова на суде. Он сказал, что он шесть лет не имел полового акта. То есть парень сошел с ума. Да, он совершил это злодеяние, но как он к этому злодеянию подошел? Именно потому что не было воспитания, потому что не было у него отца, потому что он из глухой провинции и только слышал о каком-то сексе, о каких-то женщинах, о какой-то доступности. Но сам не имел на это денег. И после шести лет раздумий, мытарств он совершил это злодеяние.

То есть чаще всего общество толкает к той грязи, против которой мы пытаемся выступать. И при этом не хотим регулировать этот процесс. Это важнейший процесс нашей жизни. Он главнейший, возможно. И если мы его правильно решим, мы и остальные вопросы решим.

Поэтому здесь нельзя ни в коем случае отвергать, ни в коем случае запрещать. Надо, наоборот, ввести скорее основы полового воспитания. Мы это сделали лет десять назад, но назвали - основы семейного воспитания. Вместо того чтобы повышать половую культуру, стали говорить об отношениях бабушки и дедушки. То есть надо уважать бабушку и дедушку. Это понятно. Но ведь цель-то была ввести половое воспитание. Мы так и не хотим его ввести. Кто стал преподавателями этого предмета? У моего сына в школе, это было 10 лет назад, военрук преподавал параллельно военное дело и основы семейного воспитания. Чему он мог научить? Если он мог научить стрелять, подготовить к армии, то в этих-то вопросах он не специалист.

Касаясь этого вопроса, мы не должны думать о том, как мы с вами решим. Мы должны обратиться к мнению врачей, сексопатологов, узнать статистику, количество мужчин, неспособных стать отцами. Об этом подумайте, так сказать, прежде чем начинать пытаться что-то запретить. Посмотрите, есть пляжи nudистов. Там публика ведет себя намного спокойнее, чем на обычном пляже. И даже, наоборот, появляется отвращение смотреть на это голое тело. Очень часто оно, наоборот, не вызывает никаких хороших эмоций, когда все видно-то. Вот когда скрывают определенные части, то начинают думать: что там за этой закрытой частью? А когда все видно, то чаще противно становится.

Как отучают мальчика курить? Ему дают в 15 лет две пачки, выкури подряд - и он на всю жизнь отвыкает курить. Он не хочет. Ему сразу опротивело все это. А если запрещать, он обязательно будет прятать сигарету где-то на чердаке, в подвале и курить ее.

Пожалуйста, мусульманские регионы. Там здоровое отношение. Нет секса. Полностью, наглухо. И что делают эти юноши из этих регионов? Они насиловали наших женщин. У себя в ауле он не подойдет ни к девочке, ни к женщине. Но когда приходит на просторы России... Тысячи наших женщин изнасилованы были на Кавказе, в Узбекистане, в Средней Азии за все время вооруженных конфликтов. Но там, где стояла русская армия, - единицы. Я не говорю, что русские мальчики святые, но соотношение один к тысяче. Если русский парень это... один раз в сто лет или одну женщину, местную, то эти вот кавказцы и из Средней Азии десятки тысяч наших женщин самым *зверским способом* изнасиловали. Но у них все хорошо! У них отличное отношение к женщине! Упаси Бог, она вся закрыта! Там никакого секса нет. Они вообще ее закрыли с ног до головы. Свою! А женщину чужой цивилизации не только раскрыли, но изнасиловали и убили. Это вот двойная культура, двойная мораль. У них - все хорошо. У них - Аллах акбар! А на просторах России можно делать все, что угодно. Кстати, вот эти, что оттуда, с Кавказа, они и усиливают у нас вот эту самую аморалку. Или возьмите

запрет на алкоголь в тех же регионах. Хорошая мера, даже Коран запрещает. Вместо этого гашиш, насвай - и они все тоже одурманены наркотиками. Чем они заменили? Алкоголь запретили, но ввели в оборот наркотик. Это норма жизни. Там нет понятия «наркотик». Чего жуешь? Насвай. А ты чего? А я анашу. А ты что? А я план. И нормально все. То есть мы не можем избежать ситуации...

(Микрофон отключен.)

Председательствующий. Владимир Вольфович, предложения, пожалуйста.

Жириновский В.В. Предложения уже. Поэтому тут большая идеология закона, философия закона. Я вас прошу, мы должны регулировать. Закон начал регулировать процесс - это очень сложно. Если у нас не было бы ГАИ и впервые выставить «гаишника» на улицы Москвы, то все водители скажут: убрать немедленно, убрать. Они не привыкли к этому.

Поэтому важно, что впервые появляется закон, который начинает хоть как-то регулировать процесс. И я рад, что автором закона - Комитет по культуре, и рад, что представил его именно председатель в лице Станислава Сергеевича Говорухина, человека, создавшего значительные произведения культуры для нашего населения и молодого поколения.

Поэтому я прошу поддержать. Если есть любые замечания - давайте их во втором чтении, в третьем. И надо обязательно Уголовный кодекс менять, и срочно принять закон о телевидении. И вот там-то мы должны урегулировать процесс, ибо там массовое влияние. Если там в полдевятого не будут показывать то, что сегодня иногда показывают (третий канал недавно показал)... Вот это нам мешает.

То есть параллельно с этим законом давайте ускорим принятие всеобъемлющего закона о телевидении - и мы моментально решим вот эти проблемы, связанные с воздействием на проблемы сексуальной морали.

И последнее. Тут затронули вопрос, допустим, о рекламе этих же услуг. Да нам тут нужно антирекламу проводить. То, что нам везут оттуда, -

это плохого качества. Давайте свое делать, в том числе и противозачаточные средства. Те, что оттуда, - они плохого качества. Наши некрасивые, но более прочные и надежные. В том числе и наша литература - она более здоровая. Раз уж нельзя это полностью исключить из человеческой жизни, то давайте регулировать. И задача законодателя: эти процессы регулировать.

Прошу от имени фракции поддержать данный законопроект в первом чтении.

«Мы должны провести экономическую амнистию»

(Выступление в Госдуме 5 декабря 1997 года при рассмотрении бюджета 1998 года, в варианте, в котором по согласованию с правительством была достигнута договоренность об увеличении расходной статьи на 28 миллиардов новых рублей. Бюджет шел тяжело и только с помощью 33 голосов депутатов-коммунистов был принят)

Мы не первый раз обсуждаем бюджет. И независимо от того, нравится он или не нравится, голосуем за или против, дела в стране остаются прежними. Также не раз мы требовали перестановок в Правительстве. Там делают перестановки, но лучше не становится, даже в чем-то хуже. Поэтому вопрос не стоит так: голосовать - не голосовать за бюджет. Это формальность, так сказать. Сможет ли Правительство начать тратить те деньги, которые с трудом может собрать, с 1 января или без нашего согласия то же самое будет делать уже с 6 декабря, с завтрашнего дня, если мы, допустим, бюджет не принимаем? Вопрос больше политический.

Я прекрасно понимаю, что, сколько мы здесь ни призывали бы к смене курса, никто курс менять не будет. И каждый раз, когда фракция КПРФ или фракция «ЯБЛОКО» отвергают Правительство или бюджет, они забывают об одном: что это их Правительство. Кроме ЛДПР, в нем все остальные, вы все участвуете - представители 90 процентов депутатского корпуса. Это ваше, родное сперва советское правительство, а теперь демократическое. Поэтому вызывает, конечно, удивление, когда те, кто формировал этот режим, эту власть, эти законы, эти конституции, кто участвовал и сегодня направил на ключевой пост - на ключевой! - своего человека (*М. Задорнова - самого грамотного экономиста из фракции «Яблоко»*), сегодня будут говорить, что они против этого Правительства и против этого бюджета.

Это перекос. Перекос в нашем сознании, перекос в нашей демократии. Потому что это все фальшивое. Фальшивое! Я не буду говорить о глобальных вопросах. Давайте - о конкретных.

Начнем с неба. Авиация. Там *деньги пропадают? Каждый день пропадают!* Почему за пролет над нашим небом деньги уходят за рубеж? Остановите это, господа министры! Почему у вас авиацией занимаются два министра? Вы сокращали ведомства, а теперь у вас два министра: Анодина и Зайцев. Зачем? Почему иностранные самолеты падают в десятки раз чаще, чем наши, но наши журналисты молчат про аварии иностранных самолетов! И они все больше и больше прибывают к нам, в том числе эти «Боинги», потому что фирма «Боинг» заплатила журналистам. Дали карточки, чтобы обедать каждый день в их клубе, и два раза в год - поездка в Сиэтл, в штаб-квартиру фирмы «Боинг». Вот такова наша демократия! Поэтому в авиации нет порядка. Вот оно - наверху, на небе.

А на земле что происходит? Наши мощные компании. Одна из них добывает нефть - российская компания - в Каспийском море. 6 миллионов тонн - России, 3 миллиона - в Турцию, и деньги остаются там. Это что такое? Кто этим будет заниматься? В тот раз я передал Министерству финансов документ о том, что московское отделение «Кока-колы» не платит налоги. Вы с них взяли налоги? Не берем налоги!

То есть даже если не брать глобально, не менять курс, то надо хотя бы навести порядок в том хозяйстве, которое сегодня сложилось!

Если мы заключили соглашение о разделе продукции и нам оно выгодно, зачем мы отменяем пошлину на ввоз импортного оборудования? Наши же заводы будут стоять. Так пусть наши заводы производят это оборудование. Нет, Немцов сам это отменяет и запускает сюда... И при поездке в Китай... Соглашения с другими странами. Зачем он это делает?!

И пока, Виктор Степанович, дети будут в Правительстве... А моложе 50 - это дети. Они еще ничего не соображают. Ничего не соображают! Это кадровый вопрос. Кадровый вопрос - вопрос Президента, я понимаю, не ваш. Мы завязаны: мы говорим вам, а решает Президент. А он нас не слышит. Я ему говорю в Кремле: «Опасность утраты Дальнего Востока». Он говорит: «Что нужно делать?» Я говорю: «Ввести жесткий визовый режим. Сколько

въехало китайцев - столько должно выехать через неделю». И вот с Китаем делают все наоборот - снимают визовый режим. Заезжайте - берите, ваш Владивосток, ваш Хабаровск. Все наоборот! То есть на Президента влияют определенные силы. Когда он слышит нас, он соглашается. Потом другие чиновники приходят и делают все наоборот.

Поэтому в условиях, когда у нас с вами и на небе непорядок, и на земле, и под землей, это утрясение цифр - это техника, это *детский лепет*. *Эти деньги пойдут, не пойдут...* Мы теряем каждый день наши деньги. Перекос в устройстве государства. Это кто мешает нам ликвидировать? Ну нельзя, чтобы государство было *поделено на национальные клетки и эти национальные клетки по-разному финансировались* (Кавказ, я имею в виду, Поволжье и другие национальные регионы). Мы же должны это понять. *Экономика не будет развиваться*: нет нормальных баз. *Никогда она не будет развиваться!*

Мы должны провести экономическую амнистию. Комитет по безопасности предлагает законы, по которым все - под контроль. Ну никто не понесет деньги в банк, если сведения о каждом взносе в банк уходят немедленно во все инстанции. Ну тайна вклада гарантируется государством во всем мире! Тысячу лет государство ждет, чтобы мы положили деньги в банк, а нам говорят: «Положи, и мы тут же сообщим в налоговую полицию». Никто этого делать не будет. Ведь те, кому надо, они вывезли и вывезут, они откупятся от налоговой полиции, инспекции, от всех силовых структур. А простые граждане не будут доверять тем банкам, которые берут под контроль все их средства. Но для видимости - это борьба с преступностью. А преступность уменьшилась? Не уменьшается. Она же не уменьшается!

Мы должны исходить из факта: преступность не уменьшается, несмотря на количество законов. Ведь в Уголовном кодексе есть все статьи, нам ничего больше не надо, нам нужен один *Уголовный кодекс, но он же бездействует, как бездействует Конституция*. На всех выборах идет фальсификация. На всех выборах фальсифицируют бюллетени или же

мешают вести нормально предвыборную борьбу, а потом заявляют о своих победах. Нет никаких побед. Все выборы на 30 процентов - фальсификация.

«Черный нал» у нас гуляет по стране. Псковская область. За один год добилась администрация, чтобы поступления в бюджет от контроля над водкой стали в девять раз больше. Кто мешает Правительству то же самое сделать в масштабах всей страны? Так вы думаете, благодарят псковского губернатора? Нет. *На него направляют его же милицию.* Ну будет ли экономика развиваться? Успех налицо: под контроль взяли, *выгнали всю фальшивую водку*, всю теневую. Нет, как же - это же наводят порядок! Как это можно допустить, чтобы в одной части России навели порядок. Да потом еще люди скажут, что это заслуга ЛДПР. Давай, милиция, вместо того чтобы помогать, мешай губернатору! Не жуликам, не ворам, а губернатору Псковской области. Это милиция? Нет!

Если взять эти параметры от западных границ, от Пскова и до Сахалина, Японии и Курил, мы совершаем постоянно ошибки. Внешняя политика. Всем уже известно: *в отношении Ливии, Ирака начали шевелиться, с опозданием, но начали шевелиться.* Хорошо. Другие государства - Иран, Судан. Пока Америка их не блокировала, мы ничего с ними не делали. Сейчас Америка блокирует Иран и Судан, мы начнем заниматься Ираном и Суданом, а в это время Америка нам будет запрещать как-либо с ними сотрудничать.

Мы же можем толком экспортировать даже нашу энергию. Нам ее здесь не хватает, наши нефтеперегонные заводы стоят - а нефть каждый день вывозят за рубеж. Зачем это делается? Почему мы продаем дешевле наш газ тем же немцам? Почему опять газ пойдет в Турцию и не придет в наши села, для нашей энергетики? Вот это все вопросы, которые наверху стоят, лежат, но никто ими заниматься не хочет. И мы сами не можем добиться даже в парламенте какой-то внутренней солидарности, чтобы эти вопросы правильно обсудить и правильно решить.

И если мы не будем менять нашу внешнюю политику в интересах России... Мы говорим: сократим наши войска. Да сколько же можно в одностороннем порядке сокращать?! Мы после войны все время сокращаем. *Чудовищная армия*: ее сокращают - она все еще есть, *ее не кормят* - она все еще есть, ей не дают вооружение - она все еще есть.

То есть все то плохое, что происходит в стране, будет происходить, и Председатель Правительства не будет все знать, и Президент, пока не будет мощных силовых структур, нового комитета государственной безопасности. Мы голосуем против создания мощных силовых структур. И КГБ, и МВД, и Министерство обороны, пограничники, налоговая полиция - они требуют денег. Без денег они не будут работать, и наоборот, часть их - низовые структуры - будут работать против нас с вами. Бесполезно! Если мы не дадим нужные деньги силовым министерствам, *мы погубим страну*. Это же видно. И мы должны это делать.

Поэтому каждый раз, когда мы голосуем за бюджет, мы это делаем с нежеланием. У нас нет желания голосовать за такой бюджет. Но мы должны решать эти кардинальные вопросы. И мы не договоримся, пока у нас с телевидением не будет порядка. Это не демократия! Сванидзе - это не руководитель государственного канала, потому что ему ближе такие, как Новодворская или еще другие, так сказать, уличные демократы. Это не государственный канал. Нужно менять руководителя. Нам нужна нормальная чистая информация. Люди пишут с мест: им нечего есть, а им каждый день показывают зубные щетки, или прокладки, или еще что-то. Ну им стыдно это все смотреть и слушать!

Люди хотят пищи, нормальной пищи, зарплаты хотят - *Москва день и ночь гуляет*. Но: *гуляет один город!* Сколько же можно устраивать пир во время чумы? *Вся провинция лежит, там социализм - в Москве благоухает капитализм*. Но это в одном городе, нельзя в одном городе построить капитализм, это все имитация, потемкинский город.

Я повторяю еще раз: мы еще год, может быть, потерпим, может быть, еще 1999 год, но, Виктор Степанович, *в 2000-й мы не войдем ни с вашим Правительством, ни с этим парламентом.* Если мы не наведем порядок, то, естественно, мы вынуждены будем все с вами согласиться на авторитарный режим, и нам лучше уменьшенная демократия, но накормленный наш народ, и который будут меньше оболванивать. Поэтому давайте (последние год-два осталось нам всем вместе), мы должны все вместе подать в отставку 31 декабря 1999 года, независимо от исхода выборов.»

При обсуждении поправок к проекту бюджета В. Жириновский добавил: «Пользуясь случаем, что присутствуют Президент страны и Председатель Правительства, прошу в целом не только поддержать эту поправку, но взять под контроль все статьи бюджета 1998 года, касающиеся силовых министерств: Министерства обороны, МВД, пограничников, ФСБ и налоговой полиции, чтобы все, что мы утвердим, до копейки ушло силовикам в 1998 году. Все, что угодно, делайте, в том числе можете нашу зарплату уменьшать, но силовым министрам все до копейки отдать в 1998 году! Это просьба нашей фракции. Прошу поддержать весь парламент.